

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-образовательный и методический журнал

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

№ 4 (26) 2017

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2017

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИНЦ
(регистрационный номер 261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Балсевичуте-Шлякене Виргиния, д-р гуман. наук, профессор, профессор Вильнюсского государственного педагогического университета (Литва, Вильнюс);

Бразговская Елена Евгеньевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Пермь);

Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, президент Научно-образовательного культурологического общества, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заслуженный деятель науки РФ (Россия, Санкт-Петербург);

Гурленова Людмила Викторовна, д-р филол. наук, профессор, директор института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Жеребцов Игорь Любомирович, д-р исторических наук, старший научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН (Россия, Сыктывкар);

Зюев Николай Федосеевич, д-р философ. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто, председатель комитета по образованию общества «Little Russia» (Канада, Торонто);

Леонов Иван Владимирович, д-р культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, сопредседатель Санкт-Петербургского и Ленинградской области отделения Научно-образовательного культурологического общества (Россия, Санкт-Петербург);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Муравьев Виктор Викторович, д-р философ. наук, доцент, профессор каф. культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Сотникова Ольга Александровна, д-р педагогических наук, и.о. ректора Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Сулимов Владимир Александрович, д-р культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Скотт Тое, д-р философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Осло, Норвегия);

Сурво Арно, д-р философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, д-р философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Тульчинский Григорий Львович, д-р философ. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Шабаев Юрий Петрович, д-р ист. наук, профессор, зав. отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН (Россия, Сыктывкар);

Шапинская Екатерина Николаевна, д-р философ. наук, профессор, зам. руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва).

Редакция журнала

В. А. Сулимов, В. В. Муравьев, О. В. Золотарев, Л. В. Гурленова.

Главный редактор В. А. Сулимов

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, начальник отдела планирования организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Гудырева Любовь Васильевна, канд. филол. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга; руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Руденко Людмила Николаевна, зам. руководителя по издательской деятельности издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Вокуев Николай Евгеньевич, канд. культурологии, доцент кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

E-mail: vasulimov@mail.ru

Подписной индекс журнала Е34110, каталог «Почта России» 78782.

Подписка через сайт «Пресса по подписке» www.akc.ru.

Свободная цена

Стоимость подписки 618 руб. на полгода.

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Философия культуры

Лапатин В. А. Автономия нетвердой воли:
к вопросу о статусе субъекта современности
Lapatin V. A. The Autonomy of the Unsteady Will:
Concerning the Status of the Present-Day Subject.....6

А. А. Лисенкова, Г. Л. Тульчинский. Новые форматы мифологизации
в цифровом пространстве
A. A. Lisenkova, G. L. Tulchinsky. New formats of evlogitaria
in the space of digital communications..... 20

Культурология

Вокуев Н. Е. Культура журналистики в Республике Коми:
2013— 2017 годы
Vokuev N. E. Journalism culture in Komi Republic: years 2013— 201732

Герасимов С. В. Постсекулярность как индикатор расширения
и смены концепта реальности
Gerasimov S. V. Post-secularity as an indicator of the expansion
and change of the concept of reality..... 47

Золотарев О. В. История коми учительства
в отечественной историографии
Zolotarev O. V. The history of Komi teachers
in the domestic Historiography..... 61

Измайлова Э. В. «Тема войны» в культуре детства
и возможности ее визуального конфигурирования
Izmailova E. V. «The theme of war» in the culture of childhood
and opportunities of its visual configuration 72

К. И. Коробко, Е. В. Юдин. Правовое регулирование в сфере
народной медицины в Российской Федерации
K. I. Korobko, E. V. Yudin. Legal regulation in the field
of traditional medicine in the Russian Federation.....88

Круглова Л. К. Антропологическое направление в российской
культурологии: итоги и перспективы
Kruglova L. K. Anthropological direction in Russian culturology:
results and perspectives 97

Некрасов Р. В., Гурленова Л. В. Традиционный дом коми-зырян как регламентированно организованный сакральный феномен
Nekrasov R. V., Gurlenova L. V. The traditional house of Komi-Zyrians as it is regulated an organized sacral phenomenon 111

Суворова И. М. Феномен «борьбы» с памятниками культуры: аксиологический аспект
Suvorova I. M. Phenomenon of «fight» against culture monuments: axiological aspect..... 126

Педагогика

Сулимов В. А., Китайгородская Г. В. Человек современного Севера России: опыт регионального когнитивного моделирования
Sulimov V. A., Kitaigorodskaya G. V. The man of the modern North of Russia: the experience of regional cognitive modeling..... 135

Попова А. М., Залевская О. С., Романчук Н. И. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности молодежи на индивидуальном уровне посредством добровольческой деятельности
Popova A. M., Zalevskaya O. S., Romanchuk N. I. Shape of culture of safety of life of young people at the individual level by means of voluntary activity.... 146

Заметки, материалы, сообщения

Золотарев В. П. Страничка из жизни И. Е. Фадеевой
Zolotarev V. P. A page from the life of I. E. Fadeeva..... 158

Максимова Л. А. X Международная научная конференция «История сталинизма»
Maksimova L. A. X International Scientific Conference «History of Stalinism»..... 162

Авторы выпуска..... 168

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 159.947.33

В. А. Лапатин

Автономия нетвердой воли: к вопросу о статусе субъекта современности

Ряд актуальных социокультурных тенденций позволяет говорить о современном человеке как о существе с нетвердой волей. Проблема рассредоточенности субъекта исследуется на примере прокрастинации. Этот психический феномен рассматривается с применением методологии философской антропологии и философии культуры. Анализ феноменологии субъекта приводит к выводу, что новоевропейское представление об автономном, наделенном самостью субъекте было изначально фиктивным теоретическим конструктом.

Ключевые слова: субъект, прокрастинация, медиасфера, самость, воля, феноменология субъекта, современная культура.

V. A. Lapatin. The Autonomy of the Unsteady Will: Concerning the Status of the Present-Day Subject

There are a number of actual social and cultural trends, which allow to speak of the present-day human as a being with the unsteady will. The question of the subject's desintegration is examined on the example of procrastination. This psychic phenomenon is considered by use of the methodology of philosoph-

ical anthropology and philosophy of culture. The analysis of the subject's phenomenology leads to the conclusion that the modern era notion of autonomous, self-sufficient subject was initially a fictitious theoretical construct.

Keywords: *subject, procrastination, mediasphere, self, will, the subject's phenomenology, contemporary culture.*

Анализируя повседневный опыт современных людей, можно заметить, насколько он дискретен, разрознен и фрагментарен. Культуры прошлого посредством механизмов мифа, ритуала, традиции обеспечивали однородность социокультурного пространства и сообщали внутреннюю целостность каждому отдельному индивиду, а также гарантировали ему относительно комфортное как в моральном, так и в социокультурном плане существование. Современное общество не знает общезначимой традиционности, с которой человек мог бы себя соотнести. Само культурное время словно бы ускорилося, а события стали происходить слишком быстро — так, что не хватает никаких антропологических ресурсов, чтобы упорядочить весь массив социокультурного опыта.

Это, конечно, иллюзия. Время течет так же, как и всегда, и событий не стало больше, однако о некоторых из них чаще и быстрее стали узнавать. Связано это с несколькими взаимообусловленными факторами. Прежде всего, следует назвать становление массового общества в первые десятилетия прошлого века. Этот процесс сопровождался, с одной стороны, ростом населения Земли, а с другой — появлением массмедиа (пресса, радио, телевидение), которые способствовали стереотипизации символического поля западной культуры. В дальнейшем, уже во второй половине XX в., возникновение новых электронных средств массовой коммуникации лишь усиливало эти тенденции и привело если не к становлению информационного общества, то к образованию новой информационной реальности, которая окружает нас сегодня и которую также принято именовать «медиаферой» или «инфосферой».

Эта реальность предстает как пространство, насыщенное событиями и полное эксцессов. Примечательно также, что для индивида, чья повседневность по большей части сохраняет рутинность и стабильность, медиафера обладает большей достоверностью, чем то, что он непосредственно наблюдает. Как уже было сказано, современ-

ный субъект значительную часть времени занят обработкой представленной в инфосфере информации безотносительно ее содержания. Нам постоянно предлагают что-то купить, присылают уведомления, сообщают о различных новостях и событиях. В результате субъект рассредоточивается в этом потоке, не замечает себя, реагируя на все новые отвлекающие факторы. Он не замечает даже свой непосредственный феноменальный опыт, внимательный анализ которого должен бы был навести на мысль о недостоверности картины действительности, представленной в медиасфере, однако этого не происходит.

Итак, субъект в пространстве собственной феноменологии не обнаруживает единства. Он все больше вовлекается в аффективную деятельность. Ему крайне трудно сохранять концентрацию, и по большому счету он вообще не слишком владеет собой. Вполне возможно, что преобладание аффективности — базовая характеристика субъекта в любую историческую эпоху, однако для современной социокультурной ситуации характерно обилие отвлекающих факторов, которое лишь усиливает тенденцию размывания внутреннего единства.

Проблему рассредоточенности субъекта нам хотелось бы рассмотреть на фоне весьма распространенного на сегодняшний день явления прокрастинации. Термин «прокрастинация» обычно определяется как склонность индивида на систематической основе откладывать важные и срочные дела на максимально долгий срок. Важно также, что это свойство психики вместе с обусловленным им поведением следует отличать от обычной лени и отдыха. Лениась, «субъект не хочет ничего делать и не беспокоится по этому поводу», в то время как «в состоянии прокрастинации человек осознает важность задания» [11, с. 116], но не может приступить к его исполнению. От отдыха прокрастинацию отличает то, что человек не восполняет запасы «психической энергии», а, напротив, тратит их вхолостую.

Вероятно, действие этого психического феномена и свою неспособность ему противостоять испытывал на себе почти каждый ныне живущий человек. Нередко, оказываясь перед необходимостью принятия решения и претворения в жизнь того или иного — порой даже не слишком важного и трудного — дела, мы всячески оттягиваем момент наступления будущего, медлим в переводе потенциального бытия в актуальное. Прокрастинация затрагивает даже удовлетво-

рение базовых потребностей организма и исполнение его биологических функций: достаточно вспомнить, как часто мы, даже будучи сильно утомленными, все же не отправляемся спать, пока еще один «последний раз» не обновим ленту в социальных сетях. Поэтому о современном субъекте, поскольку у него так сильно растягивается интервал между принятием решения и переходом к практической деятельности, можно говорить как о существе с нетвердой, размягченной волей.

Трудно оценить, насколько такое размягчение позиций субъекта составляет для него самую проблему. Мы не убеждены, что если мы справимся на этот счет у собственно прокрастинаторов, то получим однозначный ответ. Не исключено, что многие сочтут оправданным откладывание важных и в силу этого неприятных дел в угоду развлечению. Тем не менее психологи, изучающие прокрастинацию, нередко сообщают, что она является источником «негативного социального самочувствия личности» [6, с. 23] и доставляет ей много неприятностей. Применительно к аффективной стороне прокрастинации можно также вспомнить, что множество духовных и интеллектуальных традиций прошлого аналогичные состояния вполне однозначно опознают как страдание, а значительная часть усилий их адептов была направлена на преодоление охваченности и обретение контроля над внутренней жизнью сознания. В современности же мы постоянно становимся свидетелями того, как субъект вполне добровольно загружает сознание аффективной деятельностью.

Психологи, которые в основном и занимаются изучением прокрастинации, чаще всего отмечают ее негативные аспекты. Так, например, одни авторы говорят об этом феномене как о факторе дезадаптации личности [4]. Другие также отмечают дезадаптивные свойства прокрастинации как избегающего поведения, но связывают ее происхождение с перфекционизмом [2].

Достаточно часто рассматриваемое явление связывается с копингом, т. е. поведенческими стратегиями, призванными помочь человеку справиться со стрессом. При этом трудно не обнаружить противоречия, поскольку преодоление стрессовых состояний должно способствовать адаптации индивида, чего, по мнению большинства исследователей, не наблюдается у прокрастинаторов. К примеру, уже цитировавшийся коллектив авторов отмечает, что прокрастина-

ция являет собой защитный механизм и временную меру облегчения переживаемой ситуации, «когда жизненное пространство оценивается личностью как нересурсное или враждебное» [7, с. 86], однако в конечном счете она «сужает инновационные перспективы жизненного пространства личности» [Там же, с. 87]. Как копинг-стратегию, которая помогает человеку справиться с ситуацией неопределенности, рассматривает прокрастинацию и И. С. Крутько [8, с. 66—67].

Однако, несмотря на то, что исследования ведутся уже несколько десятилетий, остается много неясностей. Поэтому представляется целесообразным взглянуть на проблему прокрастинации с позиции философии, и прежде всего с точки зрения философии культуры и философской антропологии и тем самым дополнить психологические исследования, которые обычно не учитывают эти факторы. В известном смысле нам хотелось бы «реабилитировать» прокрастинацию, и для этого мы рассмотрим ее сначала с точки зрения внутреннего опыта субъекта, а затем с точки зрения тех культурных реалий, в которых последний пребывает. Другими словами, анализу будут подвергнуты феноменологические и социокультурные основания феномена прокрастинации. После этого мы перейдем к более широким философским выводам относительно природы субъекта как такового.

При изучении феноменологии в первую очередь стоит обратить внимание на то, среди представителей каких профессий наиболее часто встречаются прокрастинаторы. Говорят об академической (у студентов и преподавателей) прокрастинации, а также о профессиональной прокрастинации у менеджеров, IT-специалистов, офисных работников, журналистов, дизайнеров и пр. Трудно представить, чтобы прокрастинация могла возникнуть у фермера или у заводского рабочего. Трудовой процесс здесь стандартизирован, а результат очевиден. Токарь с самого начала знает, что нужно делать и как будет выглядеть изготавливаемая им деталь. Грузчик непосредственно, в прямом смысле, видит объем предстоящей работы. Последовательность действий при этом зачастую определена инструкциями так, что исполнителю не требуется даже обдумывать сам рабочий процесс. Если же представители этих и подобных им «нетворческих» профессий откладывают исполнение дел, то речь, скорее всего, идет именно о лени, а не о прокрастинации.

Совсем иной характер труда свойствен так называемым творческим профессиям. Эти виды деятельности требуют от актора вариативности и нестандартных решений, а также мобилизации сил в сжатые сроки. При этом стоящие задачи абстрактны, а результат и пути его достижения не всегда могут быть отчетливо представлены. Сам по себе труд менеджера, преподавателя или клерка напрямую не связан с обеспечением базовых материальных потребностей человека, а значит, откладывание не принесет немедленных негативных последствий и не грозит физическому выживанию индивида. Более того, в некоторых случаях нет никакой гарантии, что затраченные усилия, сколь бы интенсивны они ни были, приведут в итоге к успеху и к созданию продукта. Отсюда возникает тревога, снизить которую призвана прокрастинация как копинг-стратегия.

Исходя из сказанного, в порядке гипотезы мы предлагаем рассмотреть прокрастинацию не только как сугубо дезадаптивный фактор, а как своеобразную технику выполнения заданий, требующих со стороны субъекта творческое усилие.

Такое предположение, конечно, не поддается непосредственной проверке и основывается на анализе феноменологии собственного сознания. Научная деятельность в гуманитарной сфере по своим характеристикам отвечает понятию академической прокрастинации: она нелинейна, требует творческого подхода, предполагает наличие абстрактной задачи и не всегда допускает возможность составления плана. Важное и без того непростое дело — например, написание научной статьи — осложняется этими обстоятельствами. На уровне феноменологии данный процесс как таковой сопровождается негативными ожиданиями и тревогой. От субъекта требуются дополнительные интеллектуальные и морально-волевые ресурсы. И именно на этом этапе прокрастинация может быть рассмотрена как способ адаптации субъекта к некомфортной ситуации. Это проявляется в следующем: творческая задача, не имеющая однозначного решения, должна частично прорабатываться на подсознательном уровне. Чтобы это стало возможным, сознание субъекта на время необходимо заполнить механической переработкой большого объема информации. Именно это и происходит в процессе прокрастинации.

Кроме того, откладывание важных дел может иметь хоть и отрицательный, но все же практический смысл. Парадоксально, но в от-

дельных случаях тактика прокрастинации оказывается действенной: своеобразной гарантией того, что важное дело точно будет сделано, является именно тот факт, что дальше откладывать уже нельзя. И именно представители «творческих профессий» демонстрируют необычайно высокую мобилизацию при работе в авральном режиме. Несколько лет назад даже вышла шуточная книга [9], написанная профессиональным философом, в которой даются полезные советы относительно того, каким образом систематическое откладывание «на завтра» может быть использовано во благо.

Не менее важным, чем анализ феноменологии сознания прокрастинатора, является рассмотрение социокультурного контекста прокрастинации. Прокрастинация — феномен последних десятилетий. Следовательно, необходимо проанализировать, какие изменения произошли в западной культуре в этот период. О них уже говорилось в начале: это рост процессов информатизации, возникновение новых медиа, а также становление новой информационной реальности.

Психологи редко обращают внимание на то, как именно люди прокрастинируют. Процесс прокрастинации почти всегда сопровождается вовлеченностью субъекта в медиасферу (прежде всего в интернет-среду) и использованием новых средств массовой коммуникации. После распространения в последние годы карманных электронных гаджетов (смартфоны, планшеты и т. д.), которые в определенном смысле уже стали фактами телесности современного человека, наше присутствие в информационной реальности стремится к тому, чтобы быть почти круглосуточным. Нетрудно также заметить, что представители профессий, наиболее подверженных прокрастинации, в своей работе непосредственно связаны с медиасферой и информационными технологиями.

Отличительной чертой современной социокультурной ситуации является нехватка антропологических ресурсов. Информация, окружающая человека в его повседневности, избыточна. Она получается субъектом, однако, поскольку ее объем превышает все возможные лимиты человеческой психики, не перерабатывается и присутствует как бессознательный комплекс. Таким образом, находясь в перегруженном информационном поле и имея перед собой одновременно слишком много задач самого разного рода, субъект попро-

сту вынужден прибегать к наиболее простой деятельности, способствующей временному снятию напряжения. Такой деятельностью, которую психологи собственно и называют копингом, оказывается прокрастинация. Вся существующая активность при этом сводится к какому-либо примитивному действию наподобие раскладывания пасьянса на компьютере или веб-серфинга. Однако, выигрывая тактически, субъект проигрывает стратегически, т. к. эта пустая деятельность в конечном счете увеличивает долю аффективных, бессознательных процессов и психологически изнуряет человека.

Вообще, анализ феноменологии субъекта и современной социокультурной реальности приводит к выводу, что прокрастинация все более походит на самостоятельный тип деятельности, а не на дезадаптивное отвлечение от основного дела. Она затрагивает не только подготовку к исполнению задания, в результате чего начало все время отодвигается на неопределенный срок, но сопровождает и самое исполнение. Мало что так же способствует автономизации практики прокрастинирования, как вовлеченность субъекта современности в новую информационную реальность, в которой потребление «контента» как таковое становится символическим благом, самостоятельной ценностью, зачастую не связанной с решением практических задач, откладываемых «на потом». Такое положение дел вполне отвечает человеческой природе, которой вообще свойственно отделение наслаждения от витальных функций организма. Анализ этой эмансипации наслаждения даже сподвиг М. Шелера к утверждению, что «человек всегда может быть чем-то большим или меньшим, чем животное, но животным — никогда» [13, с. 48]. Данные современной этологии [1], впрочем, заставляют сомневаться в возможности столь радикального отделения человека от других живых существ, тем не менее в современном обществе информация является ценностью как таковой независимо от ее содержания. Ее потребление тем ценнее, чем ближе акт потребления находится к моменту ее появления в инфосфере. В современных условиях информация подвержена быстрой инфляции, и именно это заставляет человека постоянно обновлять интернет-страницу в социальных сетях или на новостных порталах. Нахождение в медиасфере — по возможности постоянное — становится наслаждением особого рода. Феноменологически волшебен сам процесс «общения» с гаджетом, когда под пальцами,

скользящими по экрану, мгновенно визуализируется любая желаемая реальность. Более того, без этого мы в известном смысле больше не можем чувствовать себя полноценными. Можно вспомнить, какой психологический дискомфорт вызывает временная невозможность медиакоммуникации — например, когда смартфон остался дома или когда человек оказался в местности, где нельзя выйти в Сеть.

Прокрастинация также немыслима без игры с возможностями современных медиа, в ходе которой субъект из потребителя превращается в пользователя [12, с. 102—107] (а если использовать компьютерный жаргон — в «юзера»). К этому превращению следует относиться со всей серьезностью. Многие компоненты сетевой культуры могут быть рассмотрены как разновидность современного фольклора. Пользователь при этом не изобретает новых технологий и не творит принципиально новых культурных форм, но, используя возможности современных средств коммуникации и медиа, он преобразует символическое пространство вокруг себя с тем, чтобы реализовать свои потребности в досуге. Изменения в медиасфере влекут за собой и трансформацию социокультурного порядка в целом, что среди прочего находит выражение и в практике прокрастинации, в ходе которой субъект потребляет «контент», им же самим отчасти и созданный. Сетевое творчество (на интернет-жаргоне – «креатив»), как и всякий фольклор, в значительной степени анонимно, т. е. не предполагает обязательного наличия субъекта-автора. В отдельных случаях и при большом желании автора можно установить, но его произведение недолговечно и не вполне ему принадлежит. Таким образом, в современной информационной реальности мы имеем дело с пользователем как своего рода коллективным субъектом. Он зачастую анонимен, рассеян, рассредоточен, как собственно и сама сетевая организация современной медиасферы.

Анонимность, рассредоточенность, отсутствие единства и аффективность — все эти параметры весьма сильно контрастируют с новоевропейским пониманием человека, которое мы находим в истории западной философии. Оно заключалось в представлении человека в качестве автономного субъекта, целостность которому придает наличие некоей твердой постоянной сущности, или самости. Насчет того, что именно это за сущность, новоевропейская философия представляла целый ряд концепций, в которых была предпринята попыт-

ка «сборки» субъекта. Можно вспомнить cogito, или мыслящую субстанцию у Р. Декарта. В русле поиска сущности, придающей целостность субъекту, развивалось и учение о гражданине, представленное в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка и ряда других новоевропейских авторов. И. Кант разрабатывает понятие автономии воли, т. е. такого свойства, «благодаря которому она сама для себя закон» [5, с. 100]. Иначе говоря, речь идет о свободном, автономном моральном субъекте. А поскольку учение о праве в «Метафизике нравов» у И. Канта тесно связано с учением о добродетели, то из морального субъекта формируется все тот же гражданин. Немецкие романтики пытались отыскать автономный субъект в концептах личности, которая находится выше общественных условностей, а также гения, предписывающего искусству правила. В философии И. Г. Фихте «Я» оказывается не только первоначалом человека, но и онтологическим принципом. В той же парадигме самости как фундирующей субъект сущности находились персоналисты (Э. Мунье, М. Бубер, Н. Бердяев и др.).

На наш взгляд, попытки «сборки» субъекта были не вполне удачными. Самость каждый раз оказывалась фикцией, собираемой из различных внешних по отношению к субъекту факторов. Например, сильная личность романтиков все время вынуждена была испрашивать подтверждения своего существования у общества. Субъект современности — то существо с размягченной, нетвердой волей, которого мы рассмотрели в этом тексте, — весьма сильно отличается и от картезианского мыслящего субъекта, и от кантовского принципа автономии, и от фихтевского «Я». Более того, в рамках самой западной философии (обычно здесь вслед за П. Рикёром [10, с. 222—227] называют «партию подозревателей» в лице К. Маркса, Ф. Ницше, З. Фрейда) намечается тенденция критики самостоятельности субъекта и признания его иллюзорности.

По нашему мнению, проект «сборки» субъекта изначально был несостоятелен, поскольку такого субъекта попросту не существует нигде и ни в каком статусе. Эта модель удобна для теоретизирования, но ей ничего не соответствует в реальности. Возникновение описанного нами рассеянного и лишнего целостности субъекта нельзя целиком списать на факторы информатизации и на новейшие социокультурные тенденции. По большому счету его нельзя даже в полной мере считать современным, поскольку разрозненность — «есте-

ственное состояние» нашей «внутренней жизни», а целостный субъект лишь теоретический конструкт новоевропейской философии. Можно говорить о том, что социокультурные тенденции последних десятилетий создали новые практики наподобие прокрастинации, но говорить о том, что они создали принципиально нового человека, было бы большим преувеличением. В лучшем случае нынешние реалии лишь усиливают неоднородность процессов в том потоке, который человек называет собой, но нельзя утверждать, что современность внесла дезорганизацию в изначальную целостность субъекта.

Новоевропейские авторы исходят из того, что в сознании субъекта априори должна быть целостность, что оно субстанциально, не проверяя свои предположения опытом. В том, что внутреннее единство иллюзорно, можно убедиться с помощью интроспекции. Если сконцентрироваться на том или ином акте сознания (например, контролировать вдох и выдох) и попытаться его удерживать, то очень скоро обнаружится, что внимание почти невозможно сохранять даже непродолжительное время — мысль начинает петлять и увлекаться новыми, спонтанно возникшими импульсами. Автономность субъекта весьма проблематична, поскольку в действительности мы не знаем, из какой области нашей психики приходят мысли, эмоции, влечения и все прочие «движения ума»; без должной тренировки индивид не способен отследить момент их зарождения и узнает об их существовании *post factum*, когда они уже случились. Таким образом, самый поверхностный опыт интроспекции в течение нескольких минут обнаруживает разрозненность и неструктурированность субъекта и в конечном счете несуществование души, личности, самости, «Я». Вместо этого мы находим лишь последовательность состояний сознания, а представление о монолитной самости конструируется памятью. Субъект процессуален; он складывается как поле приложения различных сил, о природе и происхождении которых человек далеко не всегда имеет представление. «Субъект» — это имя, которым наделяется совокупность психофизического опыта. Последний хоть и не распадается на части, но и какого-либо единого системообразующего принципа, который освящал бы и фундировал внутреннюю целостность субъекта, не обнаруживает. По существу, самость, личность, «Я» возникают лишь в тот момент, когда мы о них думаем или вспоминаем об их существовании, в то время как подавляющее боль-

шинство наших действий и актов сознания не сопровождаются само-сознанием. Поэтому вопрос, что же мы называем собой, по-прежнему не решен.

Все это не означает, что понятия автономного субъекта, личности или самости полностью бессодержательны. Это просто языковые конструкции, удобные для теоретизирования, и они должны восприниматься лишь в качестве таковых. В этом смысле мы вполне солидарны с В. Декомбом, что субъект правильнее представлять не в терминах самости, а в терминах действия как «агенса, который устанавливает переходное действие на себя, на первое лицо» [3, с. 18], и тогда это понятие можно непротиворечиво использовать как языковой объект и говорить о моральном, политическом субъекте или, например, субъекте права.

Аффективность, бессознательность традиционно мыслились в западной философской традиции как начало всякого зла и несчастья для человека. Трудно сказать, может ли сознание полностью осознать себя и целиком контролировать свою активность, что и составляло бы подлинную автономию. Однако, похоже, субъект современности делает все возможное, чтобы этого никогда не произошло. Для этого он еще больше занимает себя аффективной деятельностью и пытается загрузить ум переработкой огромного объема пустой информации, чему современные социокультурные тенденции только способствуют. Эту картину ежедневно можно наблюдать в транспорте, когда возвращающиеся после трудового дня люди вместо того, чтобы привести себя в спокойное состояние, «прилипают» к экранам своих электронных устройств. Примечательно, что, расходуя значительную часть «психической энергии» на переработку значительного объема информации, человек, вероятнее всего, скажет, что тем самым он отдыхает и получает удовольствие.

Прокрастинация находится в том же ряду явлений. Она также связана с потреблением электронного контента, с «распылением» сознания субъекта и размягчением его воли. Вместе с тем, учитывая все неудобства, какие прокрастинация несет за собой, мы не склонны видеть в ней только отрицательные стороны. К примеру, люди сегодня нередко демонстрируют чрезвычайно высокую скорость мышления при недостаточной его глубине, что особенно заметно при наблюдении за ними в ходе их взаимодействия с объектами медиасферы. Эта

особенность может быть использована для формирования навыков многозадачности и для интенсивной работы в сжатые сроки. Также трудно не заметить, что субъект современности не просто испытывает на себе влияние информатизации, но и сам активно преобразует информационный ландшафт, примером чему может служить сетевое творчество. Однако, пожалуй, главным достоинством современных социокультурных реалий является сам факт того, что они обнажают всю шаткость и неочевидность позиций самости. И в этом отношении мы можем быть благодарны прокрастинации уже за то, что рефлексия над ней помогает нам если не избавиться от некоторых иллюзий, главной из которых является иллюзия существования собственного «Я», то хотя бы поставить их под сомнение.

* * *

1. Вааль Ф. де. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 404 с.

2. Гаранян Н. Г., Андрусенко Д. А., Хломов И. Д. Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // Психологическая наука и образование. 2009. № 1. С. 72—81.

3. Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.

4. Евстратова Т. А. Взаимосвязь адаптации и прокрастинации личности // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2015. № 35. С. 166—167.

5. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 2007. С. 53—119.

6. Киселева М. А., Шустова Н. Е., Карина О. В. Проблема влияния прокрастинации на процесс самоопределения личности // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2014. № 20. С. 22—27.

7. Киселева М. А., Шустова Н. Е., Карина О. В. Прокрастинация как элемент жизненного пространства личности // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2016. С. 84—88.

8. Крутько И. С. Профессиональная прокрастинация менеджера как копинг-стратегия обеспечения психологической безопасности // Стратегии обеспечения психологической безопасности в условиях неопределенности: материалы V Международного симпозиума. 10—11 июля 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 65—74.

9. Перри Дж. Искусство прокрастинации: как правильно тянуть время, лоботрясничать и откладывать на завтра. М.: Ад Маргинем, 2017. 128 с.

10. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 704 с.

11. Сарасеко Е. С. Прокрастинация: добро или зло? // Наука и общество. 2015. № 2(21). С. 111—116 (Менеджмент, учет и анализ).

12. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

13. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31—95.

УДК 008

А. А. Лисенкова, Г. Л. Тульчинский

Новые форматы мифологизации в цифровом пространстве

В статье представлена точка зрения автора на процесс мифологизации общества в связи с развитием цифровых технологий и новых медиа. Представлены различные подходы к проблеме конструирования мифов в современном информационно-коммуникационном пространстве. Анализ конструктивных и деструктивных механизмов создания и трансляции мифов в обществе подчеркивает их значимость и высокий мобилизационный потенциал в условиях новой постоянно трансформирующейся среды.

Процессы смены способов коммуникации породили смену культурной парадигмы и стимулировали процессы повсеместной мифологизации и визуализации желаемого. Основной тенденцией последних лет, проникающей во все сферы жизни общества, стала философия повсеместного брендинга, наполняя повседневность новыми ценностными установками и нарративами, изменяя процессы идентификации и репрезентации. Данные тенденции в связи с распространением цифровых форматов находятся только в начале длинного пути изменения способов и форм коммуникации, идентификации и мифологизации, поэтому чрезвычайно значимым видится выявление особенностей конструирования нового мифологического поля в цифровом пространстве.

Ключевые слова: мифологизация, цифровое пространство, Интернет, автонарратив, брендинг, виртуальность, новые медиа.

A. A. Lisenkova, G. L. Tulchinsky. New formats of evlogitaria in the space of digital communications.

The article presents the author's point of view on the process of mythologizing companies in connection with the development of digital technologies and new media. Different approaches to the problem of constructing myths in modern information and communication space. Analysis of construc-

tive and destructive mechanisms for the creation and transmission of myths in society emphasizes their importance and high mobilization potential in the new, constantly transforming environment.

The process of changing methods of communication gave rise to the change of cultural paradigm and stimulated the widespread processes of mythologizing and visualization desired. The main trend of recent years, penetrating into all spheres of life of society has become a widespread philosophy of branding, filling daily life with new value orientations and narratives by modifying the processes of identification and representation. These trends, in connection with the distribution of digital formats are only at the beginning of a long journey of changing modes and forms of communication, identification and mythologizing, so it is very important seems identifying features of the mythological construction of the new fields in the digital space.

Keywords: *mythologizing, the digital space, the Internet, auto-narrative, branding, virtuality, new media.*

В условиях бурного роста информационных потоков и смены способов коммуникации меняется и облик современной культуры, что ставит непростую задачу перед научным сообществом в части изучения данных процессов и понимания основ развития цифрового общества в современной России.

В связи с постоянными изменениями и вызовами современного сложно организованного мира и связанного с этими явлениями кризиса социокультурной идентичности стало возможным возникновение и развитие мифологизированного сознания. Наиболее яркое проявление данных тенденций можно наблюдать через призму новых медиа, где мифологизация играет роль идеологических инверсий, создавая невиданное пространство для различных способов создания мифологических образов. Данные процессы активно влияют на развитие ценностей современного человека, формируя новые установки и новые экзистенции. Как отмечал М. Маклюэн, мифологизация массового сознания в контексте смены способов коммуникации является принципом организации социума и оказывает значительное влияние на всю жизнь общества. Акцентируя внимание на роли информации в процессе управления общественным мнением, он отмечает, что информация и массовые коммуникации в современном мире играют доминирующую роль, форми-

руя идеологию, участвуя в мифологизации общественного сознания [6, с. 66—68].

Миф как знаковая символическая структура, существующая на всем протяжении развития человеческого общества, всегда присутствовал в культуре, определяя тем самым гетерогенность окружающей нас действительности, а мифологическое мышление — один из самых древних способов познания мира, общественного устройства и человека. При этом благодаря новым медиа и новым способам коммуникации появилась возможность трансляции мифологических установок на безграничное количество людей, произошло стирание границ между мифом и реальностью. Так, Э. Кассирер отмечает, что человек «не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу... И в то же время человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет, скорее, среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез» [4, с. 471]. Это высказывание поддерживает и дополняет С. Г. Кара-Мурза, говоря, что «миф есть обобщенное представление о действительности, сочетающее и нравственные, и эстетические установки, соединяющее реальность с мистикой. То есть это всегда представление в значительной мере иллюзорное, но в силу своей этической и художественной привлекательности оказывающее большое воздействие на массовое сознание. Иногда миф есть способ заместить в сознании невыносимый достоверный образ страшной действительности условным образом, с которым можно «ужиться». Часто под воздействие такого мифа попадают и профессионалы, что ведет к печальным последствиям» [3, с. 205]. То есть миф — некая неуязвимая конструкция, неподвластная рациональным аргументам.

О проблемах развития мифологических представлений писали многие исследователи, наиболее выдающиеся из них Ж. Дериде, Ж. Делез, Ж. Ф. Лиотар, П. Бурдьё, Т. Адорно, А. Ф. Лосев, Б. К. Малиновский, Г. Г. Почепцов, С. Г. Кара-Мурза, А. В. Ставицкий, В. П. Дубицкая, М. С. Московичи, Г. Л. Тульчинский и другие исследователи. В этой связи сегодня возник целый ряд коннотаций понятия мифологизации и расширился вокабуляр изучающих вопросы мифологии и мифотворчества ученых, демонстрирующий развитие различных подходов к мифологизации повседневности, например «мифодизайн»,

«мифосистемы», «мифемы», «социомифы» и другие часто употребляемые в различных аспектах.

Современные представления о мифологизации и конструировании мифологического пространства бытия находят отражение в публикациях Г. Г. Почепцова, посвященных состоянию современного информационного общества, представляя миф не только как систему понимания и принятия мира, но и как ресурс и современное средство конструирования желаемой реальности. «Миф предстает перед нами как сценарий развертывания имиджа, в котором сразу заполняются до этого пустые роли друзей и врагов главного героя. Миф является целой конструкцией, в этом его принципиальная выгода, поскольку большое число нужных характеристик теперь будут всплывать автоматически. В случае подключения мифа уже нет необходимости порождать целые тексты, можно только намекать, подсказывая существенные характеристики, подводящие массовое сознание к тому или иному мифу» [7, с. 105]. Таким образом, в современном плотно наполненном различными информационными потоками и смыслами мире через мифы и образы происходит формирование общественного и личного сознания, ограниченного фреймом господствующей в обществе картины мира и закрепленным порядком вещей.

Наибольшую значимость мифы приобретают во время культурных трансформаций общества, смены ценностной парадигмы и общественно-политического устройства. Зачастую мифы ложно мобилизуют людей, вписывая их в контекст необходимой реальности, искажая и хорроризируя ее и манипулируя человеком, повращают его в управляемую толпу. Мифы не только являются важным инструментом в обосновании исторического пути, в конструировании культурной идентичности, но и выступают механизмами управления обществом, основанным на внутренних мотивах и желаниях, страхах, отстраивании от непохожих «других», так как на всем протяжении истории ресурсом для конструирования мифов являлось противопоставление «свой — чужой/другой/чуждый», поэтому во время общественных изменений, смены ценностной парадигмы так легко и внедряются в повседневные практики понятные и знакомые конструкции. Проникая в подсознание людей, мифы создают особую реальность, программируя его и акцентируя внимание на необходимых аспектах жизни общества.

Миф заменил идеологию, которая долгое время служила для создания, сохранения и воспроизводства коллективной культурной идентичности и сохранения общественного порядка.

Тем не менее мифологизация может служить как деструктивным началом социализации общества, так и ресурсом позитивной, конструктивной модернизации, помогая выстроить актуальную знаковую модель действительности. Данный процесс связан не только с ролью новых медиа в обществе, но и с формированием спроса на снижение уровня агрессии и проявление интолерантного поведения, возвышения ценностных идеалов и смены образцов для подражания. В этой связи невозможно не отметить позитивный потенциал мифологии, направленный на создание позитивных толерантных образов культурного созидания, влекущих за собой позитивные способы модернизации общества, необходимые для изменения общественного сознания, настроения и общей картины мира.

В современном мире, в условиях постоянного роста информационной нагрузки, коммуникационного хаоса и фрагментированности человек нуждается в простых и понятных образах, которые и предлагают ему цифровые технологии и новые медиа, формируя упрощенную картину со стереотипной мифологизированной действительностью, наполненной простыми смыслами, где подлинная реальность практически неотличима от мифа. Таким образом описывает принцип конструирования и действия мифа в общественном сознании С. Г. Кара-Мурза: «Введенный в сознание людей и глубоко там укрепившийся, миф способен длительное время (при наличии определенных предпосылок) подменять собой реальность. В результате реципиент воспринимает ее в соответствии с трактовкой мифа и действует, исходя из этого восприятия. Миф <...> снимает с реципиента необходимость напряженно думать и осмысливать мир вокруг себя. Человеку уже не нужно познавать мир — он берет готовую заготовку, миф о мире» [3, с. 196]. Благодаря массовизации культуры современного общества стало возможным вывести эти процессы на более эмоциональный уровень, что создало удивительно плодотворную почву для расцвета мифа. «Массовая культура стала временем второго рождения мифа, возврата к мифологическому мышлению. Но это мифы, которые рождаются не стихийно, а проектируются и сознательно продвигаются. Современный миф намеренно создается с целью не

познания, а трансформации реальности» [9, с. 130], и благодаря бурному расцвету массовой культуры, развитию цифровой среды и изменению способов коммуникации стали возможными конструирование и трансляция новых мифов практически на неограниченные аудитории. Как отмечает Д. Дондурей, «мы отчетливо ощущаем ту невидимую смыслообразующую силу, которая безостановочно определяет — за нас, для нас — то, как, глядя с нашей территории, он выглядит — окружающий мир, кропотливо строящую здание объяснительных схем, ценностных приоритетов, моральных рубрикаций, куда помещается вся перед этим уже отформатированная информация о реальности» [2]. Отличительной характерной особенностью новых мифов в условиях развития цифровых технологий стали сенсация и гипертрофированность с повышенной истерией, что повлекло за собой конструирование новой реальности, перетекающей из виртуального пространства в повседневные офлайн-практики.

Развитие современных информационно-коммуникационных технологий обрушило на современного человека не только колоссальный поток информации, но и стало оптимальным каналом трансляции мифологических образов, ритуалов, оказывая непосредственное влияние на ценности и формируя мировоззрение. Основной средой конструирования и распространения мифов в массовом сознании всегда были традиционные СМИ, выступая «привилегированной областью мифических значений» [1, с. 264], но с развитием цифровой среды на первый план вышли новые форматы медиа, которые стали расширять функцию посредников между человеком и внешним миром, отражая происходящие события и объясняя явления, трансформируя в рамках выбранного контента информацию в понятные и близкие образы с ярко выраженной эмоциональной информационной привязкой в интерактивном формате. Современная культура, как и цифровая среда, «полна симулякров и мифов, выраженных во множестве культурных текстов (философских, литературных, музыкальных, компьютерных, живописных, кинематографических и т. п.), поэтому для сферы бытования культуры ее повседневных практик виртуальные технологии стали новым каналом коммуникации с обществом, но не принципиально новой парадигмой» [5, с. 32].

Сама культура новых медиа стала конструироваться по законам построения мифов и представлять собой совокупность образов,

апеллирующих к чувственному восприятию действительности, создавая и транслируя иллюзорную реальность, геймифицируя все процессы. Опираясь на прошлое, новые медиа активно создают новую мифологию, в которой стало возможным трансформировать черты и границы будущего, создавая иллюзию социального самоутверждения и свободы, где многие реальные события, новости, экономика, политика, культура отодвигаются на второй план, уступая натиску мифологизированных образов.

Благодаря возможностям новых цифровых коммуникаций стало возможным создавать особую мифореальность, воспринимаемую индивидом в качестве объективной истины и включать в этот процесс большое количество людей с невиданной скоростью коммуникаций. Поэтому в современных условиях привычный человеку мир знаков и образов стал миром новых медиа, а реальность повсеместно отражает новые черты медиареальности. На этом фоне повседневный культурный контекст наполняется автонарративами, порождая новые способы коммуникации и реперезентации, продиктованные массовой и экранной культурой, порождающие новый визуальный коллективный опыт, создающий мифозафисимость как одну из черт современного быстро изменяющегося мира. И если раньше мифы имели материальное воплощение, создающее некий барьер между миром мифа и действительностью, в виде изображений на утвари, одежде, артефактах, напоминая о смыслах, наполняющих реальность, то теперь этого барьера нет. Современные яркие и эмоциональные образы наполнили мир непосредственными воплощениями смыслов через новости, рекламу, кино.

Создавая новые смыслы и новые миры, цифровые коммуникации предлагают современному человеку возможности сотворчества новой культуры и новой реальности в условиях дистантности, анонимности и дискретности процесса мифологизации цифрового пространства, с крайней степенью иммерсивности, а каждый пользователь имеет доступ к этому наполненному образами яркому миру, в котором он сам порождает новые образы и репрезентует себя как визуализированный миф. В этой связи стало возможным появление таких явлений, как фейк (fake), гипернормализация (А. Юрчак), информационный пузырь, постправда (post-truth), которые настолько плотно стали интегрированы в жизнь общества, что стали обыден-

ными. Так, например, по мнению составителей Оксфордского словаря, в 2016 году словом года стал *post-truth* (постправда) [13].

Визуализация мифологических образов становится обязательным условием коммуникации, создавая и усиливая эффект присутствия. При этом новые медиа выступают для человека не только в качестве поставщика информации и новых смыслов, но и в роли контентов, где можно ощутить и визуализировать возможности и представления об идеале. Мир, наполненный симулякрами, реализующими ожидания человека, создающими эффект присутствия, соучастия и сотворчества, так как не в состоянии изменить окружающую реальность медиа меняют представление о ней. Например, визуальный ряд популярного приложения Instagram выступает в роли рассказчика, визуализированного автонарратива и создателя новых образов и мифов, идеализированного «Я». Данный процесс разворачивается в соответствии с требованиями мейнстримной культуры, экранными образами, рекламными сообщениями, порождая повсеместный цифровой вуайеризм. Визуальные образы и мифы уже не эфемерны, а плотно встроены в повседневность и являются ее неотъемлемой частью. На смену созерцанию приходит создание и потребление, становится возможным «узаконивание публичного дискурса о частных вещах» [13, с. 134]. В итоге это приводит к тому, что уже не мы «смотрим на образы, а образы смотрят на нас» [8, с. 312], стирая границы между медиа и частными сообщениями. Сегодня любой пользователь может выступить в роли медиа, благодаря распространенности и публичности индивидуальных нарративов, при этом разворачивая приватные истории в сетевом пространстве, соотнося их с сакральными архетипами и исключая из видимой сферы все некрасивое, нездоровое, неприятное, порождая серию глянцевых образов и мифических историй. Мнение других людей позволяет индивиду ощущать себя в центре социального мира, дает мнимое ощущение полноты и насыщенности бытия. Выступая персонализированными медиа, пользователи облачают в образы и активно тиражируют новостные, культурные, политические и другие месседжи, выступая создателем смыслов и внося эмоциональную оценку в информационный поток, создавая инфологемы и наполняя ими цифровое пространство.

Современная цифровая среда позволяет участвовать в процессе не только потребления, но и в процессе создания мифов (мифот-

ворчестве), в т. ч. о себе, благодаря использованию доступного визуального контента, созданию персонализированных публичных нарративов. Значимым видится деформация образов людей с последующей мифологизацией, обоснованной драматургией окружающего пространства и набором требуемых ролей.

Основным мотивом мифологизации повседневности в пространстве доминирования массовой культуры и цифровых технологий стала философия повсеместного брендинга, пронизывающая все сферы жизни человека, обещающая чудесное, в некотором смысле метафизическое устремление в прекрасное будущее, с неперменной визуализацией желаемого.

Сегодня бренд «не просто социальный миф, а миф индивидуализированный» [11, с. 154], поэтому люди все в большей степени идентифицируются с тем, что они носят, едят, слушают, читают (т. е. с брендами). В контексте процесса персональной идентификации личности им выделены пять стадий: этническая, статусная, ролевая, проектная и постчеловеческая, в которых субъект проходит генезис идентификационных процессов от осознания «свой/чужой» к пониманию границ возможностей автокопроектирования, выводя на первый план «человека без свойств», но с осознанием границ свободы и ответственности [10, с. 252].

Таким образом, процессы мифологизации приобретают с развитием цифровых технологий новые свойства и форматы, создают ценностные ориентиры и наполняют повседневность новыми смыслами. К таким тенденциям и особенностям, связанным с развитием цифрового пространства, появлением новых медиа и изменением способов коммуникации, можно отнести следующие характеристики современной мифологизации.

1. Цифровое пространство стерло границу между мифом и действительностью, предоставив каждому человеку возможность породить свои образы и продемонстрировать себя в сети как некий целостный образ и миф.

2. Брендированность всего (создание персональных, товарных, территориальных, событийных брендов, брендов-услуг).

3. Цифровое пространство — пространство мифов, здесь они зарождаются, обретают визуализированный контент, транслируются, распространяются и умирают.

4. Современная цифровая реальность не виртуальна, а реальна и является дополнением к реальной повседневности. Использование мобильных приложений и гаджетов интегрировало цифровую реальность в повседневную жизнь практически каждого человека, исключив из ежедневных дел жизнь вне сети и в сети, все это происходит органично, параллельно, на бегу.

5. Простой человек стал мифотворцем и производителем различного уровня смыслов в соответствии со своими навыками, компетенциями и сетевой популярностью.

6. В цифровой среде новых медиа стало возможным создание управляемой мифологии в различных аспектах человеческой жизни, с перманентной актуализацией и интерактивностью востребованного контента.

7. Произошла повсеместная вуайеризация повседневности за счет смещения персональных нарративов в публичное пространство.

8. Упрощение жизненных ориентаций, «схватывание» информации на бегу привело к зависимости от мифов и тиражированию простых образов, породив мифозависимость и желание получать простые и соответствующие ожиданиям ответы на любые вопросы.

Данные особенности подчеркивают развитие новых форматов производства и бытования мифа в современном мире в новых условиях, и эти тенденции находятся только в начале своего пути, т. к. с распространением технологий big data обществу предстоит столкнуться с новыми форматами существования в информационном мире, в этой связи необходимо учитывать современные тренды и прогнозировать сценарии возможных событий в будущем.

Несмотря на это, уже сегодня, говоря о мифологизации, необходимо отметить, что все цифровое виртуальное пространство, становясь мифом, становится более реальным, чем сама реальность. Человек не воспринимает свое нахождение в сети как отдельный вид деятельности, как раньше, а считает это время такой же реальностью, как и всю повседневную жизнь. При этом он сам конструирует свое цифровое пространство и свой миф, делая его продолжением реальности — создавая свою дополненную реальность.

* * *

1. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
2. Дондурей Д. Российская смысловая матрица. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/01/643174-rossiiskaya-smislovaya-matritsa> (дата обращения: 12.10.2017).
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием — 2. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 528 с.
4. Кассирер Э. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
5. Лисенкова А. А. Виртуализация городских культурных практик // Культура и образование. 2016. № 3 (22). С. 31—36
6. Маклюэн М. Понимание медиа. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
7. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. 698 с.
8. Савчук В. В. Антология медиафилософии. СПб., 2013. 339 с.
9. Тульчинский Г. Л. Культура в шоппе // Нева. 2007. № 2. С. 128—149.
10. Тульчинский Г. Л. Личность как проект и бренд // Наука телевидение. Вып. 8. М., 2011. С. 250—265.
11. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: филологический факультет СПбГУ; факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. 280 с.
12. Черных А. И. Медиа и ритуалы. М.; СПб., 2013. 236 с.
13. Слово — победитель года по мнению редакции Оксфордского словаря. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year—2016> (дата обращения: 18.10.2017).

References

1. Bart R. Mifologii. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyyh, 2000. 320 s.
2. Dondurej D. Rossijskaja smyslovaja matrica. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/01/643174-rossiiskaya-smislovaya-matritsa> (data obrashhenija: 12.10.2017).
3. Kara-Murza S. G. Manipuljacija soznaniem — 2. M.: Jeksmo: Algoritm, 2009. 528 s.
4. Kassirer Je. Opyt o cheloveke. M.: Gardarika, 1998. 784 s.
5. Lisenkova A.A. Virtualizacija gorodskih kul'turnyh praktik. // Kul'tura i obrazovanie. — №3 (22). Moskva. 2016. S. 31—36

6. Makljujen M. Ponimanie media. M.: Zhukovskij, «KANON-press-C», «Kuchkovo pole», 2003. 464 s.
7. Pohepcov G.G. Imidzhelogija. M.: Refl-buk; Kiev: Vakler, 2001. 698 s.
8. Savchuk V.V. Antologija mediafilosofii. SPb., 2013. 339 s.
9. Tul'chinskij G.L. Kul'tura v shope // Neva, 2007. № 2. S. 128—149.
10. Tul'chinskij G.L. Lichnost' kak proekt i brend // Nauka televidenie. Vyp.8, M., 2011. S. 250—265.
11. Tul'chinskij, G. L. Total Branding: mifodizajn postinformacionnogo obshhestva. Brendy i ih rol' v sovremennom biznese i kul'ture. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU, 2013. 280 s.
12. Chernyh A.I. Media i ritualy. M.; SPb., 2013. 236 s.
13. Slovo — pobeditel' goda po mneniju redakcii Oksfordskogo slovarja URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (data obrashhenija: 18.10.2017)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008:002

Н. Е. Вокуев

Культура журналистики в Республике Коми: 2013— 2017 годы*

Статья посвящена особенностям журналистской культуры в Республике Коми и изменениям в региональном медиаландшафте, произошедшим с 2013 по 2017 годы. Динамика изменений рассматривается на материале общественно-политических СМИ (газет «Трибуна» и «Республика», интернет-изданий «Комиинформ», «КомиОнлайн», «БНК» и «7×7»).

Ключевые слова: культура журналистики, теория журналистики, медиаландшафт, публичная сфера.

N. Vokuev. Journalism culture in Komi Republic: years 2013— 2017

The article deals with features of journalism culture in Komi Republic and transformations of regional media landscape during the period of 2013— 2017. Dynamics of these transformations are considered on the material of socio-political media, such as newspapers Tribuna and Respublica and websites Komiiform, KomiOnline, BNK and 7×7.

Keywords: journalism culture, journalism theory, media landscape, public sphere.

* Статья подготовлена в рамках проекта № 17-13-1103 а/р РФФИ при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми.

© Вокуев Н. Е., 2017

К теории журналистской культуры

Культурологическое исследование региональной журналистики следовало бы начать с рассмотрения термина «журналистская культура», или «культура журналистики». Речь, очевидным образом, идет о частном случае профессиональной субкультуры, т. е. субкультуры, базирующейся на практиках индивидов, вовлеченных в ту или иную профессиональную деятельность, и связанной с этими практиками системе ценностей. Однако на вопрос о специфике профессиональной деятельности журналистов разные исследователи отвечают по-разному. Более того, некоторые из них полагают, что традиционный взгляд на журналистику как на профессию не позволяет в полной мере объяснить журналистские практики и особенности журналистского сообщества.

Так, американский исследователь массовой коммуникации Барбара Зелицер рассматривает журналистов как «интерпретативное сообщество» (термин, предложенный теоретиком литературы Стэнли Фишем). Это сообщество возникает не столько на основе профессиональной подготовки или специализированного образования (как в случае с большинством профессий), сколько на основе ассоциаций, выстроенных вокруг общих интерпретаций. «Журналисты как интерпретативное сообщество объединяются через собственные коллективные интерпретации ключевых общественных событий», — пишет Барбара Зелицер [8, с. 223]. Они «сплачиваются, создавая истории о собственном прошлом, которые они буднично и неофициально передают друг другу, — истории, в которых содержатся некоторые конструкции действительности, некоторые виды повествований и определения соответствующей практики. Через такие каналы, как неформальные разговоры, профессиональные и торговые обзоры, профессиональные встречи, автобиографии и мемуары, интервью в ток-шоу и ретроспективы в СМИ, они создают сообщество вокруг дискурса» [там же]. Для дискурса американского журналистского сообщества, по мнению автора, ключевыми темами являются маккартизм и Уотергейтский скандал.

Голландский исследователь медиа Марк Дезе на первый план выносит профессиональную идеологию (*occupational ideology*) журналистов. Поскольку в виду здесь имеется идеальная версия журналистской деятельности, позволяющая представителям сообщества

оценивать собственную работу и работу коллег, различать «истинную» журналистику и не-журналистику, в ней можно выделить следующие ценности: восприятие собственной деятельности как общественной службы, объективность, автономию, незамедлительность и чувство этики.

На представлении о журналистике как общественной службе базируются многие ее классические теории, например, теория «четвертой власти» и представление о журналистах как о «сторожевых псах», охраняющих интересы гражданского общества. Объективность (или нейтральность), хоть часто и развенчивается как невозможная в действительности, остается одной из основных журналистских добродетелей. Под автономией понимается независимость журналиста или издания от государственной власти и капитала: без нее, как и без этического чувства, неосуществимы первые две ценности. Незамедлительность же предполагает быструю реакцию журналиста на информационное событие [5]. Стоит отметить, что речь здесь идет не о единственной существующей версии профессиональной идеологии, а об идеологии доминантной. К тому же сполна она соотносится, пожалуй, лишь с деятельностью журналистов-новостников, освещающих общественно-политическую тематику¹.

Пожалуй, наиболее полное описание журналистской культуры выдвинул немецкий исследователь Томас Ханич. Он предложил изучать национальные варианты журналистских культур на основе трех составляющих. Во-первых, это институциональные роли: данная область отсылает к нормативным и действительным функциям журналистики в обществе. Институциональная роль журналистики может варьироваться в трех измерениях: 1. *Интервенционизм* (имеется в виду мера вовлеченности журналистов в продвижение определенных ценностей и идеологий; на противоположных полюсах здесь окажутся стремление повлиять на аудиторию и уже упоминавшаяся объективность, или нейтральность); 2. *Дистанцированность* по отношению к власти (журналисты могут воспринимать себя «четвертой властью», контролирующей остальные ее три ветви и оппонировавшей

¹ Так, незамедлительность реакции не всегда является столь приоритетной для журналистов, пишущих о культуре, как не особо присущи их деятельности, предполагающей субъективную оценку и тесные связи с артистическими и литературными кругами, объективность и автономия.

им, либо «партнерами» правящих элит); 3. *Рыночная ориентация*, которая выражается в отношении к публике (читатель/слушатель/зритель может восприниматься как гражданин либо как потребитель).

Вторая составляющая — эпистемологии журналистики. Отношение журналистов к действительности может проявляться как в вере в возможность объективной ее репрезентации, так и в убежденности, что журналист всегда остается субъективным и должен отстаивать свою субъективную точку зрения (здесь мы вновь имеем дело с двумя противоположными полюсами). Вторым измерением, наряду с *объективизмом*, является *эмпирицизм*: журналисты могут доказывать истинность своих суждений, опираясь на опыт и наблюдения либо на идеи, ценности, мнение и анализ.

Третьей составляющей журналистской культуры являются этические идеологии. Здесь Томас Ханич снова выделяет два измерения: первое — *релятивизм* (профессиональные ценности могут рассматриваться как контекстуально обусловленные или как универсальные), второе — *идеализм* (журналист в своей работе может ставить средства выше целей, и наоборот) [см. подробнее: 6].

Особенности культуры журналистики в России

Оценивая взаимосвязанные измерения всех трех параметров, можно создать подробную модель национальной журналистской культуры. В 2011 году Томас Ханич и его коллеги из других стран опубликовали результаты масштабного исследования, проводившегося в 18 странах, итогом которого стала своего рода карта журналистских культур. Культура журналистики в России, по данным этого исследования, отличается не критичным отношением к власти (что роднит отечественных журналистов с румынскими и израильскими коллегами) и бизнес-элитам (так же как в Китае и Уганде). Аудиторию при этом российские журналисты воспринимают скорее как состоящую из потребителей.

Как и сотрудники СМИ многих других стран, они не склонны, во всяком случае на словах, к субъективизму и отрицают влияние личных убеждений на выпускаемые ими материалы. При этом они предпочитают полагаться на собственный анализ и нередко готовы публиковать непроверенную информацию (в этом отноше-

нии Россия сближается с Южной Америкой и — вновь — с Угандой). Исследование также показало, что российские журналисты, с одной стороны, предпочитают придерживаться относительно строгой нормативной ориентации в выборе средств при подготовке материалов, но в то же время, в отличие от коллег из западных стран, более склонны приписывать журналистской этике ситуационный характер [см. подробнее: 7].

Разумеется, говоря о национальной журналистской культуре, как и о национальной культуре в целом, необходимо помнить о ее гетерогенном характере. Речь здесь всегда идет об обобщении или, скорее, о доминантной форме культуры: помимо наиболее распространенной модели в границах того же национального государства нетрудно обнаружить альтернативные ей формы журналистской культуры. Кроме того, культура журналистики не является неизменной: со времен вышеупомянутого исследования прошло уже немало лет, а медийный ландшафт в России, начиная с 2012 года, в результате политического и экономического давления сильно изменился.

Наше исследование предполагает выявление динамики таких изменений в поле общественно-политических СМИ, охватывающих региональную аудиторию, с 2013 по 2017 годы. Изучение этих изменений, как и медийного ландшафта в целом, позволит сопоставить журналистскую культуру Республики Коми с общероссийской моделью культуры журналистики. Поскольку полноценное ее исследование, по Ханичу, предполагает проведение опросов и интервью (в рассмотренном выше проекте было задействовано по сотне журналистов в каждой из 18 стран), нам удастся оценить лишь отдельные черты журналистской культуры. Выбранные нами методы (изучение состава агентов выделенного нами поля, их связи с властями региона и крупным капиталом, соотношения тематических рубрик в каждом издании, редакционной политики и т. д.) позволяют оценить в основном лишь институциональную роль СМИ в Республике Коми.

Оценка преобладающей тематики, с одной стороны, позволяет оценить и журналистскую культуру: все же, как утверждают теория журналистов-«привратников» (gatekeeping theory) и теория повестки дня (agenda setting theory), фильтрация информационного потока является основной функцией журналистики. Таким образом, мы говорим об одной из ключевых практик работников СМИ. Но в то

же время нельзя исключать двоемыслия, которое проявляется в тех случаях, когда журналист встраивается в институцию, политика которой не совпадает с его системой ценностей и убеждений и представлениями о профессии. В связи с этим наши первичные наблюдения в дальнейшем все же нуждаются в дополнении теми данными, которые позволят получить опросы и интервьюирование.

В рамках исследования были изучены материалы региональных общественно-политических газет («Трибуна», «Республика») и интернет-ресурсов («БНК», «Комиинформ», «КомиОнлайн», «7×7»). Региональные телевидение и радио нами не изучались.

Печатная журналистика в Республике Коми

Печатные СМИ региона, как печатная журналистика во всем мире, переживают не лучшие времена. Конкуренция со стороны интернет-изданий, сужающийся рынок рекламы в печатной прессе приводят к закрытию газет и журналов и их переходу в электронную форму. В Коми за рассматриваемый нами период прекратили существование несколько ключевых бумажных изданий.

В 2013 году закрылась одна из старейших газет региона — еженедельник «Молодежь Севера». В 2009 году в прошлом популярное общественно-политическое издание, к тому времени утратившее свой оппозиционный характер и большую часть аудитории, было выкуплено холдингом «Север-Медиа». Однако попытки новых владельцев сделать его вновь прибыльным не увенчались успехом: газета практически дублировала содержание главного актива холдинга, информационного агентства «БНК», и продолжала оставаться убыточной, несмотря на то что рекламу на ее полосах размещали крупнейшие рекламодатели региона, компании «Северсталь», Mondi и «ЛУКОЙЛ».

С потери этих рекламодателей начались в 2009 году проблемы у газеты «Красное знамя». Журналисты издания связывали внезапный отказ крупных компаний публиковать рекламные материалы на его страницах с изменившейся редакционной политикой газеты, которая все больше позволяла себе критические выпады в адрес руководства республики. Информационную политику в Администрации Главы и Правительства РК тогда, как считалось в журналистской

среде, определял первый заместитель главы Коми Алексей Чернов. «Через весьма непродолжительное время нам стало ясно, что содержание СМИ нашего региона негласно объявлено исключительной прерогативой этого человека, — писал тогда журналист «Красного знамени» Валерий Черницын. — При этом в слово “содержание” можно с легкостью вкладывать оба смысла. Второй в этом случае означает, что наиболее важный источник доходов — сотрудничество с компаниями — ставится под жесткий контроль Желтого дома [неофициальное название Администрации Главы и Правительства Коми], за этим устанавливается зоркое наблюдение, и всякий слушник рискует позвать откровенный конфликт по крайней мере с Черновым. Для наиболее трусливых компаний иногда даже одного упоминания этой “крайней меры” бывает более чем достаточно» [2].

Последующее существование старейшей газеты республики сопровождалось все новыми неприятностями (редакция издания была выселена из помещений Дома печати, которые она занимала десятилетиями, а в подконтрольных региональной власти СМИ «Красное знамя» то и дело пытались дискредитировать). В результате в октябре 2014 года газета прекратила свое существование. Время от времени обновляющийся сайт издания (komikz.ru) не играет той роли в региональном медиаландшафте, которую играло печатное издание.

Помимо «Красного знамени» закрылись газеты «Столица» (в том же 2014 году) и «Красное знамя Севера» (в 2016 году). Последняя издавалась с 2009 года как «клон» «Красного знамени» — так, во всяком случае, утверждали журналисты самого «КЗ», обращая внимание на схожее название, практически идентичный дизайн, случаи распространения номеров этого издания в киосках и самолетах под вывеской «Красного знамени» и связи «КЗС» с Администрацией Главы и Правительства РК (газета была закрыта после ареста главы Коми Вячеслава Гайзера, его заместителя Алексея Чернова и других фигурантов этого громкого дела).

Изменения в медийном ландшафте региона, в частности значительное сокращение числа печатных общественно-политических изданий, таким образом, связано как с экономическими, так и с политическими факторами. Основными игроками в поле печатной журналистики с региональным охватом в результате остались газеты «Трибуна» и «Республика».

«Трибуне» на фоне закрытия других газет за пять лет удалось увеличить тираж почти на 3 тысячи (в 2017 году он составил почти 33 тысячи экземпляров). «Народная газета», как себя позиционирует этот еженедельник, за это время сохранила и свой объем (12—16 полос, на которых публикуется 30—40 редакционных материалов). Учрежденное Федерацией профсоюзов РК издание специализируется в основном на социальной проблематике, а свою репутацию «народной газеты» поддерживает тем, что предоставляет площадку для частных и коллективных писем, затрагивающих проблемы жителей региона. Немалая часть остросоциальных публикаций издания написана по обращениям читателей. Таким образом, газета в самом деле выступает в качестве трибуны. На ее страницах выходят расследования, полосные статьи о проблемах ЖКХ и сельского хозяйства, брошенного на произвол. В газете регулярно публикуются материалы крупных рекламодателей, в том числе компании «ЛУКОЙЛ», что не помешало изданию разместить статью о нефтеразливах под Ухтой.

В то же время в отношении региональной власти, как можно судить по изученным материалам (нами были рассмотрены публикации за апрель с 2013 по 2017 годы), редакция сохраняет нейтралитет. Деятельность как предыдущего главы региона, Вячеслава Гайзера, так и нынешнего, Сергея Гапликова, на страницах издания не подвергалась критике (публикации о так называемом деле Гайзера не учитываются). На районных же чиновников нейтралитет не распространяется: в газете нередко публикуются материалы о коррупции в муниципальных органах власти.

Примечательно, что за пять лет критический настрой «Трибуны» несколько сгладился. Если в 2013 году газета публиковала интервью с экономистом Михаилом Чувьюровым, в котором тот критиковал экономическую политику Кремля (№ 15), а в 2014 писала об атаке российской власти на свободу слова и независимую журналистику (№ 14), то в последние годы выпады в адрес руководства страны здесь уже не встречаются. В «Трибуне» теперь то и дело публикуются статьи со ссылкой на Общероссийский народный фронт (ОНФ). В этом отношении любопытна заметка о журналистке «Трибуны», получившей награду из рук Владимира Путина на проведенном ОНФ медиафоруме независимых региональных и местных СМИ (№ 18 за 2015 год). Для некоторых независимых СМИ, как пишет Мария

Эйсмонт, участие в этом мероприятии под эгидой ОНФ становится вынужденной мерой: «Помимо того, что сотрудничество с ОНФ дает шанс напрямую обратиться к президенту на медиафоруме и, может быть, решить какие-то конкретные местные вопросы, само участие в мероприятии, которое посещает первое лицо, становится своеобразной охранной грамотой, защищающей от давления со стороны местных начальников» [3].

Институциональную роль той журналистики, что воплощается на полосах «Трибуны», можно охарактеризовать, таким образом, относительно или даже выборочно критичным отношением к власти (в основном к муниципальной, с сохранением нейтралитета, если не лояльности, в отношении к более высоким ее уровням) и отношением к читателям как к гражданам. Впрочем, роль «сторожевого пса» на службе общественных интересов здесь вполне сочетается с рекламой социальных проектов той же компании «ЛУКОЙЛ», наносящей урон экологии и образу жизни коренных народов. Последний пункт — отношение к читателям — тоже требует оговорки. Без сугубо развлекательных тем «Трибуна» не обходится: на первой полосе каждого номера публикуются заметки в рубрике «Происшествия и криминал» (эта тематическая рубрика — далеко не самая незначительная в газете), а в последние годы издание также стало уделять внимание «сенсационным» темам, вроде сверхъестественных и аномальных явлений. Читатель здесь, таким образом, выступает одновременно в роли гражданина и потребителя.

Если «Трибуна» была учреждена Федерацией профсоюзов республики и, по всей видимости, переняла у той несамостоятельный характер (хотя на сайте газеты издание позиционируется как самофинансируемое), то «Республика» была учреждена региональным правительством и Госсоветом РК. Уже это позволяет сделать вывод о том, что удаленностью по отношению к власти это издание не отличается. Наряду с официальными документами, «Республика» публикует информационные материалы, тематическое соотношение которых в большей или меньшей степени сбалансировано: политика, экономика, культура, спорт, криминал и происшествия освещаются здесь в равной степени. При этом политические и экономические сюжеты, как правило, представляются с позиции учредивших газету властей. Деятельность муниципалитетов же, как и в «Трибуне», ос-

вещается более критично. В то же время проблемные статьи здесь публикуются гораздо реже. «Республика» выступает, скорее, в роли «партнера» региональной власти, прививая лояльное отношение к ней и читателям, число которых за пять лет несколько сократилось. Во всяком случае, тираж цветного номера газеты, выходявшего сначала по пятницам, а затем, после смены главного редактора, по четвергам, сократился почти на тысячу, с 11 тысяч до 10015 экземпляров. Сократилось также количество номеров и полос. В 2013 году газета выходила по вторникам, средам, четвергам (на восьми полосах тиражом 5 тысяч экземпляров) и пятницам (цветной выпуск на 24 полосы). В 2015 году, когда газету возглавил бывший главред «БНК» Алексей Лазарев (в 2016 году вернувшийся в информгентство), она стала выходить в свет трижды в неделю: во вторник и в субботу на восьми полосах, в четверг — на 24-х. В 2016 году четверговый номер «похудел» до 20 страниц, а в 2017-м — до 12-ти. Кроме того, в 2015 году от газеты «откололся» историко-краеведческий выпуск «Дым отечества», ставший самостоятельным изданием.

Таким образом, официальная пресса, модель журналистики которой никак не претендует на роль «четвертой власти», тоже испытывает в регионе финансовые трудности, с которыми прежде сталкивались независимые СМИ вроде «Красного знамени». Эти финансовые затруднения в конечном счете приводят к сокращению объемов журналистской продукции.

Рынок интернет-СМИ

По сравнению с рынком печатной продукции региональный рынок интернет-изданий кажется развивающимся. Если дела у провластной «Республики» обстоят не лучшим образом, то у провластных же информгентств «Комиинформ» и «БНК» они как будто бы налаживаются. Во всяком случае, аудитория обоих СМИ увеличивается, равно как и количество публикуемых материалов (это, впрочем, вовсе не свидетельствует об отсутствии финансовых трудностей, которые испытывает сегодня медийная отрасль в целом).

«Комиинформ» — старейшее республиканское интернет-издание — было образовано в 1996 году. Как и «Республика», он является государственным СМИ, т. е. выступает «партнером» региональ-

ной власти. Здесь не найти неугодной властям информации (которая преподносится обычно нейтрально, в форме новостных заметок, часто — переписанных пресс-релизов), зато иногда тут, как и в том же «БНК», публикуются материалы, дискредитирующие условную оппозицию.

С 2013 года «Комиинформ», выпускающий в среднем 4—50 заметок в день, увеличил аудиторию почти на 120 тысяч читателей. Согласно статистике Mail.ru, ежемесячная посещаемость сайта komiinform.ru, на который в сентябре 2013 года зашел 62991 уникальный посетитель, в сентябре 2017 года составила 182643 уникальных посетителя.

Аналогичная динамика произошла и с посещаемостью сайта bnkomi.ru. Согласно той же статистике, она выросла с 93216 в сентябре 2013 года до 248140 уникальных посетителей в сентябре 2017 года. За это время среднее число ежедневно публикуемых материалов выросло с 20 до 30. Рубрикатор здесь, как и на «Комиинформе», стандартный: «Политика», «Экономика», «Право», «Экология», «Культура», «Спорт», «Происшествия». При этом чаще всего встречается размытая тематическая категория «Общество». Информационное агентство «БНК» («Бизнес-новости Коми»), в конце «нулевых» специализировавшееся на ироничных репортажах о политике и экономических новостях, превратилось в один из самых популярных региональных интернет-ресурсов, который не чурается ежедневно ради посещаемости сайта публиковать новости о дорожных авариях.

«КомиОнлайн» (komionline.ru), запущенный в 2006 году бывшими журналистами «Комиинформа», в последнее время взял курс на деполитизацию. Редакция интернет-портала, принадлежащего бизнесмену Павлу Кочанову, разорвала свои отношения с Администрацией Главы и Правительства Коми. Теперь в рубрикаторе издания совсем отсутствует «Политика», зато есть рубрика «Развлечения». Несмотря на такой во многом развлекательный характер портала, дела у редакции складываются не лучшим образом: число пишущих журналистов снизилось до двух, а среднее количество ежедневно публикуемых материалов — с 24 до 10. Ежемесячная посещаемость сайта, по данным Mail.ru, с сентября 2013 по сентябрь 2017 года снизилась с 77774 до 41688 посещений. Впрочем, по словам бывшего главно-

го редактора издания Игоря Соколова, метрика Mail.ru не учитывает пользователей мобильной версии сайта, поэтому вполне вероятно, что такого драматического снижения посещаемости все же не произошло. Об этом свидетельствует и статистика Yandex.ru, согласно которой в сентябре 2017 года сайт «КомиОнлайна» посетили 78 тысяч человек.

На фоне региональных интернет-СМИ выделяется журнал «7×7» (7x7-journal.ru). Основанный в 2010 году сыктывкарскими общественниками и предпринимателями Леонидом Зильбергом и Александром Островским, журнал с самого своего запуска сочетал журналистские материалы с блог-платформой и был связан с политическим проектом. «“7×7 — Горизонтальная Россия” — пространство, свободное от государства. Это независимый проект. Мы ставим себе амбициозную задачу — привлечь к сотрудничеству все живые силы гражданского общества», — сообщается на сайте издания.

Задача эта не могла не отразиться и на тематике публикаций, которые чаще всего связаны с политикой, правозащитной и экологической тематикой. Учитывая критическое отношение авторов «7×7» к региональным и федеральным властям, можно выделить такие черты реализуемой здесь модели журналистской культуры, как вовлеченность в продвижение определенных ценностей, удаленность по отношению к власти и отношение к читателям как к гражданам.

Посещаемость «7×7» с сентября 2013 по сентябрь 2017 года, согласно статистике Mail.ru, изменилась аналогично посещаемости «Комиинформа» — выросла с 61532 до 182662 уникальных посетителей за месяц. Но между двумя этими ресурсами есть существенные различия, помимо их политической направленности. «7×7» сегодня — межрегиональное издание, журналисты которого работают не только в Коми, но и в Рязанской, Кировской, Костромской, Орловской, Воронежской и Ярославской областях, Карелии, Марий Эл. Поэтому аудитория республиканского раздела журнала значительно ниже аудитории «Комиинформа». К тому же, не обладая большими финансовыми ресурсами (издание существует в основном на средства международных грантов), редакция не может позволить себе большого штата. В результате число ежедневно публикуемых журналистских материалов в региональном разделе сократилось с 3—4-х в 2013 году до 1—2-х в 2017-м.

Заключение

Рассмотренная нами динамика изменений в поле региональной журналистики в целом соответствует общероссийским тенденциям. Изменения эти, как уже говорилось, обусловлены политическим давлением и экономическими факторами. Региональные власти, как и федеральные, используют экономические рычаги давления на оппозиционные и независимые СМИ, чем существенно осложняют их существование. Как пишет Александр Эткинд: «Хотя бумажные СМИ в целом неприбыльны и поэтому субсидируются государством, они зависят от рекламы, ставшей крупным рынком; но основные спонсоры рекламных объявлений — представители крупного бизнеса, контролируемые Кремлем и сообразующиеся с его политическим курсом. Часто возникает ощущение, что российская реклама не преследует коммерческой цели привлечения интереса к конкурирующим товарам, таким как духи или машины. Вместо этого она продвигает крупный бизнес — банки, аэропорты, девелоперов, которые используют государственные доходы и не полагаются на массовое потребление» [4].

Можно вслед за Александром Эткиндром говорить о том, что информационная и культурная политика российских властей ведет к «упадку российской публичной сферы», объясняя им и трансформации регионального медийного ландшафта. Однако, на наш взгляд, здесь возникает та же ошибка, за которую часто критикуют и автора концепции публичной сферы Юргена Хабермаса: единая публичная сфера возможна лишь как абстракция, обобщение; в действительности же мы имеем дело с фрагментированной публичной сферой или даже различными публичными сферами. Мы можем говорить о том, что в России (и в отдельных ее регионах) наряду с основной существуют параллельные публичные сферы, созданные «как ответ на вытеснение определенных групп и политических сил (преимущественно оппозиционных) из повесток дня официальных медиа» [1, с. 19]. В различных публичных сферах реализуются и различные формы журналистской культуры, и экономические основания их существования тоже разнятся. Так, независимые и оппозиционные СМИ вынуждены прибегать к «альтернативным» источникам финансирования вроде зарубежных грантов или краудфандинга (сбора добровольных пожертвований в интернете).

Рассмотренные нами институциональные условия благоприятствуют той модели журналистской культуры, которая предполагает лояльное отношение к властям вкупе с ориентацией на производство развлекательного и популярного содержания. В этих условиях вполне могут существовать и издания, критикующие социальную и политическую действительность, при этом не распространяя свою критику на высшие эшелоны власти (федеральную и/или региональную), о чем свидетельствует пример еженедельника «Трибуна», самой успешной из региональных газет. Однако параллельно продолжает существовать альтернативная форма журналистской культуры, которая в большей степени соответствует классической теории журналистики как «четвертой власти». Более того, экономический кризис в определенной степени уравнивает игроков на противоположных полюсах этого поля. Издания закрываются, сокращают штаты, зарплаты не увеличиваются. В то же время продолжают действовать программы поддержки независимых СМИ, которые к тому же консолидируются друг с другом. Так, журналист «7×7» Елена Соловьева за статью о связях прежнего руководства региона с националистической организацией «Рубеж Севера» была удостоена премии «Редколлегия», учрежденной благотворительной организацией Sreda Foundation для поддержки свободных СМИ в России. А по словам Марии Эйсмонт, Альянс независимых региональных издателей, недавно открывший двери и для интернет-изданий, планирует пригласить «7×7» в свои ряды [3].

В условиях сильно поредевшего медийного поля журналисты переходят из изданий с одной моделью журналистской культуры в издания с противоположной моделью (из «БНК» и «КомиОнлайна» — в «7×7», из «7×7» — в «Комиинформ»). При этом сам факт такой мобильности может истолковываться по-разному: и как циничное отношение к профессии, и как двоемыслие, возникающее в условиях дефицита медийных институций и зачищенного медийного поля. Чтобы лучше разобраться в этом и выявить наличие или отсутствие динамики в сфере самой журналистской культуры (т. е. представлений, легитимирующих профессию в глазах журналистов), а не только в институциональном контексте ее существования, исследование следует продолжить опросами и интервью с самими игроками поля журналистики.

* * *

1. Кирия И. Социальные медиа как инструмент политической изоляции в России // Смеющаяся НЕреволюция: движение протеста и медиа (мифы, язык, символы). М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. С. 12—24.

2. Черницын В. Газета «Красное знамя» прекращает свое существование // Komikz.ru: интернет-изд. 2014. 16 октября. URL: <https://komikz.ru/news/rakurs/14184> (дата обращения: 14.10.2017).

3. Эйсмонт М. Территория, свободная от государства // Контрапункт. 2017. № 8. URL: http://www.counter-point.org/8_eismnont/ (дата обращения: 14.10.2017).

4. Эткинд А. Упадок российской публичной сферы // Гефтер.ру: интернет-изд. 2015. 2 ноября. URL: <http://gefter.ru/archive/16462> (дата обращения: 14.10.2017).

5. Deuze M. What is journalism? Professional identity and ideology of journalists reconsidered. *Journalism*, Vol. 6(4), 2005, pp. 442—464.

6. Hanitzsch T. Deconstructing Journalism Culture: Toward a Universal Theory. *Communication Theory*, Vol. 17, 2007, pp. 367—385.

7. Hanitzsch T., Hanusch F., Mellado C., Anikina M., Berganza R., Cangoz I. et al. Mapping Journalism Cultures Across Nations: A Comparative Study of 18 Countries, *Journalism Studies*, Vol.12 (3), 2011, pp. 273—293.

8. Zelizer B. Journalists as Interpretive Communities. *Critical Studies in Mass Communication*, Vol. 10, 1993, pp. 219—237.

С. В. Герасимов

**Постсекулярность как индикатор расширения
и смены концепта реальности**

В статье рассматривается расширение понятия «постсекулярность» на все виды человеческой активности, выходящие за рамки дискуссии религии и философии. Развитие постмодерна в различных областях дошло до многих сфер современной цивилизации, разрушило сложившиеся каноны в концепции реальности эпохи модерна. В работе предлагается проследить историю развития секулярности с Древнего мира, так как, согласно предположению, там находятся некоторые причины современной смены мировоззренческих концепций. Наблюдая процессы в большом временном промежутке, возможно, удастся определить основные тренды развития цивилизации в сторону ответственных публичных коммуникаций.

Ключевые слова: *постсекулярность, кризис, понятие реальности, вера, религия, знание, генерация чувств, опыт.*

S. V. Gerasimov. Post-secularity as an indicator of the expansion and change of the concept of reality.

The article deals with the expansion of the concept of postsekuljarnost on all kinds of human activity, which go beyond the discussion of religion and philosophy. The development of postmodernism in various fields reached many areas of modern civilization, destroyed the established canons in the concept of the reality of the modern era. The paper proposes to trace the history of the development of secularity from the Ancient World, since, according to the assumption, there are some reasons for the modern change of ideological concepts. Observing the processes in a large time interval, it is possible to identify the main trends in the development of civilization in the direction of responsible public communications.

Keywords: *postsekuljarnost, crisis, the concept of a reality, belief, religion, knowledge, generation of senses, experience.*

Современное общество XXI века продолжает попытки описания и диагностики собственного мировоззрения. Среди прочих причин одним из вызовов современности является постсекулярный характер концепта реальности, дискуссия о котором идет в последнее время. Большая часть авторов рассматривает концепт постсекулярности как кризис модерна, наступление периода стагнации развития философии и теизма, их взаимных претензий.

Еще недавно, рассматривая проблематику самоидентификации постсекулярного общества, исследователи фокусировали ее как проблему взаимоотношений философии и теологии на поле социологии и политики. В этих рамках и шло выяснение трансформации секулярного общества под давлением фактов [8, с. 3—32]. На сегодняшний день проблемная зона стала шире, затронула проблему самого дискурса и ответственной публичной коммуникации.

Рассматривая постсекулярность как концепт реальности, можно заметить, что начинался он как попытка создать теоретическое описание процессов в сферах, связанных с кризисом модерна. Постсекулярность как разновидность постмодерна рассматривается во многих трудах современных ученых, на которых далее мы остановимся подробнее. В современных условиях постсекулярность вышла из узких теоретических рамок, становится идеей, мотиватором для поступков, оправданием действий. Теория постсекулярности формировалась на работах Юргена Хабермаса, Джона Ролза, Квентина Мейясу по определению постсекулярного пространства, в котором должны интегрироваться противоположные начала религии и философии. «Как мы должны понимать свою роль в качестве членов постсекулярного общества и чего ожидать друг от друга, если мы хотим обеспечить в наших исторически прочных национальных государствах цивилизованное обращение граждан друг с другом, несмотря на беспрецедентное разнообразие культур и религиозных мировоззрений?» [9].

Необходимо совместно с возможными решениями рассмотреть проблему коллективной ответственности за то, с чем мы выйдем из этого кризиса. Различные варианты его развития сейчас приносят беспокойство. Например, радикальный религиозный экстремизм как результат повторной сакрализации, которую сдерживало секулярное общество, с одной стороны. С другой стороны, сфор-

мировалась проблема перехода в общество потребления и гиперпотребления, лишённого многих этических и моральных паттернов, что не менее опасно и для культуры, и для цивилизации. Ситуация потери границы в терминологии Адриана Пабста [19] называется «постчеловечность». Она характеризуется вытеснением моральных норм под воздействием маркетинговых технологий. Современные транснациональные фондовые, валютные и ресурсные рынки, современные международные отношения не оставляют пространства для религии и всего трансцендентального вне рамок сферы культуры. Маркетинговые, политические и гибридно-информационные войны создают свои мифы, свои реальности и свои религии. Постсекулярность становится синонимом постмодерна, порождая турбулентность в СМИ и иных пространствах публичных коммуникаций. Подобная турбулентность вызывает тотальное недоверие каждого к каждому, к любым видам рекламы, к политикам, ученым, бизнесменам, актерам и другим медийным личностям.

Рассмотрим некоторые проявления постсекулярного дискурса за последние годы. Даниель Боскальйон описывает проблему постсекулярности как синхронное движение секуляризма и скептицизма в одном культурном поле, с выстраиванием компромиссных коммуникаций, основанных на концепте, который называет «страстный агностицизм» (*Passionate Agnosticism*), корни которого уходят в скептическое сознание. Интересно, что автор соединяет понятие веры и скептицизма как две стороны одного процесса строительства реальности, возможного при отсутствии догматических предубеждений с обеих сторон. Диагностируя кризис, автор предлагает три этапа выхода из него: 1. Расширение концепции Бога до приемлемого для большинства населения, внедрение расширенных определений в публичное и межличностное пространство. 2. Присмотр основ теизма и ввод в них скептицизма для избегания интеллектуального уклона в богословии с использованием в этом процессе категорий «добросовестность» и «недобросовестность». 3. Ввод в социокультурное пространство агитации и пропаганды этой модели, основа для которой должна находиться в кино, литературе, живописи и т. д. [12].

Идею управления социумом с помощью различных механизмов сферы культуры развивают и другие авторы. Например, Йенс Кёрсен пишет о популярности темы постсекулярности, и в этой связи сове-

тует работать с кризисом как с любым быстрорастущим феноменом [15], исследовать процесс и управлять им. Кёрсен не согласен с размыванием понятия религии и Бога, поскольку это в конце пути приведет к тому, что все сущности и все события будут идентифицироваться как божественные, все члены общества станут невольно религиозными в разной степени. Он видит в этом секулярное наступление религии на светскую территорию.

В мировом дискурсе существует рассмотрение постсекулярности как результата развития противостояния утопизма и реализма. Джолион Агар [10] представляет современную ситуацию как возврат и реванш смыслов, зажатых в рамки в эпоху Возрождения, когда, по его мнению, возникшая секуляризация стремилась минимизировать религиозное влияние, сократив его в концепции имманентности и исключив совсем, как, например, в атеизме Феербаха, Маркса и Энгельса. Атеизм, согласно концепту Агара, противостоит гегелевской и постгегелевской теории религиозного, социального и политического развития, основанного на концепте трансцендентности и пантеизма у Тейлора, Баскара и Блоха. Основными причинами постсекулярности называются: разочарование и потеря сообщества, невозможность абсолютной секуляризации, исключение религии из общественной сферы вопреки существующей потребности у части населения [20].

Еще одно направление дискурса, связанного с постсекулярностью, обсуждает проблематику возникновения и разрушения связей в «новом» и «старом» мире. Поиску и систематизации причин от начала Ренессанса до наших дней посвящены работы Хента де Ври; Лоуренса Э. Салливана, Яна Уорда [23, с. 150—151], Жан-Марка Ферри [17], Алессандро Феррары [16, с. 77—92], Джона Бетца [11].

Существует мнение, что постсекулярная реальность представляет собой зародыш новой ступени цивилизационного развития. Этот концепт реальности несет в себе огромный потенциал, состоящий из двух сил, плюса и минуса, между которыми только и возможна жизнь. Эту идею создал и поддерживает Манав Ратти [21], представляющий постсекулярность как нулевую ступень для политической реальности, в которой религиозные и светские силы, договорившись о взаимодействии, начнут трансформировать остальные уровни в социуме. Автор этой идеи рассматривает разрешение кризисов в процессе

создания новой этики через диалог светских ученых с представителями различных направлений формирования религиозных реальностей: анимизма, буддизма, христианства, индуизма и сикхизма. С этой точки зрения концепт реальности имеет ярко выраженный уклон в сторону колониально-имперских предпосылок формирования современного кризиса. Автор вводит понятия «нерелигиозной религии» и «светского секуляризма», с помощью которых возможно построение нового постпостсекулярного пространства с помощью диалога культур. В этой интересной концепции Минав Ратти на анализе работ и выступлений Майкла Ондатье, Салмана Рушди, Шауна Сингха Болдуина, Махасвата Деви, Амитава Гоша и Аллана Сили пытается решить проблемы постсекулярного кризиса в различных концептах реальности. В его поле зрения попали представители классических авраамических религий, экзотических для европейцев азиатских религий, рассматриваются и реальности фэнтезийных миров популярных литературных авторов и кинодраматургов.

Не остались в стороне и социальные психологи, которые связывали массовый побег населения от проблем, вызванных в том числе кризисом постсекулярности, в фантазийные пространства с различными целями. Основным их аргументом служит гипотеза, что постсекулярные вопросы легко моделируются и решаются в фантастическом пространстве, в утопиях и антиутопиях, научной, лирической, религиозной, исторической и прочей фантастике, которая развивается в соответствии со спросом на эти пространства и концепты. Маркетологи и брендмейкеры также осваивают этот полигон человеческих желаний. Для них он привлекателен возможностью недорого моделировать и исследовать концепты фантазийных реальностей для будущего воплощения. Этим вопросам посвящены работы таких авторов, как Джон Макклор [18], Майкл Робертс [22]. В пространстве постсекулярного дискурса возникли проблемы феминизма и многие другие, появились научные произведения, в которых авторы объясняют множество феноменов различного рода именно наступлением постсекулярности [14, с. 1—24, 13].

Для изучения проблемы всесторонне необходимо рассмотреть предпосылки возникновения не столько постсекулярной реальности, сколько самой идеи секулярности, чтобы не уподобиться мудрецам, рассматривающим слона по частям.

Считается, что секулярность появилась как реакция давления религии на науку в период раннего Ренессанса. Ф. А. Йейтс (F. A. Yates) в своих работах «Джордано Бруно и герметическая традиция» и «Розенкрейцерское просвещение» предположил, что возникновение герметической философии, магии, алхимии в XIV—XVI веках стало причиной зарождения картезианской идеи в науке. В эту эпоху возникла необходимость пересмотра территории рационального по отношению к метафизическому. Их взаимное влияние позже определило и постсекулярность как конформизм и попытку диффузии одного и другого.

Если рассматривать секулярность как систему, разделившую все области человеческих связей, то необходимо обратиться в более ранний период, когда секулярности еще не было. В этом аспекте рассмотрим секулярность с точки зрения ее функциональной разделяющей роли. Можно предположить, что искомый концепт реальности существовал в догреческий период, поскольку был хорошо описан в литературных источниках того времени. Работы, которые были известны в древнем мире, начиная с клинописных произведений III тысячелетия до н. э., трудно разделить на жанры, соответствующие современной культурной традиции, что косвенно подтверждает единство божественного и мирского в концепте реальности жителей Древнего мира. В текстах, которые доступны к изучению, присутствуют расширительные концепты божественного. Например, известное изречение «Нет никого кроме Него», написанное в Торе (Глава 4 стих 35; 1320 год до нашей эры), свидетельствует о том, что в культурно-цивилизационном пространстве Древнего мира был пантеизм, то самое расширительное понимание того, словами Даниеля Боскальйона, что во всем есть Бог. Пятикнижие Моисеево было написано на древнем арамите, языке, который выполнял роль *lingua franca* на территориях от современного Китая до Британских островов на протяжении нескольких тысяч лет. Можно предположить, что единый и неразделенный (несекуляризованный) концепт реальности был знаком многим народам Древнего мира в силу феномена диффузии идей [4].

По гипотезе ряда ученых восточного факультета СПбГУ под руководством академика Б. Б. Пиотровского и академика А. П. Окладникова, санскрит, на котором написаны основные древнейшие памятники индийской литературы, образовался из одного семитского

языка (предположительно из арамита) путем добавления гласных [1, с. 369]. Пантеизм в различных видах популярен во многих религиозных культурах Юго-Восточной Азии.

В объединенном концепте реальности Древнего мира не существовало никаких антропоморфных божеств. Более того, существовал запрет на создание любых идолов, способных редуцировать божественное до состояния человеческого. «Да не будет у тебя богов других перед лицом Моим» (Шмот, 20:2, 3). Задача древнего человека была уподобиться Богу, формируя и развивая у себя божественные свойства. Антропоморфные божества появляются позже с развитием торговли. Именно тогда возникает идея, что Бог подобен человеку, с ним можно договориться путем меновой торговли. В противоположность древнему концепту развития человека до уровня Бога новый концепт редуцировал Бога до человека, что было и проще и удобнее. Развитие торговли сгенерировало удобную религиозную концепцию, в которой Бог напоминает иностранца, необычного с виду, но все же человекообразного по природе своей. В поведенческом паттерне торговца в первую очередь стоит получение прибыли, в силу этого торговец — человек без ярко выраженных культурных и культовых доминант, способный подстраиваться и мимикрировать под любую культуру. Сами концепты Бога и его визуализации с тех пор трансформируются в зависимости от местных культурных традиций, оправдывая растущий спрос прихожан.

Таким образом, цели у человека и человечества в Древнем мире были соответствующие концепту: раскрытие божественного замысла и уподобление Творцу по свойствам, дискретная (ступенчатая) модель восхождения до недоступного и временно непостижимого Абсолюта, трансцендентного пространства. Характерной чертой пути каждого человека в Древнем мире был путь раскрытия Абсолюта на каждой ступени постижения мира. Это означало постоянное взаимодействие с высшей силой. Процесс разделения, секуляризации, стал возможен по мере потери ощущения единства и связанности всего сущего. Символически этот период связывается с разрушением Первого (586 году д. н. э.) и Второго (70 год н. э.) Иерусалимских храмов. Параллельно в это время формируется греческая античная философия, в концепте которой указывается иная цель — наслаждение всеми возможными способами тела и разума.

Первая волна греческих философов еще придерживалась идеи единства мира. Фалес продолжает школу Адама (по преданию, Адам оставил учение «Радзиель а-Малах», или «Тайный ангел»), в которой постулируется наличие одной силы в основе всех сущностей и событий. Вторая волна греческих философов, Анаксимен и Анаксимандр, позже Гераклит и Парменид, вносят идею изменения субстанции, создав древнейший дискурс о природе реальности. В античной философии постепенно происходит отделение божественного от мирского. Досократовский период замыкает уже полностью антропоцентрическая концепция Протагора, описанная в одноименной беседе Платона (Платон, Теэтет 152a), о том, что «человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих» [3]. Платон, описывая беседы с Сократом, фиксирует секулярную шкалу измерения реальности: «мир идей — мир вещей». Можно предположить, что секуляризация на этом этапе становится идеей, позже облаченной в различные противостояния философско-религиозных концептов. Создается два, по сути, тождественных направления: религия для удовлетворения душевных запросов, обслуживания страхов смерти и болезней, успокоения и политики, но не имеющая ничего общего с древним концептом реальности, и философия — реализующая желания человека изучить природу для собственного развития, а также развития в утилитарно-прикладном смысле, развития технологий, научно-технического прогресса.

В древнем, догреческом мире существовала методика раскрытия каждого последующего уровня неизвестного, абсолютного или трансцендентного с помощью дихотомии «вера — знание». Человек оперировал этими двумя понятиями для раскрытия наиболее общих тенденций развития окружающего мира. До сих пор мы пользуемся в решении задач предположением «допустим», олицетворяющим веру, и «что и требовалось доказать», символизирующим знание.

Рассматривая концепт постсекулярной реальности, мы наблюдаем, как происходит подмена понятий «вера» и «знание» понятиями «религия» и «философия» [2, с. 89—100]. Вера не имеет прямого отношения к религии. Рассматривая концепт веры, можно утверждать, что религия — это частный случай веры. При этом религия возникает в тот момент, когда вера отделяется от знания.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию с Галилеем и его открытием гелиоцентрической модели мира. Очевидный для наблюдателя факт того, что Земля стоит неподвижно, а Солнце восходит слева (для Северного полушария) и заходит справа, является известной иллюзией в современном обществе. Но для начала XVII века переосмысление устоявшейся точки зрения стало болезненно для человека, для общества. Так и сейчас процессы смены концептов реальности требуют приложения усилий, замены всей объяснительной риторики, признания своей ущербности перед огромной Вселенной. Именно поэтому эргономически выгодно верить в результаты чужого опыта, не пытаясь его повторять. Проще сохранять status quo, чем признавать свое несовершенство. В религии ситуация выглядит точно так же. Путь раскрытия божественного у основных религиозных персонажей не только труден, не только требует отречения от мирских удовольствий, но еще и трагичен во многих случаях.

Современная галилеевская концепция гелиоцентрической модели во многом подобна религии. Как много людей с оптическим телескопом, калькулятором и учебником по астрономии прошли за учеными их путь? Поэтому вращение Земли вокруг Солнца, как концепт реальности, становится религией в обществе, в котором отсутствует обучение на опыте. Так же можно рассматривать и факт того, что Земля шарообразная. В современном сообществе это не более чем популярный миф, который ввиду своей многолетней навязчивой постоянности требует ребрендинга. В некоторых сетевых сообществах уже возникал скандал, связанный с концептом плоской Земли, со ссылкой на древние знания о ките и трех слонах.

Формирование реальности за пределами профессиональной сферы знаний человека порождает бренды. Г. Л. Тульчинский характеризует брендинг как новую религию [7, с.14] современного постмодерна. В этом смысле религия и брендинг похожи по смыслу, по алгоритму создания концепта реальности. Например, в автомобилестроении разобраться трудно многим людям, поэтому массы именно «веруют» в «мерседес». Если спросить почти любого человека в России: какой автомобиль лучше, «мерседес» или, например, «хёндай»? Если автомобили в одном классе, то опрашиваемый наверняка будет энергично доказывать, что «мерседес». Если же у верующего в какого-нибудь бога спросить, видел ли он Бога, то он ответит — нет,

не видел, но верую, что есть, что говорил Истину и т. д. Так и адепт «мерседеса» верует, что подвеска, двигатель и прочие элементы конструкции «мерседеса» на порядок лучше других автоаналогов, не понимая почти ничего в конструкционных материалах, сопромате, теории машин и механизмов и еще множестве других дисциплин, обладание которыми подводят человека к постижению «мерседеса» в разуме, а не в вере. Отстаивание бренда адептом торговой марки напоминает религиозный фанатизм. Поклонник своего бренда будет агрессивно и абсолютно бесплатно доказывать его превосходство над другими брендами.

Так же и с религией, которая формирует мировоззрение у прихожан с помощью личности, легенды, символов и ритуалов. В догребческий период от мальчика, принимающего первое постижение и заключающего союз с Творцом, требовали знания многих дисциплин, кроме этого он обязан был владеть навыками чтения, что делало большую часть мужского населения грамотными и образованными согласно тем стандартам, разумеется. Далее ученик должен был идти по ступеням постижения, раскрывая законы мироздания или природы до того уровня, который он способен раскрыть в силу своих врожденных качеств.

На примере аллегории в Торе рассказывается о балансе веры и знания. «И отвечал Моше: "Но ведь не поверят они мне..." И сказал ему Творец: "Что в руке твоей?" И ответил: "Посох". Сказал Творец: "Брось его на землю". Бросил он, и обратится тот в Змея — и побежал Моше от него» (Тора, Шмот, 4). Эта история с посохом и змеем символизирует связь разума и веры. Вера выше разума, представляет собой поиск нового и нераскрытого, на нее должен был опираться Моше. Вера, подчиненная и обслуживающая разум, напоминает змея, который не может подняться выше уровня своей компетентности, не способен генерировать реальности и самомотивироваться. Благодаря греческому повороту, секулярность создала и разделила два тождественных института: философию и религию. Если рассматривать постсекулярность как кризис постмодерна, то становится ясно, что и философия, и религия чувствуют себя все слабее и поэтому ищут поддержку на поле соперника, ожидают там возможных ответов. Но в современной постсекулярности война смыслов превратилась в войну за сферы влияния, за целевую аудиторию, за прибыль,

за власть, то есть ушли из того поля концептов и смыслов, для которых и были созданы в античности.

Кризис постсекулярности говорит о глубоких проблемах в этих двух институтах, которые не дают ответа на вопросы, ради которых их создали: существует ли смысл жизни? В чем смысл жизни? Познаваем ли человек и реальность вокруг него?

Античные мыслители совершили «теологический поворот», развернули целеполагание людей от раскрытия замысла Бога и того, что и зачем Он создал, до методики получения чувственных наслаждений в теле и разуме. Спрос сформировал предложение, и Олимп заселили многие десятки божеств из греческого пантеона. Постижение реальности сменилось культом тела, культом человеческой гордой и свободной мысли, культом мудрости.

С этой точки зрения постсекулярность — это естественный конец эллинической концепции секуляризма, человек обрел все желанные чувственные удовольствия, согласно Платону и Сократу, дошел до эпохи потребления и даже постпотребления и наполнился всеми благами человеческой цивилизации, всей возможной мудростью. В эпоху потребления реализуются любые запросы, был бы спрос.

В греческом и более поздних концептах будущего существовала идея реализации желаний. Изначально в этой системе находится дефект, который и привел к её разрушению: генерация желаний не предусматривалась. Религиозные теософы отдали постижение трансцендентного на волю Божественного провидения, тем самым заменив работу по изучению и раскрытию реальности ожиданием чуда. Ожидание чуда не принесло новых идей и желаний.

Ситуация в чем-то напоминает период распада СССР, когда партийная элита генерировала смыслы, а силовая структура умело проводила их в жизнь. С исчезновением КПСС силовики потеряли идеологическую составляющую, продекларировали идеи демократии, не смогли ее воспроизвести и стали наполнять себя и своих близких благами цивилизации.

Согласно гипотезе окончания эллинического периода в развитии человеческого понимания природы и смыслов бытия, религиозно-философский этап носил культуругенерирующую функцию, создавал условия и потенциал для постпостсекулярной концепции бытия, служил скорлупой, оберегающей плод. Культура, как универ-

сальный накопитель человеческого опыта, развивалась в условиях секулярного мира. Для анализа динамики трансформации концептов реальности многие аналитики используют феномен культуры как независимый индикатор случившегося. Культура чутко реагирует на трансформации реальности. В период развития Древнего мира смысл и цель существования человека были направлены на работу по раскрытию окружающего мира. Поэтому, возможно, архитектуре, литературе, изобразительному творчеству и другим видам искусства отводили роль помощника в основной работе. С приходом секулярной концепции произошел разворот в культуре в сторону удовлетворения запросов человека во всех областях: были созданы и развивались жанры и стили, возникли школы и каноны, направленные на человеческие потребности. Культура в современном постсекулярном пространстве также прибывает в кризисе самоидентификации. Постмодерн разрушил каноны, возникла пустота смыслов, требующая наполнения новой идеей. Растет количество смертей от депрессивных расстройств, связанных с потерями смыслов в тех странах, где решена проблема потребления. Эти процессы подобны зерну, которое должно сгнить в почве для того, чтобы пустить новый росток. Вопросам идейного вакуума в культуре, разрушению эстетики в искусстве и осмыслению культурной рефлексии на постсекуляризацию посвящены исследования В. А. Сулимова [5].

С другой стороны, Г. Л. Тульчинский обращает внимание на такое свойство культуры, как ресурс и барьер [6] дальнейшего развития. Окончание ресурсного периода свидетельствует о наступлении реализации потенциала роста. Постмодерн проявил зависимость всех от каждого, рост коммуникаций и их плотность, выстраивание глобальной модели человеческого сообщества.

Логично предположить, что в мире, где человек против своей воли связан со всеми и зависит от всех, его благополучие также зависит от всех. В условиях стагнации экономики попытка продвигать свое благополучие в ущерб другому человеку создает риск возникновения вооруженных конфликтов планетарного характера. Соответственно, переходный уровень будет проходить под флагом *public responsibility*.

Если позволить себе заглянуть в будущее, то логическим продолжением эволюции будет древнее библейское «Возлюби ближнего свое-

го...». Эту идею ответственных публичных коммуникаций передают со времен Моисея как последнюю инструкцию от людей, которые видели весь мир исходя из объединенной, досекулярной концепции бытия.

* * *

1. Авдиев В. И., Вигасин А. А., Дангамаев М. А. История Древнего Востока: учебник / под ред. В. И. Кузищева. М.: Высшая школа, 1979. 456 с. С. 369.

2. Герасимов С. В. Разум и вера: постсекулярность и после. *Философские науки* 12/2013.

3. Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / под ред. А. Ф. Лосева; пер. с греч. М. Л. Гаспарова, 2-е изд. М.: Мысль, 1986. С. 571

4. Панченко Д. В. Диффузия идей в Древнем мире. СПб.: Фил. факультет СПбГУ, 2013. 320 с.

5. Сулимов В. А. Состояние переходности: «технологический поворот» или утрата смыслов? // *Философские науки*. 2013. № 3.

6. Тульчинский Г. Л. Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития // *Философские науки*. 2010. № 1. С. 51—72.

7. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 14.

8. Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // *Логос*. 2011. № 3 (82). 280 с.

9. Хабермас Ю. Постсекулярное общество — что это? Ч. 1 // *Российская философская газета*. 2008. № 4 (18).

10. Agar, Jolyon. Post-Secularism, Realism and Utopia: Transcendence and Immanence from Hegel to Bloch (London and New York: Routledge, 2014).

11. Betz John R. After Enlightenment: The post-secular vision of J. G. Hamann//Oxford: Wiley-Blackwell Pub, 2009.

12. Boscaljon Daniel. Vigilant Faith: Passionate Agnosticism in a Secular World //University of Virginia Press, 2013. 224 pp.

13. Bracke Sarah. «Conjugating the Modern- Religious, Conceptualizing Female Religious Agency: Contours of a 'Post-secular' Conjuncture». *Theory, culture & society*. 25 (2008), p. 51—68.

14. Braidotti Rosi. «In Spite of the Times: The Postsecular Turn in Feminism» *Theory, culture & society*. 25 (2008), p. 1—24.

15. During Simon. «Toward the Postsecular». *PMLA: Publications of the Modern Language Association of America*: 120.3 (2005 May), pp. 876—77.

16. Ferrara Alessandro. The separation of religion and politics in a post-secular society . *Philosophy & social criticism*. 35. (2009), p. 77—92.
17. Ferry Jean-Marc. *La Raison et la foi*. Pocket. Paris. 2016.
18. McClure, John A.. *Partial Faiths: Postsecular Fiction in the Age of Pynchon and Morrison*. Athens, GA: U of Georgia P, 2007. 209 pp.
19. Pabst Adrian , *The Paradox of Faith: Religion beyond Secularization and Desecularization*, in Craig Calhoun and Georgi M. Derlugian (eds), *The Deepening Crisis: Governance Challenges after Neoliberalism* //New York: New York University Press, 2011. pp. 157—82.
20. Parmaksız Umut. *Making Sense of the Postsecular* . *European Journal of Social Theory*. December 15, 2016.
21. Ratti Manav. *The Postsecular Imagination: Postcolonialism, Religion, and Literature*//London and New York: Routledge, 2013. 240 pp.
22. Roberts, Michael Symmons. «Poetry In A Post-Secular Age». *Poetry review*. vol. 98 (London, 2008), p. 69—75.
23. Vries Hent de; Sullivan, Lawrence E.; Ward, Ian. «Political Theologies: Public Religions in a Post-Secular World». *Journal of church and state* 17.50 (2008) p. 150—151.

УДК 008

О. В. Золотарев

История коми учительства в отечественной историографии

Анализируется отечественная историография эволюции коми учительства, отмечаются некоторые особенности исследовательской и справочной литературы этой тематики.

Ключевые слова: Коми, историография, образование, учительство, политика, школа.

O. V. Zolotarev. The history of Komi teachers in the domestic Historiography.

The article analyses a domestic historiography of the evolution of komi teachers, points out several peculiarities of the scientific and reference literature of this themes.

Keywords: Komi, historiography, education, teachers, policy, level of school.

Учитель всегда был важнейшей фигурой учебного и воспитательного процесса в школе. Без педагога нет школы, а без высококвалифицированного учителя нельзя решить ни одну из задач, которые стоят перед народным просвещением. Школьное дело всегда зависело в большей степени от учителя, нежели от материальных и иных проблем.

Особенно сильно влияние школьного работника в провинции, где педагоги являются самым многочисленным и, возможно, наиболее авторитетным отрядом интеллигенции. Тем более это заметно было на национальных окраинах, ведь учительство составляло базис формирования национальной интеллигенции.

Однако, несмотря на подобную значимость личности школьного педагога, история учительства многих российских территорий до сих пор не создана. До последнего времени не было сколь-нибудь серьезной обобщающей работы, которая была бы посвящена и истории коми учительства.

Чтобы убедиться в этом, достаточно небольшого историографического обзора.

В отечественной дореволюционной историографии положение педагогического корпуса императорской России затрагивалось только в ряде обобщающих трудов по истории культуры и образования.

Похожая ситуация наблюдалась и в Коми крае. Ситуация в среде коми учительства, его состав, роль педагогов в культурной и общественной жизни края рассматривалось в некоторых сочинениях по истории народного образования на территории народа коми. При этом особо отмечалась слабая подготовка (как общеобразовательная, так и профессиональная) школьных работников и важность рекрутирования учительства из местного населения [50, 51].

После Октябрьской революции, несмотря на особую значимость, которая придавалась педагогическому корпусу в идеологической и пропагандистской работе новой властью, в вопросах изучения истории школьных работников в отечественной исторической науке мало что изменилось. Положения в учительской среде касались в своих выступлениях и статьях некоторые политические деятели. Оно освещалось в различного рода отчетах, некоторых обобщающих работах и статьях. Основной упор в них делается на изменениях в политических взглядах школьных педагогов, процессе формирования советского учительства [15, 1, 38, 52]. Исследования этого периода носили во многом пропагандистский характер: в них больше говорилось о перспективах развития, нежели анализировались текущие проблемы народного образования и учительства. Однако именно по этим работам можно судить как о модели образовательной системы, которую пытались внедрить большевистские лидеры, о способах ее создания, так и о тех чертах и качествах, которые должны были быть присущи главной движущей силе этой модели — советскому учительству.

Тенденции, характерные для общесоюзной литературы, прослеживаются и в работах о развитии просвещения, формировании нового учительства в Коми крае. Правда, масштаб здесь поменьше. В коми историографии в 1920-е годы выходит ряд небольших статей о развитии народного образования в крае, где в нескольких словах говорится о подготовке учителей для коми школ, материальном обеспечении педагогов. Многие из них были опубликованы в издававшемся в конце 1920-х годов в Коми автономии журнале «Коми просвещенец» [62, 36,37, 56, 26].

Изучение развития проблем народного образования в целом и учительства в частности продолжилось и в 1930-е годы. Однако публикации по вопросам школьного образования (а значит, и положения учительства) суживаются до нескольких страниц в различных юбилейных сборниках. И их авторами в большинстве были партийные и советские работники. Специальных работ по истории учительства в 30-е гг. почти не было, за исключением кратких биографий отдельных учителей. В нескольких статьях изучались педагогическое творчество и методы работы известных педагогов, их взаимоотношения с учениками [7, 25, 61].

А в первых обобщающих работах по Коми истории, которые были опубликованы в эти годы, вопросы истории народного образования края (как дореволюционного, так и советского периода), в том числе и проблемы становления учительского корпуса, практически не были затронуты [48, 60].

В исследованиях о культурном развитии и создании советской школы в Коми крае, вышедших в 1920—30-е годы, говорилось и об острой нехватке школьных работников, слабой подготовке педагогов, их тяжелом материальном положении. Главной задачей тогда была необходимость подчеркнуть тот значительный шаг, который был сделан системой народного образования автономии после Октябрьской революции (что во многом соответствовало действительности), отметить позитивные изменения в учительской среде. Однако при этом всячески принижалось наследие царской России. Эти замечания касаются и Коми учительства. Конечно, дореволюционное Коми учительство было далеко от совершенства, однако ситуация была не так плоха, как это порой представлялось в работах 30-х годов [25, 61].

Серьезный шаг вперед был сделан отечественной исторической наукой в 1950-е годы: расширилась тематика работ, их источниковая база. Многие публикации стали носить подлинно исследовательский характер. В них был дан анализ произошедших перемен в области народного образования. В целом, оценивая исследования конца 40-х — 50-х гг., можно выделить два направления в изучении истории советского педагогического корпуса. Ряд авторов сосредоточился на анализе вопросов перехода старых, дореволюционных школьных работников в ряды советских учителей. Другие рассматривали

историю становления новой системы педагогического образования, подготовку учительских кадров. Важнейшим достоинством вышедших в этот период исследований является введение в научный оборот обширного фактического материала и появление работ, анализирующих конкретные проблемы. Ряд авторов осветил различные аспекты жизни учительства, правда, в основном это были вопросы, связанные с ходом идеологической борьбы за учительство [63, 9].

В эти же годы появились специальные исследования, посвященные проблемам развития народного просвещения в Коми крае [35, 46, 47]. Они были построены в основном на архивных материалах. И в этом главное преимущество данных работ. В этих публикациях были затронуты и некоторые вопросы, касающиеся положения коми учительства: проблемы подготовки учительства для национальных коми школ, сложности переподготовки педагогических кадров и т. п.

Анализ ситуации в учительской среде был продолжен в 1960 — середине 1980-х годов. В литературе данного периода был рассмотрен ряд проблем истории советского учительства: взаимодействия властей и школьных работников, подготовки педагогов, материального положения учителей [44, 32, 13, 5].

Не обошли советские историки вниманием и различные аспекты положения в среде дореволюционного учительства, в частности, были изучены политические предпочтения школьных работников, их материальное положение, ситуация с подготовкой педагогов [44, 33].

Развитие отечественной историографии в этот период шло по пути не только количественного, но и качественного прогресса. Впрочем, исследования 1970—80-х годов, хотя и дают логическое и стройное изложение положительного опыта создания советского учительства, однако все же представляют собой односторонне позитивный образец стереотипов о советском учительстве как об одном из отрядов социалистической интеллигенции.

Нельзя не упомянуть и о том, что история учительства, в том числе и коми учительства, никогда не входила в число запретных тем для исследователей. Тем не менее в коми историографии так и не было создано сколь-нибудь значительных исследований по проблемам, связанным с историей учительства.

Этот пробел не был устранен даже в 1960—80-е годы, когда появился целый ряд обобщающих работ по истории Коми края [41,

43, 22, 23]. Автором разделов по развитию культуры в этих книгах был Я. Н. Безносиков, начавший исследование проблем культурного строительства в Коми автономии еще в 1950-е годы. Итогом работы Я. Н. Безносикова явились несколько монографий, опубликованных в конце 1960-х — начале 1980-х годов. Для нашей тематики особый интерес представляют две его работы: «Культурная революция в Коми АССР» и «Развитие народного образования в Коми АССР» [2, 3, 4]. Именно в этих исследованиях имеются небольшие разделы, посвященные анализу положения коми учительства в различные периоды развития народного образования в Республике Коми. В них проанализированы изменения в материальном положении педагогов, рассказано о подготовке кадров для коми школ, рассмотрены взаимоотношения власти и учительства.

Помимо работ Я. Н. Безносикова некоторые моменты истории коми учительства, а точнее вопросы, связанные с подготовкой педагогов для школ автономии, получили определенное освещение в нескольких трудах по истории Коми пединститута. [14, 45]

Важно также заметить, что в это время в Коми автономии был начат выпуск сборников документов и материалов, посвященных различным проблемам коми истории. Вышли сборники, посвященные вопросам культурного развития Коми АССР [29, 30]. В этих изданиях опубликован ряд материалов, затрагивающих вопросы подготовки учительских кадров для автономии, политической ситуации в среде школьных работников и т. д.

Тенденции сугубо положительного освещения проблем развития советского общества в целом и образования в частности были нарушены в конце 1980-х годов в связи с начавшимися в нашей стране переменами. Первыми наступившей свободой в трактовке событий отечественной истории воспользовались публицисты. В начале 1990-х годов к ним присоединились и профессиональные историки. Они приступили к правдивому анализу многих аспектов отечественной истории, в том числе и проблем развития народного образования, истории интеллигенции [12, 54, 56].

Появились и специальные труды, посвященные истории российского учительства. В этих исследованиях получили новое осмысление многие вопросы истории отечественного педагогического корпуса. Речь, в частности, идет о сравнительно высоком уровне жиз-

ни дореволюционного учительства (особенно педагогов гимназий), неплохой профессиональной подготовке школьных работников царской России, рассматриваются многие проблемы истории советского учительства (падение престижа учительской профессии в 1920-е и в 1960—80-е годы, феминизации педагогической профессии в послевоенный период и т. п.) [58, 54].

Конечно, далеко не все вопросы, касающиеся истории отечественного образования, положения в учительской среде, требующие переосмысления, были рассмотрены. Так и не было создано обобщающей работы по истории российского учительства. Однако первые шаги в данном направлении уже сделаны...

Что же касается историков Коми республики, то они несколько запаздывали в пересмотре различных аспектов коми истории, в том числе и проблем развития культуры, образования.

Однако вопросы, связанные с историей народного образования, учительства, все же не прошли мимо внимания коми историографии. Так, О. Е. Бондаренко написала несколько работ, посвященных анализу положения дореволюционной школы в Коми крае. Среди них выделяется монография «Учебные заведения в Коми крае в конце XIX — начале XX веков». В ней довольно обстоятельно рассмотрены и проблемы, связанные с ситуацией в учительской среде. Особо примечателен тот факт, что повествование не обезличено. Книга насыщена именами учителей, учеников, организаторов школьного дела. Читатель узнает об учительской династии Поповых, прослежена судьба целого ряда педагогов: Ф. И. Забоевой, М. С. Русанова, А. А. Сухановой и т. д. Это выгодно отличает данную книгу от других подобного рода изданий. Впрочем, говоря о сложном материальном положении учителей начальной школы, автору не следовало забывать, что в царской России учитель занимал очень высокое место в социальной иерархии, что можно подтвердить сравнением материального обеспечения школьных работников с другими социальными слоями. Так же с сожалением следует заметить, что анализу труда и жизни педагогов гимназий и профессиональных учебных заведений уделено в книге немного места. А ведь именно преподаватели средней школы были самыми видными и многочисленными представителями городской интеллигенции (причем особенно заметно это влияние было, как уже отмечалось, именно в провинции) и играли в жизни края важнейшую роль [6].

Определенную ясность в освещении проблемы подготовки квалифицированных учительских кадров для коми советской школы внесли работы, изданные в Коми пединституте и сыктывкарском педучилище [27, 59]. Так, в серии сборников документов, составленных сотрудниками музея истории института, представлен значительный и весьма любопытный пласт материалов из истории Коми педагогического института с начала 1930-х годов и до 1972 года [27, 28]. Весьма любопытны и сборники воспоминаний выпускников Коми пединститута. Это своеобразные студенческие книги памяти не только об институте, но и о преподавателях, сокурсниках, о роли вуза в конкретных судьбах, в становлении образования, науки в республике, о коми учительстве [53].

Интерес представляют и публикации о руководителях и преподавателях Коми пединститута, выдающихся педагогах республики, подготовленные исследователями [8, 55, 11, 59, 24, 39]. Особенно информативна в этом плане книга о выпускнице Коми пединститута, единственном учителе Коми АССР, удостоенном самой высокой награды советского времени — звания Героя Социалистического труда — П. С. Марковой [49].

Ряд небольших статей, посвященных различным аспектам истории дореволюционного коми учительства, был опубликован и сотрудниками Института языка, литературы и истории Коми научно-го центра УрО РАН [10, 34, 40].

Однако, несмотря на столь значительное количество публикаций, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы, связанные с историей педагогов Коми края, сколь-нибудь связного и детального изложения истории коми учительства до сегодняшнего дня (возможно, за исключением нескольких статей и монографии автора этих строк) [16, 17, 18, 19, 20, 21] так и не создано.

Таким образом, многие стороны истории коми учительства не были удостоены должного внимания отечественной исторической науки. Например, не были исследованы сложности в материальном обеспечении учительства, в профессиональной подготовке педагогических кадров и т. п. в период становления коми советской школы в 1920-е годы. Практически не проанализирована деятельность местной Коми партийной организации ВКП(б) в области обеспечения школ автономии педагогами [31, 41, 42].

Нуждаются в дополнительном изучении и многие другие аспекты история коми учительства. И в этом видится одна из ближайших задач сообщества коми ученых-историков.

* * *

1. Базанов А. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере. Л.: Учпедгиз, 1939. 208 с.

2. Безносиков Я. Н. Культурная революция в Коми АССР. М.: Наука, 1968. 234 с.

3. Безносиков Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1973. 175 с.

4. Безносиков Я. Н. Рассвет над Коми. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1986. 183 с.

5. Беляева А. И. КПСС и учительство (Исторический опыт деятельности Коммунистической партии Советского Союза по подготовке и идейно-политическому воспитанию учительства) (1917—1925 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1974. 56 с.

6. Бондаренко О. Е. Учебные заведения в Коми крае в конце XIX — начале XX веков. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1998. 190 с.

7. Бубнов А. Всеобщее начальное обучение и культурная революция. М.: Наркомпрос РСФСР — ГИЗ, 1930. 47 с.

8. Василий Николаевич Ахмеев — человек, ученый, руководитель: сборник материалов. Сыктывкар: Коми пединститут, 2007. 168 с.

9. Витухновский Г. В. Борьба партии большевиков за учительство в 1917—1919 годах: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1949. 9 с.

10. Волокитина О., Жеребцова Л., Малкова Т. А. Земская учительница // Связь времен. Сыктывкар: фонд «Покаяние», 2000. С. 183.

11. Гаврилова Е. Е., Бондаренко О. Е., Федорова Л. Ф. История Сыктывкарского педагогического училища №1 имени И. А. Куратова (1921—1992 гг.). Сыктывкар: Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж им. И. А. Куратова, 2001. 118 с.

12. Дайч З. Г. Школьная политика в СССР: уроки партийно-государственного руководства; перспективы развития. М.: Прометей, 1991. 123 с.

13. Деятельность партийных организаций по идейно-политическому воспитанию учительства: сборник трудов / под ред. А. И. Беляевой. М.: МГПИ., 1978. 173 с.

14. Зильберг А. Я. Первый вуз Коми республики. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1972. 107 с.

15. Зиновьев Г. Учителство и диктатура пролетариата: речь на Всесоюзном учительском съезде 13 января 1925. М.: Партиздат, 1925. 36 с.

16. Золотарев О. В. Уровень профессиональной подготовки учительства (20—30-е годы) // Ориентир. 1994 год. № 1—2. С. 36—38.

17. Золотарев О. В. «Политическая беспечность в учительской среде» (Изменение политической позиции коми учительства в 1920—30-е годы) // Родники пармы. Научно-популярный сборник. Вып. V. Сыктывкар, 2000. С. 102—108.

18. Золотарев О. В. Коми учительство в 1920—1930-х годах // Повседневная жизнь Коми края. Вып. 1. Сыктывкар, 2006. С.82—103.

19. Золотарев О. В. Народное образование в Коми автономии в 1918—1940 годах. Сыктывкар: Коми пединститут, 1993. 166 с.

20. Золотарев О. В. История народного образования в Республике Коми. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2002. 188 с.

21. Золотарев О. В. Коми учительство: краткий очерк истории. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 184 с.

22. История Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1978. 559 с.

23. История Сыктывкара. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1980. 287 с.

24. История Сыктывкарского университета в фотографиях. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 2008. 216 с.

25. Коми область в борьбе за социализм: сборник статей. Усть-Сысольск: Коми госиздат, 1931. 365 с.

26. Коми область к 10-летию Октябрьской революции. Юбилейный сборник. Усть-Сысольск: Изд-во Коми обисполкома, 1927. 145 с.

27. Коми пединститут: новый этап развития. 1945—1972: сборник документов, материалов, воспоминаний. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. 672 с.

28. Коми пединститут: становление и развитие. 1932—1941. Документы, материалы, воспоминания. Сыктывкар: Коми пединститут. 2007. 346 с.

29. Культурное строительство в Коми АССР. 1918—1937: сборник документов / под ред. Я. Н. Безносикова. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1979. 255 с.

30. Культурное строительство в Коми АССР. 1938—1960: сборник документов / под ред. Я. Н. Безносикова. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1984. 295 с.

31. Кутькин И. Коми областная организация за 15 лет // Большеви́стская мысль. 1931. № 9—10. С. 25—34.
32. Леднев В. П. Партийное руководство педагогическим образованием в РСФСР (1959—1970-е годы). Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1984. 142 с.
33. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М.: Мысль, 1981. 284 с.
34. Малкова Т. А. Земский учитель // Родники пармы. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1993. С. 194—197.
35. Михеев Н. А. Из истории коми начальной школы // Ученые записки Пятигорского пединститута. Вып. IX. (Кафедра педагогики). Пятигорск, 1955. С. 69—106.
36. Мосин В. Начальное образование среди коми народа в прошлом // Коми просвещенец. 1927. № 1. С. 3—18.
37. Народное образование в Северо-Двинской губернии. Великий Устюг: Великоустюжская губернская типография, 1922. 174 с.
38. Народный комиссариат по просвещению. 1917 октябрь — 1920. Краткий отчет. М.: Государственное изд-во, 1920. 112 с.
39. Наш Борис Иванович. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2006. 165 с.
40. Нисовский А. А. Подготовка учителей в средних профессиональных образовательных учреждениях Коми АО в 1920—1930-е гг. // Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность: сб. статей. Сыктывкар: КРАГСиУ. 2014. С. 74—79.
41. Очерки истории Коми партийной организации. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1964. 428 с.
42. Очерки истории Коми партийной организации: 2-е изд., перераб. и доп. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1987. 510 с.
43. Очерки по истории Коми АССР: в 2 т. Т. 2. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1962. 543 с.
44. Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в России. М.: Педагогика, 1979. 215 с.
45. Первенец высшей школы. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1982. 107 с.
46. Перунов Е. П. Из истории советской школы в Коми // Ученые записки КГПИ. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1953. С. 34—40.
47. Перунов Е. П. К истории всеобщего первоначального обучения в Коми АССР // Ученые записки КГПИ. Вып. 7. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1959. С. 272—292.

48. Подоров В. М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков): в 2 т. Т. 2. Сыктывкар: Коми госиздат, 1933. 278 с.
49. Полина Степановна Маркова (1922—1993). Воспоминания, фотографии, документы. Сыктывкар: Коми пединститут, 2009. 121 с.
50. Ползунов П. П. История Усть-Сысольского городского училища. Усть-Сысольск: Усть-Сысольское уездное земство, 1912. 187 с.
51. Попов В. Ф. История земской школы и первоначального образования в Усть-Сысольском уезде. Усть-Сысольск: Усть-Сысольское уездное земство, 1911. 308 с.
52. Постановления Коми областных партийных конференций (1—5). Усть-Сысольск: Издание Коми ОК ВКП(б), 1929. 55 с.
53. Признание. Коми пединститут в воспоминаниях выпускников (филологов и историков). Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. 403 с.
54. Пыжиков А. В. Реформирование системы образования СССР в период «оттепели» (1953—1964) // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 95—104.
55. Ректоры (директора) Коми пединститута. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. 116 с.
56. Соколова Ф. Х. Интеллигенция Европейского Севера России в 1917—1941 годах. Архангельск: Поморский государственный университет, 2003. 316 с.
57. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 гг. Архангельск: Архгубстатбюро, 1925. 708 с.
58. Сучков И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX—XX веков // Отечественная история. 1995. № 1. С. 62—77.
59. Сыктывкарское педагогическое училище им. И. А. Куратова в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сыктывкар: Сыктывкарский гуманитарно-педагогический колледж им. И. А. Куратова, 2016. 228 с.
60. Ульянов Н. И. Очерки истории народа коми-зырян. М.-Л.: Госиздат, 1932. 182 с.
61. Шахов Н. А. Коми в прошлом и настоящем. Архангельск: Партиздат, 1932. 51 с.
62. Шахов Н. А. Народное просвещение среди коми // Коми просвещенец. 1926. № 1. С. 51—59.
63. Штейнбук В. С. Борьба большевистской партии за завоевание учительства и вовлечение его в активное социалистическое строительство (1917—1925 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1950. 17 с.

УДК 008

Э. В. Измайлова

**«Тема войны» в культуре детства и возможности
ее визуального конфигурирования**

В статье рассматривается проблематика «темы войны» в культуре детства, включая ее истоки, многообразные вариации и роль в формировании культуры детей. Анализируется укорененность данной темы в сознании человека на уровне картины мира. Рассматриваются варианты проявления и механизмы воздействия темы войны на культуру детства. Особый акцент делается на силу и эффективность средств визуальной среды в организации социокультурного пространства, окружающего ребенка. В этом аспекте анализируются возможности визуальных средств воздействия на культуру детства с целью коррекции темы войны.

Ключевые слова: тема войны, культура детства, визуальная культура, визуальное конфигурирование.

E. V. Izmailova. «The theme of war» in the culture of childhood and opportunities of its visual configuration

The article discusses the «themes of war» in the culture of childhood, including its origins, diverse variations and mission in the formation of children's culture. The deep rootedness of this theme in human consciousness is analyzed at the level of the world picture. The variants of the manifestation and mechanisms of the impact of the war theme on the culture of childhood are considered. Special emphasis is placed on the power and effectiveness of the visual environment in the organization of the social space surrounding the child. In this aspect are analyzed the abilities of a visual media impact on the culture of childhood in order to correct the theme of war.

Keywords: «war theme», the culture of childhood, visual culture, visual configuration.

Перед тем как перейти к непосредственному рассмотрению заявленной в заглавии проблематики, необходимо остановиться на

том, что в осмыслении мира человеком существуют особые когнитивные феномены, именуемые американским философом науки Дж. Холтоном как «темы» и представляющие собой *фундаментальные предпосылки, или основания познавательной деятельности человека*¹. «Темы» конкретизируются в устойчивых идеях, которые обнаруживают себя в ходе познания реальности человеком, включая ее отдельные элементы, на уровне различных ноогенезов, формируя черты когнитивного постоянства и обеспечивая единообразное выражение мыслительного процесса как на уровне научного сообщества, так и на уровне человечества в целом [6, с. 83]. Следуя данной логике, уместно говорить о том, что в картинах мира всех культур, включая их вариации, направленные на культуру детства, существуют особые конфигурации «тем» (устойчивых идей, или «универсалий») [11, с. 48—58], которые создают своеобразные интеллектуальные «призмы», преломляющие в сознании человека всю информацию о мире.

Приверженцы тематических исследований в сфере культуры, такие как М. Оплер, А. Коэн, В. Тэрнер и др., отталкивались от того, что в основании любой культуры находятся определенные конфигурации «тем» — духовных элементов, имеющих системообразующий для культуры характер. Например, американский антрополог М. Оплер считал, что в роли данных элементов выступают «постулаты» или «положения», представляющие собой поведенческие ориентиры субъекта, которые одобряются по умолчанию и открыто поддерживаются в обществе. Эти «положения» подлежат анализу как своеобразные идеи, которые, трансформируясь во времени и образуя определенные целостности, начинают оказывать непосредственное влияние на активность человека в культурной среде, в различных ее формах — изменяющихся и устойчивых [16, с. 198]. Вокруг тематических элементов, отражая логику их аттрактивного влияния, упорядочиваются все составляющие культуры.

¹ Примечательно, что Дж. Холтон, обозначая «темы», использует греческое слово «Θέματα», не переводя его на английский язык, подчеркивая тем самым его античную смысловую нагрузку как фундаментального основания познавательной деятельности. См.: Леонов И. В. Феномен «Θέματα» в построении макроисторической компоненты картины мира // *European Social Science Journal*. 2014 (май). № 5 (44), Т. 2. С. 14—22.

Данные теоретические установки позволяют говорить о том, что особенности культуры детства могут быть отображены в контексте фиксации конфигураций устойчивых идей, которые, проявляя себя в различных вариациях, пронизывают и упорядочивают всю детскую культуру. Среди таковых идей особую роль играет «тема войны», глубоко укорененная не только в культуре детства, но и на уровне культуры в целом.

Тема войны в культуре детства является одной из самых сложных и неоднозначных, поскольку представляет собой фундаментальный вектор познавательных интересов детей, проявляемых в ходе освоения ими реальности (при высокой составляющей игровой деятельности). Причем данная тема является значимой не только в субкультуре мальчиков, она так же активно осмысливается и «проживается» в субкультуре девочек.

Вплетенность данной темы в культуру детства очевидна, особенно если рассматривать ее в масштабе всех культур и исторических эпох. Однако ее высокая концентрация в современном цивилизованном мире, направленном на преодоление войны как формы межчеловеческих конфликтов, оставляет открытым природу данного явления и актуализирует перед исследователями ряд вопросов: *какое место отведено войне в историко-культурном процессе; какую роль играет война в картине мира различных культур; и каковы глубинные факторы устойчивости темы войны в культуре детства.*

Феномен войны существует в культуре с глубокой древности, начиная с первобытности и вплоть до современности, являясь хоть и трагической, но все же часто проявляемой стороной жизни человека, видоизменяющейся в контексте разных культур и эволюционирующей вместе с научно-техническим прогрессом. Не существовало обществ, не знающих кровавых столкновений, междоусобиц, малых или больших, внутренних или внешних противостояний. В ходе истории менялись формы и сюжеты, облик и характер войны, численность армий, время, место и масштабность сражений, виды оружия, также менялись моральные критерии оценки форм и способов ведения войн, но их суть была и остается неизменной. Исходя из названных обстоятельств, образы и символы войны становились неременной частью мировосприятия человека с самого детства.

Философы и ученые веками стремились познать феномен войны, дать ему оценку; определить сущность; понять причины и мотивы войн; классифицировать их; определить правила, приемлемые и неприемлемые методы их ведения; обосновать либо полностью запретить их. Однако явное повышение интереса широкого круга исследователей к войне фиксируется на рубеже XIX—XX веков в связи с разрастанием милитаристских идей в Европе. И далее, по мере усиления военного фактора в культуре XX века, данный интерес только усиливался. И в настоящее время война также остается актуальным предметом как для дисциплинарных, так и междисциплинарных исследований и дискуссий. Не случайно возникшая на западе в течение последних десятилетий научная дисциплина «Антропология войны» разрабатывается не только и даже не столько военными историками, а социальными и культурными антропологами, зоологами, этологами, физиологами, психологами, палеоантропологами, археологами [9, 6]. Как следствие, повышенный интерес исследователей к феномену войны привел к оформлению нескольких подходов, особым образом раскрывающих природу данного явления. Среди наиболее распространенных выделяются культурологический, этологический, неоэволюционистский, функционалистский и психологический подходы.

Итак, война в той или иной конфигурации своих составляющих является непосредственной частью бытия большинства культур, а также элементом всех картин мира. Ее истоки можно обнаружить в делении первобытного общества на «своих» и «чужих», обоснование которому можно найти в чувстве «комплиментарности» — подсознательном ощущении взаимной симпатии и общности людей, определяющем противопоставление «мы — они» [4, с. 11], либо в ее отсутствии и, как следствие, в возможности или невозможности мирного взаимодействия субъектов между собой. Кроме того, ее корни можно фиксировать во многих сферах: в каннибализме, особенно ярко проявляемом в первобытной культуре; в греческой состязательности между мужчинами; а также в общей конкуренции между целыми народами и культурами. Но каковыми бы ни были первопричины, война является устойчивым феноменом культуры, тесно связанным с природой человека и, к сожалению, пока непреодоленным «спутником» его жизни (И это несмотря на то, что нравственные векторы

большинства современных культур направлены на искоренение войны!) Соответственно, чтобы ответить на вопросы: *что такое война для ребенка и какую роль она играет в картине мира культуры детства* — необходимо отталкиваться от понимания войны как одного из фундаментальных и устойчивых способов разрешения межчеловеческих противоречий и конфликтов.

Ребенок, воспринимая культуру с соответствующей картиной мира, делает акценты на ее системообразующих элементах. Его интересуют самые важные аспекты бытия — жизнь и смерть, радость и горе, добро и зло, семья, друзья и враги, красивое и некрасивое. На этих сферах, причем нередко в их крайних и даже гротескных проявлениях, ребенок сосредотачивает свои когнитивные акценты. Таким образом, он осваивает мир, включая его положительные, а также нелицеприятные и сложные стороны. И война в данном случае не является исключением.

В итоге на войне, а также на смерти как одном из ее спутников, фокусируется повышенное внимание детей, постепенно принимающих мир таким, каков он есть. Данную «постепенность» можно отследить на изменении восприятия смерти ребенком, которое разнится в зависимости от его возраста. От рождения до трех лет ребенок, конечно же, не имеет никакого представления о смерти, но это не мешает ему остро переносить расставание с родителями (особенно это касается матери), болезненно реагировать на изменение привычного ритма жизни. Дети дошкольного возраста воспринимают смерть как нечто «ненастоящее», как игру, как сказку, в которой можно «обратно» стать живым. В этом возрасте для ребенка смерти нет. Он, конечно, знает, слышал, может быть, даже видел саму смерть, но понимает он ее по-своему, по-детски. Отсюда — множество детских игр, в которых так или иначе присутствует смерть. Соответственно, играя, дети постепенно свыкаются с этой неизбежной стороной реальности и во многом «смирняются» с этой данностью. Здесь уместно сделать акцент на характерном свойстве детской психики, который описали И. М. Никольская и Р. М. Грановская в своей книге «Психологическая защита у детей»: «Особое качество детей, поддерживающее их в трудные минуты, — вера в то, что будущее окажется благополучным. Даже переживая смерть родителей, дети используют защитный механизм в форме отвергания смер-

ти, — несмотря на то, что уже имеют о ней некоторое представление» [8, с. 186]. В школьном возрасте у детей начинает формироваться более реалистичное понимание смерти. Ребенок начинает осознавать, что смерть — это навсегда. Позже появляется страх осознания собственной смертности, при этом ребенка могут начать интересовать вопросы о физической стороне этого процесса, появляется интерес к тому, что ждет человека после смерти. Таким образом, своеобразное и специфичное понимание данного феномена в разных возрастных группах помогает детям справиться с тем, что человек отвергает и чему противостоит, но что является частью его жизни.

Другим примером принятия ребенком нелицеприятных сторон бытия являются игрушки, отражающие данные стороны жизни — военную тематику, агрессивных и страшных персонажей и т. д. В данном случае показательно исследование М. Н. Соповой на тему «Формирование культурной и индивидуальной идентичности в процессе детской игровой коммуникации», выполненное под руководством И. Е. Фадеевой, в котором автор, синтезируя многие концепции, рассматривает положительные свойства указанного рода игрушек для ребенка (монстров, киборгов, вампиров, чудищ и т. п.), отмечая, что «агрессивные» игрушки необходимы детям, поскольку в процессе взаимодействия с ними ребенок получает возможность реализовывать свои потаенные желания, преодолевать страхи, справляться с агрессией и злостью, высмеивать злое и опасное [10, с. 110—111].

Освоение темы войны ребенком, как правило, носит дистанцированный характер, и то и другое для него просто слова — он только слышал об этом, видел образы, но никогда, может быть, с этим не соприкасался воочию. Но возможно и непосредственное знакомство ребенка с войной и смертью — тогда их освоение носит несколько иной, более тяжелый, травмирующий характер. Однако и в том и в другом случае война и смерть становятся частью детской картины мира.

Дети, которым не знакомы кошмары войны, склонны воспринимать ее в первую очередь через воображение и игру. И до тех пор, пока война существует в мире взрослых, дети будут в нее играть. Как таковая, игра для ребенка является способом освоения окружающего мира, возможностью примерить на себя ту или иную роль, отыграть весь спектр эмоциональных реакций, выявляя и определяя

для себя, что такое «хорошо», а что «плохо». Д. Б. Эльконин в своей работе «Психология игры» писал: «...установлено, что игровая техника — перенос значенийс одного предмета на другой, сокращенность и обобщенность игровых действий — является важнейшим условием проникновения ребенка в сферу социальных отношений, их своеобразного моделирования в игровой деятельности» [14, с. 10]. Таким образом, через игровые коллективные практики со сверстниками ребенок пытается определить свое место в окружающем его социокультурном пространстве, интерпретируя и осваивая мир взрослых.

Исследованием игровой деятельности в разное время занимались многие представители гуманитарного знания, такие как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Й. Хёйзинга, Г. Д. Луков, Ф. И. Фрадкина, И. М. Никольская, Р. М. Грановская и др.

Нидерландский ученый Й. Хёйзинга в своей культурологической концепции отвел ключевую роль феномену игры. В предисловии к своей книге «Человек играющий», вышедшей в свет в 1938 году, Хёйзинга писал о том, что культура всего человечества возникает и развивается в игре, передаваясь, таким образом, из поколения в поколение [12, с. 19—21], постепенно уменьшая видимый игровой компонент, но никогда его не утрачивая. Основная мысль ученого состояла в том, что игра как «особый фактор» находит себя во всех сферах культуры, выступая основополагающим критерием в изучении духовной деятельности человека. Особую интерпретацию в творчестве ученого получила и тема войны, подробно рассмотренная им в контексте основных параметров игровой деятельности в пятой главе «Человека играющего», названной «Игра и ратное дело».

Анализ концепций игры, созданных различными авторами, позволяет высветить некоторые причины интересов ребенка к войне и проникновения образов и паттернов войны в сферу детской культуры. Особую трактовку данных вопросов дает психоанализ, тесно сопряженный с культурологией в вопросах изучения характера, ментальности, образов мира, особенностей эмоционального склада у представителей различных культур. Специалисты данной области знания выдвигали различные версии, объясняющие природу войн и человеческую агрессию, находя истоки «инстинкта драчливости» в изучении детского сознания. Такими исследованиями занимались З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, Э. Сторр и др.

Так, в начале 1920-х З. Фрейд, изучая истоки человеческой агрессивности, выдвинул теорию, согласно которой человеческая личность являет собой результат двух противоборствующих инстинктов — инстинкта жизни и инстинкта смерти. Иными словами, по Фрейду, человеческая сущность разрывается между желанием любить и желанием убивать. Инстинкт смерти, трансформируясь в агрессию, может быть направлен как во внутрь, то есть на самого себя, так и вовне, на окружающий мир, в результате чего человечество постоянно находится в состоянии войны. По другой теории З. Фрейда, агрессивность ребенка возникает из-за невозможности реализации возникающих у него желаний, в результате чего ребенок впадает в состояние фрустрации. Гнев, который сопровождает данное состояние, сначала сдерживается внутри, а затем, когда внутренние сдерживающие резервы истощаются, агрессия изливается наружу.

А. Адлер, являвшийся учеником Фрейда, считал, что «инстинкт агрессии» представляет собой основной стимул в человеческом поведении. Развивая свою теорию, Адлер пришел к мнению, что ребенок, проходя этапы социализации, находясь при этом под давлением общественных установок и доминирующим воздействием родителей, неизбежно обречен на формирование и развитие в себе комплекса неполноценности. Пытаясь преодолеть этот комплекс, ребенок начинает демонстрировать стремление к власти, зачастую проявляя при этом воинственность и агрессию.

Родоначальник аналитической психологии К. Юнг, который так же, как и Адлер, был учеником Фрейда, тоже занимался исследованиями сферы человеческой агрессии, используя для этого в том числе и педагогический подход. Его педагогические воззрения находят свое выражение в интерпретации первопричин человеческой деструктивности. Юнг считал, что агрессивное поведение детей определено бессознательными мотивами, и что главной задачей педагогики и психологии является как раз выявление сущности данных мотивов, с тем чтобы направить их на развитие индивидуальности ребенка [15, с. 33].

Глубинные истоки проявления интереса к войне можно раскрыть в контексте теории Л. С. Выготского, отмечавшего игру как явление своеобразной компенсации нереализованных потребностей ребенка. Так, например, если девочка хочет «побыть» мамой, а маль-

чик — солдатом или генералом, горит желанием совершить подвиг, то им на помощь приходит игра. «Отсюда и возникает игра, которая с точки зрения вопроса о том, почему ребенок играет, всегда должна быть понята как воображаемая иллюзорная реализация нереализуемых желаний» [2, с. 203]. Соответственно, сущность игры, по мнению Л. С. Выготского в том, «что она есть исполнение желаний, но не единичных желаний, а обобщенных аффектов» [2, с. 203].

Весомая часть процесса освоения темы войны, в том числе и в игровой деятельности, происходит в воображении ребенка. Отсюда огромная составляющая войны в виртуальной сфере современной детской культуры.

Сила воображения состоит в том, что оно способно преобразовывать символы и представления, хранящиеся в нашем сознании, в новые, ранее не пережитые и не освоенные образы. Воображение позволяет детям адаптировать под себя мир взрослых в процессе игры, упрощая тем самым его сложные и нелицеприятные элементы. Тесно сопрягаясь с различными гранями бытия, воображение «погружает» в них ребенка и создает сугубо детскую, преимущественно воображаемую реальность, которая для играющего ребенка выступает как реальность, адекватная «действительной». Таким образом, хорошо развитое воображение дает ребенку возможность выйти за пределы собственного «Я», своего фактического детского жизненного опыта, предоставляя, таким образом, условия для его вхождения в мир взрослых.

Исходя из того, что картина мира современного ребенка состоит из образов, сформированных посредством внешнего воздействия на его сознание (как целенаправленного, так и хаотичного), можно заключить, что в условиях современной культуры, когда возросла роль виртуальной сферы, на понимание темы войны ребенком можно оказывать существенное влияние посредством моделирования и коррекции ее визуальных образов. При этом необходимо учитывать, что культура ребенка, являясь своеобразной подсистемой, сформированной внутри культуры взрослых, повторяет ключевые элементы ее культурного кода, создаваясь и развиваясь в «ответ» на ту окружающую среду, которую генерируют и организуют взрослые. Соответственно, отталкиваясь от обозначенных свойств культуры, взрослые могут сознательно видоизменять и вносить необходимые

коррективы в визуальный контент культуры детства, оказывая влияние на ее основные сферы, начиная с мировоззренческой и аксиологической, и заканчивая поведенческой.

В анализе данной проблематики вполне уместно опереться на отечественный опыт коррекции темы войны в детской культуре второй половины XX—начала XXI века, разбив данный отрезок времени на три качественно своеобразных этапа: советский (послевоенный), постсоветский (переходный) и современный.

В *советской культуре послевоенного времени* пропаганда военной тематики велась с акцентом на героический опыт Красной армии, одержавшей победу над фашистской Германией и ставшей освободительницей всей Европы от нацистских захватчиков. Отечественная война рассматривалась как священная, освободительная. Русский солдат выступал в качестве справедливого защитника не только для своей родины, но и для всех тех стран, которые нуждались в защите от «мирового зла». Ключевыми элементами в формировании темы войны в рассматриваемый период стали идеи справедливых войн, основанные на ценностях патриотизма и защиты своей Родины, во многом укорененные в русской культуре и в предшествующие периоды истории. Это стало бесспорным элементом советских культурных традиций, которые прививались детям с самого раннего возраста. Данный подход распространялся и на другие войны, в которых участвовали СССР и Российское государство. Причем помимо справедливых войн в теме войны фигурировали и другие ее виды — несправедливая, захватническая, империалистическая и пр.

В процессе формирования и коррекции темы войны на данном этапе истории огромную положительную роль играла визуальная сфера, в частности кино. В данном случае показательны такие фильмы, как «Женя, Женечка и Катюша», «В бой идут одни старики», «Судьба человека», «Разведчики», «Они сражались за Родину», «Двадцать дней без войны», «А зори здесь тихие» и др., во многом рассчитанные на восприятие школьников. Здесь же можно назвать и мультипликационные фильмы о войне: «Солдатская сказка», «Скрипка пионера», «Солдатская лампа», «Воспоминание», «Легенда о старом маяке», «Великая Отечественная», «Василек» и др.

Кроме того, несомненный акцент в привитии детям особого понимания темы войны делался на литературу (с высокой степенью

ее иллюстративных и экранных интерпретаций), выступавшую в тот период в качестве важнейшей составляющей формирования и реализации познавательных интересов ребенка. Такие произведения, как «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого; «Молодая гвардия» А. Фадеева; «Бул-буль», «Злая фамилия», «Жало», «Мишка», «Рассказы о Великой войне и Великой победе», «Особое задание» С. П. Алексеева; «У классной доски» Л. Кассиля; «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове», «Поход» А. П. Гайдара; «Маленький солдат» А. Платонова; «Шел по улице солдат» С. Баруздина; «В старом танке» В. Железникова; «Письмо с фронта» А. Митяева; «Бакенщик» К. Паустовского; «Сын полка» В. Катаева; «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева; «Катюша» В. Быкова; «Василий Теркин: Книга про бойца» А. Т. Твардовского и многие другие, давали возможность познакомить ребенка с темой войны, естественно встраиваясь в структуру его картины мира.

В *постсоветское (переходное) время* (1991 — нач. 2000-х) в результате развала СССР и последовавшего за этим сильнейшего кризиса культуры произошла частичная деиерархизация идей, консолидирующих общество. В данный период времени тема войны, оставаясь при этом одной из стержневых и не утрачивая свой сакральный статус, была несколько видоизменена кризисными процессами.

В рассматриваемый период, на фоне распространения вестернизированного варианта массовой культуры в нашей стране тема войны почти полностью переместилась в визуальную сферу, практически утратив свои литературные формы. Одним из средств экранного моделирования данной темы стали боевики, пропагандирующие, как правило, безыдейные войны с элементами шоу. Здесь же уместно вспомнить, что особое влияние на тему войны (в ее безыдейных и десакрализованных формах) в нашей стране оказало обострение криминогенной обстановки и разрастание бандитизма, получившее выражение и подогреваемое преимущественно в экранных средствах массовой коммуникации. На телевидении начинают выходить фильмы и сериалы о «милиционерах и бандитах» (многие из которых романтизировали преступный мир): «Бандитский Петербург», «Менты», «Каменская», «Бригада» и др. Также распространяются телепередачи, посвященные расследованию преступлений: «Следствие вели...» с Леонидом Каневским, «Документальный

детектив», «Криминальная Россия» и др., которые одним из своих следствий имели пассивную пропаганду преступного мира и снижение порога аномальности в его восприятии. Так экранная культура постсоветского периода, словно в зеркале, «отражала» те кризисные состояния и настроения, в которых пребывало общество, параллельно программируя детскую культуру на принятие визуальных образов боевиков и криминальных сериалов как обыденных и потому естественных.

Остается констатировать, что в рассматриваемый период для сознательного конфигурирования визуальных образов темы войны в культуре детства со стороны государства и общества делалось не так много. И тем не менее, как уже было отмечено, тема войны в ее советской интерпретации не была утрачена полностью даже после распада СССР, в первую очередь в силу своего решающего сакрального статуса для России и постсоветского общества в целом.

Современный этап. В настоящее время можно уверенно констатировать, что тема войны вновь обрела четкие контуры, выраженные в ее сакрализации и патриотической направленности, основанных на советских и досоветских традициях ведения справедливых войн в противостоянии «злу». На этом фоне возрождаются также и мессианские представления о России как гаранте братских народов и человечества в целом, от источников «мирового зла».

Причем сакрализация и повышение статуса темы войны выражается как в праздничной, так и в повседневной культуре, включая и культуру детства. Как и в предшествующие периоды, День Победы сохраняет статус главного праздника для россиян, а «Бессмертный полк» стал беспрецедентной консолидирующей общество акцией в истории постсоветской России, наглядно демонстрируя, какое важное место в памяти и жизни людей занимает тема Отечественной войны. С каждым годом количество участников акции увеличивается, и дети выступают здесь как активные участники, перенимающие традиции российской культуры. Кроме того, особый статус имеет праздник 23 февраля, а также праздники родов войск и соединений, включая День Черноморского, Северного и Балтийского флота, День воздушно-десантных войск, День пограничных войск, День Российской гвардии, День сухопутных войск и др. На этом фоне особым визуальным выражением военной темы стала Георгиевская лен-

точка — один из сакральных символов войны в современной России, наряду с другими символами данной темы возникшими на предыдущих этапах истории послевоенного СССР.

Относительно визуальных форм бытования темы войны в ее направленности на отечественную сакральную компоненту в рассматриваемый период можно указать, что в последние 10—15 лет на телевидении стало появляться все больше фильмов, посвященных Великой Отечественной войне: «Брестская крепость», «Предстояние», «Битва за Севастополь», «В июне 1941-го», «Диверсант», «Штрафбат», «Снайпер», «Живи и помни», «Связь перемен», «Днепровский рубеж» и др. Кроме того, ориентированная на русскую культуру военная тематика превалирует на просторах интернета и в компьютерных играх. Игровые военные вариации огромны — от «Войны 1812» до «Великой Отечественной», и они уверенно «отвоевывают» игровое пространство в виртуальной реальности у других видов игр, вовлекая в себя не только детскую, но и взрослую аудиторию. Также важнейшую нишу в процессе конфигурирования темы войны занимают средства массовой информации, выступающие главным транслятором новостей, в том числе репортажей с мест военных действий и телепередач с военной тематикой. Еще одним проявлением темы войны в современной культуре России является распространение ее визуальных образов в виде патриотических баннеров, постов в социальных сетях, наклеек на автомобили, что обрело поистине всеобщий размах и позитивный характер.

Тем не менее в настоящее время в медиасфере, а также на просторах интернета хождение имеют и образы «пустых», «безыдейных» войн, ориентированные на типичных представителей массовой культуры. Речь идет о фильмах и играх в стиле «Звездных войн», «Разрушителей», «Неудержимых» и пр. Причем данный контент, как уже отмечалось выше, не всегда сугубо отрицателен и вреден для потребителя, хотя во многом и является безыдейным.

Таким образом, посредством интернета, телеиндустрии и других преимущественно визуальных средств у современных детей формируется свое понимание и отношение к теме войны, соотносимо той действительности, которая существует на сегодняшний день. *Причем процесс этот, в отличие от предыдущего периода, идет не стихийно, а при высокой роли вмешательства государства и обще-*

ства. На этом фоне с уверенностью можно констатировать своеобразный поворот к стабилизации культуры в России и частичному возрождению прежних «советских» ценностных ориентаций, включая интерпретацию темы войны.

Однако выше шла речь о ситуации, когда ребенок знает о войне понаслышке и воочию с ней не знаком. Когда же речь идет о детях, переживших войну, то здесь многое меняется: образы войны, будучи травмирующими, становятся центральными в их сознании и остаются такими на протяжении всей жизни. Воспоминания и пережитые эмоции создают психологический стержень, вокруг которого, как вокруг «веретена», наматывается «нить» жизненных событий. В данном случае война — это уже не сказка и не игра — это реальность, определяющая представления о мире и его законах. Такие явления, как разруха, голод, бомбежки, эвакуация, в полной мере знакомы только тем, кто прошел через это, кто это пережил. Соответственной пережитому будет и картина мира человека, в данном случае ребенка. В свою очередь, война для ребенка, не видевшего ужасов войны, — это просто «тема», «фон», через который ребенок безопасно погружается в воображаемую войну.

Однако и здесь есть свои нюансы, выраженные в том, что различные компоненты войны, пережитые детьми на самом деле, воспринимаются ими особым образом. Например, в совместной книге «Война и дети» Д. Берлингом и А. Фрейд описывают различия в состоянии детей, переживших либо войну, либо эвакуацию. Так, авторы отмечают, что эвакуация, разрушая привычные эмоциональные связи ребенка, может выступить более тяжелым фактором, нежели война. В свою очередь, непосредственно война «для детей имеет сравнительно малое значение, пока она только угрожает их жизням, доставляет неудобства и заставляет жить впроголодь. Она становится ощутимой в тот момент, когда рушится привычный уклад семейной жизни, уничтожая в жизни ребенка первые эмоциональные связи с членами семьи. Поэтому многие дети хуже переносят эвакуацию, чем бомбежки» [1, с. 184—208]. В такой оценке война для ребенка, переживаемая на самом деле, не так страшна, как потеря самой основы жизни ребенка — его семьи. Поскольку именно в эвакуации изначально сформированная картина жизни ребенка, основанная на семейных ценностях, наполненная смыслами, созданными на фоне

мирного существования, рушится, что приводит к фрустрации детского миропонимания и к изменению привычной «картины мира».

В заключение можно добавить, что война как феномен культуры слишком устойчива и, к сожалению, в обозримой перспективе неискоренима. Она будет видоизменяться, называться разными «именами», обосновываться идеями борьбы за справедливость, за мир и равенство, будет связываться с идеями защиты, но все же пока тенденции к ее исчезновению слишком слабы и в некоторой степени утопичны. Соответственно, во всех культурах война будет получать особую «окраску», обусловленную этническим, религиозным и политическим факторами, приобретая, таким образом, характерные оттенки и конфигурации, неминуемо отражаясь в картине мира детской культуры.

И тем не менее при некотором фатализме выводов данной статьи в отношении понимания войн как устойчивого феномена историко-культурного процесса, аксиологические основы их восприятия с учетом реалий современности должны строиться на том, что войны необходимо отрицать «как противные самой сути жизни и природе человека» [3].

* * *

1. Берлингер Д., Фрейд А. Война и дети / пер. Е. Уманской // Развитие личности. 2004. № 3. С. 184—208.

2. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. М.: Смысл; Эксмо, 2004. 512 с.

3. Выступление Президента России В. В. Путина на военном параде в ознаменовании 72-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/54467> (дата обращения: 04.06.2017).

4. Гумилев Л. Н. От Руси к России. М.: АСТ, 2002. 392 с.

5. Кириллов Э. П. Культурологические измерения картины мира // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 48—58.

6. Леонов И. В. «Миры» макроистории: идеи, паттерны, гештальты. СПб.: Астерион, 2013. 210 с.

7. Леонов И. В. Феномен «Θέματα» в построении макроисторической компоненты картины мира // European Social Science Journal. 2014 (май). № 5 (44). Т. 2. С. 14—22.

8. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2000. 507 с.

9. Першиц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 176 с.

10. Сопова М. Н. Формирование культурной и индивидуальной идентичности в процессе детской игровой коммуникации: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. СПб., 2017. 180 с.

11. Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996. 176 с.

12. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек Играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитонович. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 416 с.

13. Холтон Дж. Тематический анализ науки / пер. с англ. А. Л. Великович, В. С. Кирсанова, А. Е. Левина; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского. М.: Прогресс, 1981. 384 с.

14. Эльконин Д. Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978. 304 с.

15. Юнг К. Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание: сб. М.: Олимп; АСТ, 1997. 400 с.

16. Opler M. E. Themes as Dynamic Forces in Culture // American Journal of Sociology. 1945. Vol. 51. № 3. P. 198—206.

УДК 008-349

К. И. Коробко, Е. В. Юдин

Правовое регулирование в сфере народной медицины в Российской Федерации

В статье проводится анализ основных нормативных правовых актов в сфере народной медицины в Российской Федерации. Выявляются меры, принимаемые государством для законодательного урегулирования правовых пробелов в сфере рассматриваемых правоотношений.

Ключевые слова: *охрана здоровья граждан, народная медицина, сертификация.*

K. I. Korobko, E. V. Yudin. Legal regulation in the field of traditional medicine in the Russian Federation

The article analyzes the main normative legal acts in the field of traditional medicine in the Russian Federation. The measures taken by the state for the legislative settlement of legal gaps in the sphere of the legal relations in question are revealed.

Keywords: *protection of citizens' health, traditional medicine, certification.*

Народная медицина является одним из древнейших элементов культуры народа, важным аспектом традиционной повседневности. Она никак не регламентировалась на протяжении веков, находя свое обоснование в народной картине мира — этом своеобразном «народном праве».

Сегодня народная медицина является одним из весьма противоречивых феноменов современной системы здравоохранения. По настоящее время не утихают ожесточенные споры относительно эффективности и целесообразности применения тех или иных методов народной медицины. Согласно данным, опубликованным Всероссийским центром изучения общественного мнения, доля лиц, которые при заболевании обращаются за помощью к народным целителям и нетрадиционной медицине, в 2015 г. увеличилась на 1 %

и составила 2 % [3]. Также среди последних опросов особенно стоит выделить опрос «Левада-центра», проведенный в конце февраля 2017 г., согласно которому более половины россиян (52 %) доверяют народной медицине [1]. Суммарно мировая экономика расходует на народную медицину около 40 миллиардов фунтов стерлингов в год, что делает ее самой быстрорастущей областью медицинских расходов [9, с. 12].

Как видно из вышеприведенных данных, народная медицина занимает одну из главных ролей в жизни общества. В данном контексте чрезвычайно актуализируется вопрос правой регламентации народной медицины. Предметом настоящей статьи будет исследование нормативной правовой базы в сфере народной медицины федерального уровня.

Народная медицина очень слабо включена в отечественное нормативное правовое поле. Современное законодательство отличается фрагментарностью и непоследовательностью регулирования, что приводит к дестабилизации и дисфункциональности общественных отношений, складывающихся по поводу применения методов народной медицины в практической деятельности. Проведем анализ нормативной правовой базы Российской Федерации в сфере народной медицины.

В статье 41 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) закрепляется право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также провозглашается, что в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека [2].

Одним из способов лечения и поддержания здоровья является использование методов народной медицины.

Базовым нормативным правовым в сфере охраны здоровья граждан является федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон об охране здоровья граждан) [10]. Согласно п. 1 ст. 50 данного нормативного правового акта, народной медициной являются методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе кото-

рых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья. На сегодняшний день существует значительное количество методов народной медицины: акупунктура, гомеопатия, хиропрактика, фитотерапия, антропософская медицина, ароматерапия, аюрведа, гидроколонтотерапия, гипнотерапия, гирудотерапия, детоксикация, кислородная терапия, клеточная терапия, краниальная остеопатия, кристаллотерапия и т. д. В п. 1 ст. 50 Закона об охране здоровья граждан закреплена норма, согласно которой к народной медицине не относится оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов.

В п. 2 ст. 50 Закона об охране здоровья закрепляется, что право на занятие народной медициной имеет гражданин, получивший разрешение, выданное органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья. Следовательно, порядок получения разрешения на занятие народной медициной утверждается органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, исполняющим функции по формированию и реализации государственной политики, нормативному правовому регулированию и управлению в сфере охраны здоровья граждан на территории конкретного субъекта Российской Федерации. Вместе с тем законодательство субъектов Российской Федерации в сфере народной медицины не является предметом настоящей статьи.

Отдельным блоком нормативных правовых актов в сфере регулирования народной медицины являются ведомственные нормативные правовые акты.

Так, например, Приказом Минздравмедпрома РФ от 13 июня 1996 г. № 245 поручается руководителям органов здравоохранения субъектов Российской Федерации и иным субъектам не допускать пропаганды и использования в целях оздоровления, профилактики, лечения и реабилитации неразрешенных методов и методик психологического и психотерапевтического воздействия, а также методов и средств оккультно-мистического и религиозного происхождения [8]. Согласно п. 4 данного приказа, к работе по указанным методам и методикам допускаются специалисты, имеющие соответствующую подготовку по психиатрии, наркологии, психотерапии, медицинской психологии и получившие в установленном порядке сертификат специалиста по указанным специальностям.

Система добровольной сертификации услуг в области народной медицины «Реестр целителей» введена в действие с 20 января 2006 г. приказом Росздравнадзора от 25 января 2006 г. № 154-Пр/06 [4]. Данный приказ утвердил Порядок проведения сертификации услуг в области народной медицины. Добровольную сертификацию услуг в области народной медицины осуществляет центральный орган Системы по сертификации, а также уполномоченные им органы по сертификации. Объектами сертификации являются оказываемые на территории Российской Федерации услуги целителей, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей или оказывающих такие услуги на основании трудового договора. При проведении сертификации осуществляется оценка на соответствие характеристикам деятельности, установленным в международных стандартах, федеральных нормативных документах, на соответствие стандартам научно-методического центра Системы, требованиям Системы. Положительным результатом проверки является официальное подтверждение действия ранее выданного сертификата соответствия. При отрицательных результатах инспекционного контроля орган по сертификации принимает решение о приостановлении или отмене действия сертификата соответствия и направляет его держателю сертификата. По окончании срока действия сертификата соответствия проводится повторная сертификация.

Следующим важным нормативным правовым актом, в котором затрагивается народная медицина, является приказ Росстандарта от 12 декабря 2014 г. № 2020-ст, которым принят и введен в действие с 7 января 2015 г. новый Общероссийский классификатор занятий (далее — ОК 010-2014 (МСКЗ-08)). В ОК 010-2014 (МСКЗ-08) включены профессии представителей народной медицины, что является чрезвычайно важным шагом на пути интеграции народной медицины в современный нормативный правовой ландшафт. Среди специалистов высшего уровня квалификации перечислены высококвалифицированные целители и практики альтернативной и народной медицины, среди специалистов среднего уровня квалификации — лекари народной медицины и целители. ОК 010-2014 (МСКЗ-08) подробнейшим образом описывает их компетенцию. Так, высококвалифицированные целители и практики альтернативной и народной медицины осматривают пациентов; занимаются профилактикой и лечением за-

болеванний, болезней, травм и других физических и умственных нарушений; поддерживают общее состояние здоровья у людей посредством применения знаний, навыков и опыта, полученных в результате глубокого изучения теорий, убеждений и опыта, накопленных в определенных культурах.

Выполняемые обязанности работников данной малой группы обычно включают: проведение медицинских осмотров пациентов и собеседований с ними и членами их семей для выяснения состояния их здоровья; составление и претворение в жизнь планов лечения физических, душевных и психологических недугов с использованием таких методов, как иглоукальвание, аюрведическая, гомеопатическая медицина и фитотерапия; оценка и документальное подтверждение течения болезни пациентов посредством планов лечения; консультирование отдельных лиц, семей и групп лиц по вопросам здоровья, питания и образа жизни; назначение и приготовление средств народной медицины, таких как травяные, растительные, минеральные и животные экстракты с целью усиления способностей организма к самовосстановлению; обмен информацией о пациентах с другими медицинскими работниками по мере необходимости для обеспечения непрерывного и всеобъемлющего медицинского ухода; проведение исследований в области альтернативной и народной медицины и лечения, а также распространение результатов, в частности посредством научной документации и отчетов.

Примеры занятий, отнесенных к данной начальной группе: врач аюрведической медицины, гомеопат, иглотерапевт, натуропат, а также некоторые родственные занятия, отнесенные к другим начальным группам: врач мануальной терапии, фитотерапевт, бальнеолог.

В соответствии с ОК 010-2014 (МСКЗ-08), лекари народной медицины и целители оказывают профилактическую помощь, осуществляют уход и лечение физических и психических заболеваний человека, расстройств и травм путем применения траволечения и других народных методов, основанных на теориях, верованиях и опыте конкретных культур и народов. Они организуют применение процедур, основанных на использовании традиционных методов и лекарственных средств, действуя самостоятельно или в рамках планируемой терапевтической помощи со стороны традиционной медицины или других медицинских работников.

Выполняемые обязанности работников данной малой группы обычно включают: обследование пациентов, собеседование с ними и членами их семей для определения состояния здоровья и характера физического или психического расстройства, болезни или других заболеваний; рекомендации по уходу и лечению заболеваний или других болезней с использованием традиционных народных средств и методов: физических манипуляций и упражнений, кровопускания с использованием натуральных сосудов и препаратов, полученных на основе трав, растений, насекомых и животных экстрактов; назначение лечения с помощью таких средств и методов, как акупунктура, аюрведа, гомеопатических препаратов и лекарственных трав в соответствии с терапевтическими схемами и процедурами, обычно применяемыми традиционной медициной или другими медицинскими работниками; осуществление ухода и лечения физических травм, связанных с вправлением и исцелением переломов и вывихов костей, на основе традиционных методов физического воздействия и травяной терапии; консультирование отдельных лиц, семей и общин в области здравоохранения, питания, гигиены, образа жизни и других вопросов для поддержания или улучшения здоровья и благополучия; направление пациентов к другим специалистам, оказывающим медико-санитарную помощь, и обмен с ними информацией для обеспечения полноценного лечения и непрерывного ухода.

Примеры занятий, отнесенных к данной начальной группе: костоправ; лекарь, фитотерапия; целитель, народные методы; а также некоторые родственные занятия, отнесенные к другим начальным группам: гомеопат, специалист по акупунктуре, остеопат.

Также в данном документе отдельно оговариваются ряд методик народной медицины, которые не попадают в проанализированные выше группы. Целители на основе веры, которые лечат заболевания человека через духовные практики, без использования травяной терапии или других медикаментов и физического воздействия, включены в начальную группу 3413 «Служители церкви, не имеющие духовного сана». Занятия, которые предусматривают лечение с использованием традиционных форм массажа и приложения давления, таких как точечный массаж и методика шиацу, включены в начальную группу 3255 «Фельдшеры-физиотерапевты и другие физиотерапев-

ты среднего уровня квалификации». Традиционные акушерки и повитухи, которые оказывают помощь женщинам в связи с беременностью и родами, осуществляют уход и дают рекомендации, основанные прежде всего на практическом опыте и знаниях, полученных не в процессе обучения, а через традиции и практику народной медицины, должны учитываться в начальной группе 3222 «Средний медицинский персонал по акушерству».

Как видно из проведенного анализа, ОК 010-2014 (МСКЗ-08) дал содержательную характеристику субъектов, занимающихся народной медициной.

Медицина, в том числе и народная, всегда была предметом особого контроля не только со стороны государства в лице уполномоченных органов, но и со стороны церкви. Подобная ситуация сохраняется и по сегодняшний день. 18 июня 2015 г. в Москве было заключено соглашение о сотрудничестве между Министерством здравоохранения Российской Федерации (далее — Минздрав РФ) и Русской православной церковью (Московский патриархат), в соответствии со ст. 15 которого Минздрав РФ совместно с Русской православной церковью производят работу по противодействию незаконному занятию народной медициной (целительством), в том числе деятельности псевдорелигиозных структур и лженаучных практик [10].

Вместе с тем на важность исследования и дальнейшей регламентации народной медицины в Российской Федерации, а также на наличие существенного количества пробелов в рассматриваемых правоотношениях в Российской Федерации указывает создание рабочих групп и комиссий по вопросу народной медицины.

Так, Приказом Минздрава России от 13 февраля 2015 г. № 54 была утверждена межведомственная рабочая группа по вопросам применения методов народной медицины в области медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения [4]. В состав рабочей группы вошли представители структурных подразделений Минздрава РФ, иных заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, федеральных государственных бюджетных учреждений, иных органов и организаций. Рабочая группа вправе приглашать к участию в заседаниях представителей федеральных органов исполнительной власти, представителей зарубежных стран и международных организаций. К функциям рабочей группы относятся: анализ

методов народной медицины; подготовка предложений о возможности применения методов народной медицины в области медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения.

Приказом Минздрава РФ от 12 апреля 2016 г. № 223 был создан при Минздраве РФ координационный совет по совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере народной медицины, основными функциями которого являются: анализ методов народной медицины; анализ деятельности лиц, занимающихся народной медициной; подготовка предложений по разработке проектов нормативных правовых актов в сфере народной медицины [5]. Состав Координационного совета формируется из представителей Федерального собрания Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, медицинских и образовательных организаций, общественных организаций, иных органов и организаций. Целью работы Координационного совета является обсуждение законодательных проблем в сфере регулирования народной медицины и предложение путей их устранения.

Таким образом, на сегодняшний день сформировано некоторое нормативное правовое поле в сфере народной медицины, однако эффективность и последовательность данного регулирования неоднозначна. Вместе с тем, нельзя не отметить имеющую место с 2015 г. положительную тенденцию к совершенствованию существующей нормативной правовой базы в рассматриваемой сфере общественных отношений.

* * *

1. Более половины россиян признались в доверии к народной медицине. URL: <http://www.interfax.ru/russia/552467> (дата обращения: 01.04.2017).

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

3. Пресс-выпуск № 2824 // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115239> (дата обращения: 01.01.2017).

4. О введении в работу Системы добровольной сертификации услуг в области народной медицины «Реестр целителей»: приказ Росздравнадзора

от 25 января 2006 г. № 154-Пр/06 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.01.2017).

5. О Координационном совете по совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере народной медицины при Министерстве здравоохранения Российской Федерации: Приказ Минздрава РФ от 12 апреля 2016 г. № 223 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.01.2017).

6. О межведомственной рабочей группе по вопросам применения методов народной медицины в области медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения: Приказ Минздрава РФ от 13 февраля 2015 г. № 54 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.01.2017).

7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. 23 ноября. № 263.

8. Об упорядочении применения методов психологического и психотерапевтического воздействия: Приказ Минздравмедпрома РФ от 13 июня 1996 г. № 245 // Здравоохранение. 1996. № 8.

9. Сингх С., Эрнст Э. Ни кошелька, ни жизни. Нетрадиционная медицина под следствием. М.: АСТ, 2017. С. 12.

10. Соглашение о сотрудничестве между Министерством здравоохранения Российской Федерации и Русской православной церковью (Московский Патриархат) (Заклучено в г. Москва 18 июня 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.01.2017).

УДК 008

Л. К. Круглова

Антропологическое направление в российской культурологии: итоги и перспективы

Часть 1

Антропологическое направление в культурологии базируется на понимании культуры как способа саморазвития человека. Главным итогом развития этого направления является то, что в настоящее время среди целей государственной политики на первое место поставлено формирование гармонично развитой личности. Перспективы развития антропологического направления в культурологии автор статьи видит в том, чтобы антропологический принцип был использован для наведения мостов между культурологической теорией и практикой. Это означает, что главным критерием аналитической, экспертной и проектной деятельности в сфере культуры должна стать не экономическая, а человекотворческая эффективность, то есть оценка различных культурных феноменов и проектов с точки зрения того, что они дают человеку, на формирование каких человеческих качеств и свойств они нацелены.

Ключевые слова: антропологическое направление, антропологический принцип в культурологии, антропологическая структура культуры.

L. K. Kruglova. Anthropological direction in Russian culturology: results and perspectives.

Anthropological direction in culturology is based on understanding of culture as a way of self-development of a person. The main result of the development of this direction is that at the present time the formation of a harmoniously developed person is placed first among the goals of state policy. Prospects for the development of anthropological direction in cultural studies the author sees in the fact that the anthropological principle was used to build bridges between cultural theory and practice. This means that the main criterion for analytical,

expert and project activities in the sphere of culture should be not economic, but human-creative effectiveness, that is, the evaluation of various cultural phenomena and projects in terms of what they give to a person, what kind of human qualities and properties they are targeted.

Keywords: *anthropological direction, anthropological principle in culture, anthropology, anthropological structure of culture.*

Одним из итогов развития российской культурологии в настоящее время признается эффективное использование трех основных подходов к пониманию культуры: деятельностного, аксиологического и семиотического. При этом особое значение придается не только каждому из них в отдельности, но и их сочетанию между собой. Так, известный российский культуролог И. В. Кондаков считает, что «сочетание деятельностного, ценностно-смыслового и структурно-семиотического подходов к культуре (именно этих трех!) в качестве взаимодополнительных и в чем-то пересекающихся друг с другом позволили отечественным культурологам построить многомерную модель культуры, позволяющую фактически представить любой объект, относящийся к природе, обществу, человеческому творчеству и даже воображаемой реальности и включенный в тот или иной смысловой контекст, в человеческую деятельность, в процесс коммуникаций — в качестве феномена культуры» [14, с. 13]. Вместе с тем вслед за приведенными выше словами И. В. Кондаков делает весьма примечательное дополнение, в котором он подчеркивает, что «кроме названных трех аналитических подходов, современное культурологическое знание может быть, конечно, дополнено также антропологическим, лингво-культурологическим и другими общественно-гуманитарными аспектами. Но это уже второй шаг (и новый уровень) на пути дисциплинарной институализации и концептуализации культурологии как самостоятельной гуманитарной науки» [14, с. 13].

Соглашаясь с проф. И. В. Кондаковым в том отношении, что к настоящему времени представители деятельностного, аксиологического и семиотического подходов оказались наиболее активными в представлении своих взглядов, надо, как представляется, особое внимание обратить на идею И. В. Кондакова о возможности дополнения трех названных подходов другими «асpekтами». Дело в том, что все «дополнительные подходы» уже разрабатываются. Но один

из них — антропологический — заслуживает особого внимания. Представляется, что именно на его основе, но, разумеется, в сочетании со всеми другими подходами, возможен переход культурологии на новый уровень развития, о чем идет речь в приведенном выше высказывании И. В. Кондакова.

К этому мнению в явной или неявной форме склоняются многие представители отечественной культурологии. Так, проф. Л. М. Мосолова, солидаризируясь с И. В. Кондаковым по вопросу о значении деятельностного, аксиологического и семиотического подходов, вместе с тем подчеркивает, что «человек — центральный топос в пространстве современной реальности и современной эпистемы» [40].

При этом совершенно очевидно, что три подхода, считающиеся лидирующими, не обеспечивают проблеме человека центрального места в культурологической эпистеме. Это возможно только на основе антропологического поворота в культурологии, что предполагает построение всего здания культурологической теории на основе антропологического принципа [35, с. 18].

Подведение итогов и осмысление перспектив развития антропологического направления в российской культурологии и является целью настоящей статьи.

Идея о неразрывной связи человека и культуры высказана В. Оствальдом, который определял культурологию как науку «о человеке и его наивысших проявлениях» [43, с. 68]. При этом Оствальд оговаривался, что ее лучше всего было бы назвать антропологией, если бы это название не было уже приложено к одной из небольших областей всей совокупности наук о человеке. Чтобы все-таки сохранить «человеческое» содержание в культурологии, Оствальд даже предлагал для нее название «антропика», которое, как он считал, соотносится с названием «физика» [43, с. 68].

Таким образом, уже в трудах первооткрывателя культурологии, каковым является В. Оствальд, обозначились две смысловые доминанты — культурология как наука о культуре и культурология как наука о человеке.

Первая из этих доминант — культурология как наука о культуре — получила мощную разработку в научной деятельности американского культурантрополога Лесли Уайта (1900—1975), который спустя несколько десятилетий после Освальда привлек внима-

ние не только к термину «культурология», но и к самой идее культурологии. Уайт видел в культурологии прежде всего строгую науку о наиболее общих законах развития культуры. В идеал строгой науки плохо вписывался человек с его сверхсложным внутренним миром и еще более сложными способами его внешнего выражения. Вероятно, именно поэтому Уайт «пожертвовал» человеком, вычеркнул его из культурологии. На этот счет он высказывался весьма определенно, категорически утверждая, что «культура», а не человек определяет форму и содержание человеческого поведения» [45, с. 149].

Противоположную точку зрения представлял Дэвид Бидни (1908—1987), который видел в человеке «самоопределяющегося активного агента, находящегося под влиянием культурных продуктов и паттернов, но тем не менее представляющего собой первичную движущую силу культурного процесса» [3, с. 68]. В соответствии с этим Д. Бидни трактовал культурологию как метаантропологию, усматривая в ней «особого рода теорию, связанную с проблемами культурной реальности и природы человека» [41].

Однако конкретных способов, с помощью которых можно было бы «вписать» человека в строгую науку о культуре, Д. Бидни не предлагал. В результате культурология уайтовского образца оставалась «обесчеловеченной», и в таком своем виде она представляла недостаточно убедительной с теоретической точки зрения, потому что неразрывная связь человека и культуры была совершенно очевидной. Как констатировал К. Гирц, «без людей не было бы культуры ...без культуры не было бы людей» [4, с. 132].

Но самое главное заключалось в том, что «обесчеловеченная» культурология была малоэффективной с практической точки зрения. В этом отношении ее намного превосходила культурная антропология, в которой симбиоз человека и культуры декларировался и утверждался самим названием.

В результате культурология, как не оправдавшая надежд, потеряла свой авторитет, в настоящее время среди научных дисциплин, признаваемых таковыми на Западе, культурологии нет, зато есть «науки о культуре», в самом названии которых содержится отрицание идеи целостности культуры. Кроме того, имеются такие дисциплины, как «культурные исследования» («cultural studies»). По-прежнему большим авторитетом, как практикоориентированные,

пользуются культурная антропология и социальная антропология. При этом между ними сложилось своеобразное разделение труда: культурная антропология изучает в основном культуру архаических народов, социальная антропология — современную культуру, смыкаясь в этом отношении с «cultural studies». Признание «полезности» этих дисциплин и направлений исследований выражается в том, что в штатах многих правительственных организаций и частных фирм представлены должности антропологов. При этом само собой разумеется, что люди, занимающие эту должность, являются специалистами именно в области культурной антропологии, а не в области антропологии как науки о биологических свойствах человека. Таким образом, в западной научной традиции антропология является объединяющим началом для наук о культуре. Но именно «наук», а не «науки» о культуре. Идея культурологии как «науки» о культуре в том виде, как она была представлена в первую очередь Лесли Уайтом, на Западе фактически отброшена. Причиной, как следует из сказанного выше, явилось то, что не было найдено принципа, на основании которого можно было бы рассматривать культуру как нечто целостное, единое. Культура поражала своим разнообразием. В эмпирических науках, имевших дело с культурой, этот принцип вроде бы обозначился сам собой — это был человек. Но для «строгой» науки о культуре этот принцип казался малопригодным: человек слишком многогранен, чтобы втиснуться в жесткие рамки какой-либо строгости. Поэтому трактовка культурологии как метаантропологии, на которой настаивал Д. Бидни, осталась в области философии и не переместилась в науку.

Однако идея культурологии как науки была активно поддержана и получила мощное развитие в нашей стране. Я думаю, никто из ныне здравствующих и активно работающих культурологов не обидится, если я назову среди пионеров культурологического движения в первую очередь два имени отечественных ученых: Эдуард Саркисович Маркарян [2] и Моисей Самойлович Каган.

Э. С. Маркарян высоко ценил заслуги Л. Уайта как мыслителя, обратившего внимание на необходимость изучения культуры как особого класса объектов, имеющих внебиологическое происхождение. Тем не менее Э. С. Маркарян полагал, что Л. Уайту «не удалось создать адекватных теоретических средств рассматриваемой новой области

знаний» [36, с. 175]. Главную причину этого Э. С. Маркарян усмотрел в том, что «Л. Уайт основной акцент делал на экстериторных термодинамических свойствах культуры, выражающих взаимодействие общества со средой. Вне его поля зрения во многом оставались термодинамические процессы, происходящие в рамках самого социального организма» [36, с. 176]. В результате, как полагал Э. С. Маркарян, культурология уайтовского образца, выполняя познавательную функцию, не смогла в полной мере удовлетворить «управленческие и прикладные потребности». Исходя из этого, Э. С. Маркарян сосредоточил свое внимание на роли культуры в процессах самоорганизации общества, то есть на негэнтропийной функции культуры, заключающейся в том, что культура противостоит процессам потери энергии (энтропии), дезорганизации, хоатизации, имеющим место в обществе как в любой сложной системе.

В соответствии с этим Э. С. Маркарян усматривал смысловое ядро своей интерпретации культуры в том, что она понимается «в качестве специфического способа человеческой жизнедеятельности, объемлющей собой систему надбиологически выработанных средств ее осуществления». «Рассмотренная в этом ключе, — подчеркивал Э. С. Маркарян, культура предстает как особый регулятивный, жизнеобеспечивающий и воспроизводящий механизм общества, иначе говоря, как универсальная технология осуществления активности людей» [36, с. 176].

Таким образом, в отличие от Л. Уайта, в научной концепции которого культурология представляла только в одной своей ипостаси — как наука о культуре — Э. С. Маркарян с самого начала включает в свою концепцию и смыслы, позволяющие рассматривать культурологию как науку не только о культуре, но и о человеке.

Стремясь к углублению гуманитарной составляющей своей концепции культуры и включению в нее «индивидуально-личностных характеристик», Э. С. Маркарян создает теоретическую конструкцию под названием «традициология». Основные моменты ее содержания заключаются в том, что, во-первых, традиция, по Маркаряну, является главным механизмом трансляции культурного опыта от поколения к поколению, во-вторых, любая традиция, как стереотипизированная форма групповой деятельности, есть прошедшая проверку и принятая группой новация, источником которой является личность,

и, наконец, в-третьих, любая новация представляет собой синтез индивидуального и коллективного опыта [37].

Нельзя не отметить, что традициология действительно расширила гуманитарные горизонты культурологии и сблизила две смысловые доминанты: культурология как наука о культуре и культурология как наука о человеке. Однако, вероятно, традициологию все-таки с большим основанием можно отнести к науке о культуре, поскольку основное ее содержание сводится к описанию динамики культуры, имеющей своим источником взаимосвязь и взаимодействие новаций, инноваций как внедренных принятых новаций и традиций.

Обращение к глобальным проблемам современности убедило Э. С. Маркаряна в необходимости дальнейшей разработки гуманитарных аспектов культурологии. Результатом явился проект «Гуманизм XXI столетия». Главная его идея заключалась в том, что «гуманизация культуры в нашу эпоху выступает в качестве аксиологического императива выживания» [38, с. 538]. Казалось бы, постановка проблемы гуманизма, гуманизации культуры требует разработки антропологического аспекта культурологии. Но Э. С. Маркарян пошел другим путем: главным звеном в осуществлении проекта «Гуманизм XXI столетия» он считал создание новой научно-образовательной культуры. Это дает основание сделать вывод, что культурология, как она представлена Э. С. Маркаряном, осталась все-таки в большей мере наукой о культуре, нежели наукой о человеке и культуре.

Между тем в корпусе идей Э. С. Маркаряна есть замечания относительно возможных путей антропологизации культурологии. Так, говоря об имеющих место в литературе частых обращениях к идее К. Маркса о сущностных силах человека, Э. С. Маркарян замечал, что «она обычно если и используется, то интерпретируется очень неопределенно» [39, с. 295]. «Между тем, — подчеркивал Э. С. Маркарян, — важно добиться ее уточнения и операционализации для того, чтобы она могла быть должным образом использована в исследовательской и социально-управленческой практике» [39, с. 295]. Решение этой задачи Э. С. Маркарян, видимо, оставлял за теми, кто обращался к идее сущностных сил человека. Он сам не хотел или не считал необходимым ступать на зыбкую почву антропологии, возможно потому, что не видел способов согласования ее с идеалами строгой науки.

Кроме того, нельзя не отметить, что Э. С. Маркарян употреблял слово «антропология» и производные от него в основном в связи с анализом тенденций развития культурной антропологии на Западе. Для работы в смысловом поле, связанном с проблемой человека, он предпочитал пользоваться словами, терминами, понятиями «человек», «личность», «гуманизм», «гуманизация», «гуманитаристика» и т. д. и т. п.

Проблеме человека уделено большое внимание в творчестве другого столпа отечественной культурологии — Моисея Самойловича Кагана. Об этом красноречиво говорят многие названия его произведений, среди которых в первую очередь следует отметить монографии «Человеческая деятельность» [6] и «Се человек...» [7]. Вместе с тем М. С. Каган внес большой вклад в развитие культурологии как науки о культуре, чему в наибольшей степени способствовало, как представляется, успешное использование им системной методологии [8]. Таким образом, можно констатировать, что обе доминанты, о которых речь шла ранее, — культурология как наука о культуре и культурология как наука о человеке — богато представлены в творчестве М. С. Кагана. Однако осмелюсь заметить, что все-таки они остались двумя доминантами, их сопряжения в единую доминанту — «культурология как наука о человеке и культуре» — не произошло.

Доказательством этого может служить содержание одной из глав учебника «Культурология» [10], написанной М. С. Каганом, — «Антропологические аспекты культуры» [9].

В нее включены четыре параграфа: «Культура и человек», «Культура и общество», «Функционирование культуры», «Историческая динамика бытия культуры». Совершенно очевидно, что из четырех параграфов нацелен на антропологическую проблематику лишь первый — «Культура и человек» [10, с. 227—239]. В нем М. С. Каган формулирует мысль о том, что содержание проблемы «культура и человек ...состоит в выявлении роли человека как творца культуры и роли культуры как творца человека или, точнее, всего человеческого в человеке» [10, с. 228]. Далее М. С. Каган подчеркивает, что проблема взаимоотношений культуры и бытия человека в его родовых качествах находится на стыке философии культуры и философской антропологии. Соглашаясь с этой идеей, нельзя

не отметить, что подступы к любой науке находятся в сфере философии. Культурология в этом отношении не исключение. Более того, как молодая наука и как наука, имеющая дело с весьма эфемерными объектами, она, быть может, больше нуждается в философии — матери всех наук — нежели все остальные. Однако, как представляется, понятия, концепты, идеи, выдвигаемые в сфере философии в качестве исходных, должны быть все-таки достаточно операциональными, чтобы найти применение в той или иной конкретной науке. Проанализируем с этой точки зрения идеи М. С. Кагана относительно того, какие человеческие качества являются решающими для выполнения им роли творца культуры, т. е. обеспечивают культурогенез. На взгляд М. С. Кагана, это «интеллект, духовность, свобода, творческий характер деятельности» [10, с. 231]. Полностью признавая огромное значение этих человеческих качеств в культуротворчестве, нельзя не отметить, что содержание понятий, которыми они обозначаются, крайне расплывчато, неопределенно, и поэтому они, как представляется, недостаточно операциональны и малопригодны для использования их в научных целях, то есть их можно и нужно оставить в сфере философии.

В последнее время иногда возникают дискуссии по поводу соотношения концепций Э. С. Маркаряна и М. С. Кагана. Одно из направлений этих дискуссий — установление приоритета в авторстве или активации тех или иных идей, в частности в разработке системной методологии в применении к изучению культуры. Совершенно очевидно, что для определения позиции в этом вопросе нужна тщательная, а точнее скрупулезная работа. Однако столь же очевидно, что гораздо большее значение может иметь работа в несколько ином направлении, а именно сравнительный анализ содержания концепций Э. С. Маркаряна и М. С. Кагана. Надо отметить, что они во многом были солидарны, однако согласие по одним вопросам не мешало этим выдающимся ученым дискутировать по ряду других проблем. К числу важнейших из них Э. С. Маркарян относил определение культуры, в котором он делал упор на то, что она является внебиологически выработанным *способом* человеческой жизнедеятельности, в то время как М. С. Каган считал необходимым рассматривать культуру как совокупность, а точнее систему *способов и результатов* человеческой деятельности.

На первый взгляд, этот спор имеет чисто логическую природу. Однако на эту проблему можно смотреть иначе. Дело в том, что главным результатом деятельности человека является он сам, а рассматривать его как «элементарную часть» по отношению к «способу деятельности» как целому не представляется возможным. Таким образом, позиция М. С. Кагана, включающего в понятие культуры и способности, и результаты деятельности как однопорядковые, оказывается более открытой к пониманию культурологии как науки о человеке и культуре, нежели позиция Э. С. Маркаряна, поскольку ограничение предметного поля культурологии понятием «способ деятельности» ведет к исключению из него человека, т. е. к пониманию культурологии только как науки о культуре.

Таким образом, вся история развития культурологии — от Оствальда до наших дней — не только убедительно показывает наличие в ее содержании двух смысловых доминант — культурологии как науки о культуре и культурологии как науки о человеке — но и не менее убедительно демонстрирует необходимость их объединения и превращения культурологии в науку о человеке и культуре.

* * *

1. Барановская С. А. Театр в культуре детства: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2011. 27 с.

2. Бондарев А. В. Третье рождение культурологии: вклад Маркаряна в разработку культурологической теории культуры // Маркарян Э. С. Избранное: наука о культуре и императивы эпохи / Центр гуманитарных инициатив. М.; СПб., 2014. С. 583—625.

3. Бидни Д. Концепция культуры и некоторые ошибки в ее изучении // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 57—90.

4. Гирц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 171—202.

5. Дядина Е. А. Проблема человека и культуры в философии Б. П. Выше-славцева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000. 20 с.

6. Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.

7. Каган М. С. Се человек: Рождение, жизнь и смерть в «волшебном зеркале» изобразительного искусства. СПб., 2001. 234 с.

8. Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 383 с.

9. Каган М. С. Антропологические аспекты культуры // Культурология: учебник под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Юрайт-Издат, 2005. 566 с.

10. Культурология: учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Юрайт-Издат, 2005. 566 с.

11. Каган М. С., Круглова Л. К. Культура в свете философии. Тбилиси: Хеловнеба, 1979. 320 с. Рец. // Философские науки. 1980. № 6. С. 154—156.

12. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. С. 143—152

13. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984. 252 с.

14. Кондаков И. В. Современное состояние наук о культуре в России: достижения и перспективы // Мир культуры и культурология: альманах научно-образовательного культурологического общества России. Вып. 4. СПб., 2015. С. 10—17.

15. Круглова Л. К. Антропологическая философия П. Л. Лаврова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1973. 35 с

16. Круглова Л. К. Человек и культура: монография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 397 с.

17. Круглова Л. К. Основы культурологии. СПб., 1995, 1997, 1998, 2000, 395 с.; Круглова Л. К. Теория культуры. Часть I. Введение в теорию культуры. СПб.: СПбГУВК, 2009. 130 с.; Круглова Л. К. Теория культуры. Часть II. Функции и структура культуры. СПб.: СПбГУВК, 2009. 358 с.; Теория культуры. Часть III. Цивилизация. Культура. Гуманизм. СПб.: СПбГУВК, 2009. 135 с.

18. Круглова Л. К. Интегративная роль антропологического принципа в культурологии // Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов: сб. статей. М.: РГГУ, 2001. С. 295—301.

19. Круглова Л. К. Многоликость массовой культуры и дети // Тинэйджеры в современном социуме: инвариантность и лабиринты: сборник научных трудов. СПб.: Астерион, 2014. С. 37—42.

20. Круглова Л. К. Корпоративная культура как вызов современности: методологический аспект // Философия культуры и культурология: вызовы и ответы. СПб., 2007.

21. Круглова Л. К. Человекотворческий потенциал туризма // Человек познающий, Человек созидаящий, Человек верующий: сб. ст. / ред. Ю. Н. Солонин (пред. и др.) // Вестник СПбГУ. 2009. Спец. вып. С. 456—469.

22. Круглова Л. К. Концепт «антропологическая структура культуры»: эвристический и методологический потенциал // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Вып. II. СПб., 2012. С. 194—205.

23. Круглова Л. К. Концепты «идея университета», «миссия университета», «университет в руинах»: культурологический анализ. Часть 1, 2, 3 // Вопросы культурологии. 2016. № 2. С. 62—68; № 3. С. 59—65; № 4. С. 46—52.

24. Круглова Л. К. Антропологический принцип в культурологии как теоретико-методологическая основа культурной политики // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Вып. 1. СПб., 2011. С. 241—256.

25. Круглова Л. К. Универсальный гуманизм как принцип решения проблемы разнообразия и единства культур // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества: сб. научных статей. СПб.: СПбКО 2010. С. 134—138.

26. Круглова Л. К. Социокультурная антропоэкология. СПб.: СПбГУВК, 2000. 74 с.; Круглова Л. К. Человек-природа-общество-культура: социокультурная антропоэкология: монография / Гос. университет морского и речного флота им. адм. С. О. Макарова. СПб., 2013. 118 с.

27. Круглова Л. К. Креативный потенциал культурологии как теоретической основы практического решения глобальных проблем современности // Культурологическая парадигма Вып. 1. Познавательные возможности культурологии. М.: Согласие, 2011. С. 90—103.

28. Круглова Л. К. Проект глобальной культуры: pro et contra // Семиозис и культура: интеллектуальные практики: монография. Гл. 2, Сыктывкар, 2013. С. 56—63.

29. Круглова Л. К. Культурология в технических вузах: статус и престиж, теория и практика // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Вып. III. СПб., 2013. С. 288—292.

30. Круглова Л. К. Актуальные проблемы теории культуры // Философские науки. 1986. № 5.

31. Круглова Л. К. К вопросу об историко-культурной типологии // Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности: материалы всесоюзной научной конференции. Ч. I. М., 1978.

32. Безопасность: философско-культурологический аспект // Безопасность водного транспорта: труды международной научно-практической конференции. Т. 1. СПб., СПГУВК, 2003.

33. Круглова Л. К. Культура как ресурс национальной безопасности // Актуальные проблемы современного культурологического знания: глобальный мир в культурологическом измерении: Всероссийская научная конференция 27 марта 2012 г. Москва, ФГБОУ ВПО «МПГУ»: доклады и материалы / отв. ред. О. А. Жукова, Т. Ф. Кузнецова. Люберцы: Гуманитарно-социальный институт, 2012.

34. Круглова Л. К. Ценностные горизонты российской культуры в аспекте проблемы национальной безопасности // Ценностные горизонты российской культуры: сб. статей. СПб., 2012. С. 167—182.

35. Круглова Л. К. Антропологический поворот и антропологический принцип в философии и культурологии: исторические модификации. Часть 1 // Вопросы культурологии. 2016. № 9. С. 35—41; № 10. С. 29—36.

36. Маркарян Э. С. Инварианты самоорганизации и проблемы эколого-энергетического исследования общества // Маркарян Э. С. Избранное: наука о культуре и императивы эпохи / отв. ред. и сост. А. В. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 175.

37. Маркарян Э. С. Традициология как наука о законах трансформационных циклов жизненного опыта людей // Там же. Ч. 3. С. 22—32.

38. Маркарян Э. С. Комплексные социокультурные проекты // Там же Ч. 5. С. 433—560.

39. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука // Там же Ч. 3. С. 200—432.

40. Мосолова Л. М. Культурология в современной России. Публичная лекция в Санкт-Петербургском доме ученых 01.11.2016, посвященная памяти М. С. Кагана // Вопросы культурологии. 2016. № 12. С. 8—19.

41. Мостова Л. А. Бидни Дэвид // Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 1. СПб.: Университетская книга; Алатай, 1998. С. 71.

42. Основы государственной культурной политики. URL: <http://base.garant.ru/70828330/>. С. 6; Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. URL: <http://government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>. С. 25.

43. Оствальд, В. Т. Наука и культура // Мир культуры и культурология: Альманах научно-образовательного культурологического общества России. Вып. 1. СПб.: изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2010. С. 57—68.

44. Сагатовский В. Н. Сущностные силы человека // Человек: деятельность, творчество, стиль мышления. Симферополь, 1987. С. 32—45.

45. Сулимов В. А., Фадеева И. Е. Семиозис: антропология символической реальности. СПб.: Астерион, 2013. 251 с.

46. Уайт Л. Наука о культуре // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 141—156.

47. Шановский В. К. Диалектика сущностных сил человека. Киев: Вища школа, 1985. 171 с.

УДК 728.6; 7.045; 008

Р. В. Некрасов, Л. В. Гурленова

Традиционный дом коми-зырян как регламентированно организованный сакральный феномен¹

Авторы статьи проводят трехвекторный анализ, который заключается в сопоставлении плоскостей соприкосновения между конструктивно-композиционными (морфологическая и эстетическая синтактика), функционально-утилитарными (прагматика) и главным образом символическими (семиотика) аспектами относительно вертикальной и горизонтальной структур жилища коми-зырян. Выявляются региональные тенденции в обозначенных аспектах. На основе изученных и исследованных источников уточняется степень конкретизации осевой темы в рамках культурно-исторического среза, в контексте эстетико-семантической роли национального сакрального образа как интегрирующего фактора в проектных традициях коми-зырян и культурно-художественной стилиевой парадигмы.

Ключевые слова: традиционная проектная культура, мировое древо, регламентированная предметно-пространственная среда, сакральный образ, синтез материального и духовного, символические аспекты.

R. V. Nekrasov, L. V. Gurlenova. The traditional house of Komi-Zyrians as it is regulated an organized sacral phenomenon

The author of article carries out the three-vector analysis which consists in comparison of the planes of contact between constructive and composite (a morphological and esthetic sintaktika), functional and utilitarian (pragmatics) and, mainly, symbolical (semiotics) aspects of rather vertical and horizontal structures of the dwelling of Komi-Zyrians. Regional tendencies in the designated aspects come to light. On the basis of the studied and investigated sources degree of a specification of an axial subject within a cultural istorichsekogo of a cut, in

© Некрасов Р. В., Гурленова Л. В., 2017

¹ Материал, представленный в статье, является одним из скромных вкладов в развитие идей безвременно ушедшего ученого и педагога Ирины Евгеньевны Фадеевой и посвящается ее памяти.

the context of an estetiko-semantic role of a national sacral image as the integrating factor in design traditions of Komi-Zyrians and a cultural and art style paradigm is specified.

Keywords: *traditional design culture, world tree, the regulated subject and spatial environment, sacral image, synthesis material and spiritual, symbolical aspects.*

Традиционная проектная культура коми-зырян, хранящая в себе древнее богатейшее наследие и собственные уникальные черты, является неотъемлемой частью финно-угорского мира. Эпоха глобальной урбанизации и изменение образа жизни современного человека способствуют процессу ассимиляции, растворению национальной самобытности коми этноса в мировом культурном пространстве. Влияет на культурные артефакты этноса и фактор времени — элементы традиционного искусства постепенно уходят в прошлое, унося с собой информацию о характерных для них духовных, эстетических и функциональных особенностях [14, с. 278]. «Течение времени влечет за собою рассеяние информации, забывание, размывание структур, дезорганизацию» [3, с. 108]. Поэтому, принимая во внимание отмеченные проблемы, становится очевидным, что исследование традиционных проектных тенденций коми-зырян является актуальной задачей.

В рамках заданной темы рассмотрим некоторые вопросы, касательно народного жилища. У всех народов жилище всегда было не только основным компонентом материальной культуры, но и всецело входило в область его духовной культуры. По верному замечанию профессора С. Н. Зыкова, «в каждый момент времени, в каждую временную эпоху духовная составляющая культурного мира этноса находила свое зримое материальное воплощение в предметном мире. Яркий тому пример — традиционные культовые, жилые и хозяйственные постройки» [5, с. 241]. Через жилище, его устройство, организацию, символику человек не только преобразовывал, но и познавал мир, отображая его реалии и закономерности в функционально-композиционном взаимодействии архитектурных форм и декоративных деталей. Искусствовед, профессор В. Б. Кошаев подчеркивает, что «дом является носителем идей космоса, защищенности, достатка, преемственности поколений и культуры. Традиционное жи-

лище XIX — начала XX в. — хранитель древних поверий и обрядов, мифологии и преданий, этнической информации, высокого строительного искусства, художественного, эстетического, композиционно-пространственного мышления» [10, с. 5]. Из вышесказанного следует, что традиционное жилище этноса является одним из возможных и действенных каналов трансляции национальных художественных традиций, что представляет несомненный интерес для искусствоведческой теории и практики.

Вопросы реконструкции формообразования и типологии, эстетики и утилитарности, декоративного убранства и семиотики традиционного жилища рассматривались в трудах: А. К. Байбурина «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян», В. Б. Кошаева «Традиционное жилище народов Западного Приуралья. Культурогенез. Классификация. Искусство» (2001), А. Б. Пермиловской «Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX — начало XX века)» (2005), С. И. Дмитриевой «Традиционное искусство русских Европейского Севера» (2006), Е. В. Овчинниковой, С. Н. Зыкова «Деревянные строения удмуртов и коми в контексте этнических особенностей жилой среды» (2012). Вышеотмеченные работы имеют важное значение для сравнительно-сопоставительного анализа организации предметно-пространственной среды жилища соседних и родственных коми-зырянам этносов, в частности русских и финно-угорских народов.

Существенный вклад в исследование традиционной деревянной архитектуры коми-зырян внесли: И. Н. Шургин, Л. Н. Жеребцов, Н. М. Теребихин, Н. Д. Конаков, Т. И. Чудова, С. И. Чудов и др. В своих работах авторы на основе полевых исследований и архивных материалов выявляют факторы природной среды обитания, мировоззренческие (ментальные) аспекты этноса, повлиявшие на особенности домостроительных традиций. Классифицируют устойчивые типы домов и ареалы их распространения, обращают внимание на конструктивные особенности и внутреннее убранство жилища, отражают степень иноэтнического влияния на развитие домостроительства этнографических групп коми.

Фактологической базой исследования для автора стали сельские поселения юго-западных районов Республики Коми: Прилузский, Койгородский, Сысольский, Сыктывдинский, Корткеросский, Усть-

Вымский. В ходе исследовательских экспедиций было изучено более 70 домов, в числе которых по типовому признаку преобладали дома-пятистенки и избы-двойни. Датировка всех рассмотренных архитектурных объектов лежит в промежутке от второй половины XIX века до 50-х годов XX столетия. Сбор данных велся на основе опроса информаторов и документальных фиксаций — зарисовки, обмеры, кроки, фото-, видеосъемки объектов и элементов исследования.

Сакральные аспекты возведения вертикальной структуры жилища. Для достижения благополучия и счастья семьи в новом доме у коми-зырян было принято конструктивно-технологические процессы домостроя сопровождать регламентированными символическими обрядами. Как отмечают исследователи традиционной архитектуры коми-зырян Т. И. Чудова, С. И. Чудов, «в традиционном обществе семантика стоит выше прагматики, и все практические соображения сводятся к нулю, если они не соответствуют мифологической основе разворачивания микрокосмоса, поэтому сакрализация строительной технологии коми (зырян) обусловила возникновение системы принципов и правил отбора материала, места и времени для строительства нового жилища. Рассмотренный комплекс символических аспектов возведения дома-космоса коми (зырян) в той или иной мере соответствует мифоритуальному процессу создания жилой среды в народной культуре русских и финно-пермских народов, проживающих в схожих природно-климатических условиях, что позволяет говорить об универсальности всего знаково-семантического комплекса» [6].

Исследователь национальных традиций коми-зырян Н. Д. Конаков делает акцент на том, что «восприятие дома как символической модели мира сближало процесс его строительства с космогенезом, а его строителя возводило в ранг демиурга» [9, с. 90]. Обрядовый характер процесса создания дома-космоса проявлялся еще до начала его возведения. Так, деревья и место для застройки хозяин выбирал совместно с колдуном (*тöдысь*). По народным верованиям не все деревья подходили для строительства, в частности деревья с двумя вершинами, с ветками, росшими вверх вдоль ствола, с наростами и высыхающие деревья. Абсолютным базовым строительным материалом была сосна (*пожõм*), которая кроме своих очевидных ценных

физических свойств символизировала «идею стабильности и благополучия жизни» [20, с. 137].

Большое значение придавалось выбору места застройки: место должно было быть высоким, светлым и сухим. В строительной обрядности коми-зырян участок для будущего дома выбирали с учетом того, где располагался ранее дом предков. «Зыряне, когда строят новый дом, то стараются построить на том месте, где был старый, где жили деды, и где обитают души предков» [11, с. 36]. В этой связи было актуальным представление о том, что именно усопшие наделяют живых родственников благополучием и являются хранителями «родового счастья» [13, с. 100]. Пригодными также признавали места, где паук плетет паутину (паук — символ связующего звена с миром предков, которые через бионические формообразования давали положительный или отрицательный ответ). Благополучными также считались фрагменты ландшафта, где ложится отдыхать крупнорогатый скот, где роем летает мошкара, где обильно произрастала рожь, где приживались принесенные из другого места муравьи, где протекал подземный источник. К неудачным участкам для строительства дома относились места, где прежде хоронили людей, горел дом, где раньше проходила дорога, стояла баня или заброшенный колодец, где растут ели и осины (осина являлась олицетворением страданий) [7; 9; 16].

В домостроительных традициях коми-зырян прослеживаются три ступени возведения дома — «трехчастная структура ритуала соотносится с представлениями о троичности любого процесса (начало — середина — конец): закладка сруба (строительная жертва), укладка матицы и установка князевого бревна» [6], которые в обязательном порядке сопровождались символическими инициациями. Так, на первом этапе под бревна первого или третьего венца, в четыре угла или только в красный угол хозяин дома подкладывал щепу от первого удара топором вместе с монетой (символ богатства), крылом птицы (сакральный оберег, связь с верхним миром), клочком шерсти или зерном (семантика плодородия). Под красный угол или в середину сруба хозяин строящегося дома устанавливал принесенную из леса молодую березу или рябину — такие породы наделялись положительной семантикой. В знак хорошего исхода дел дерево оставалось там до завершения постройки [8, с. 60; 9]. В контексте

мифопоэтических воззрений этноса, установленное деревце олицетворялось со священным мировым деревом и оберегом, сакральная символика которой отождествлялась с конструктивными элементами строящегося дома и способствовала благополучному формированию дома-космоса: организованной, упорядоченной, гармоничной, константной объемно-пространственной структуры со всем светлым и положительным содержанием.

Надо заметить, что мировое дерево (лат. *Arbor mundi* — «космическое» дерево) являлось одним из основополагающих универсальных символов организации вселенского пространства в системе мифотворческого сознания многих народов практически всех континентов. Несмотря на то, что его смысловая наполненность несколько различается: дерево жизни, дерево плодородия, дерево центра, дерево восхождения, небесное дерево, шаманское дерево, мистическое дерево, дерево познания и т. д., все же в традициях самых разных народов постепенно складывалось символическое отождествление дерева со всей вселенной или по крайней мере с тем миром, который был освоен людьми [18, с. 103]. По убеждению большинства исследователей, символ дерева является отражением древнего кодекса воззрений относительно деления мира на определенные, взаимосвязанные сферы, в котором мировое пространство по вертикальной оси разделяется на верхний (крона), средний (ствол) и нижний (корни) миры — небесный, земной, подземный мир, где каждая из сфер представляет часть единого целого. Вертикальная ориентация мифологического дерева предопределила и вертикальную организацию мира. Близкая по сюжету картина отражалась как в языческом мировоззрении коми-зырян, так и в традиционном домострое в частности.

Важным моментом строительства дома была укладка матицы: «вырубались гнезда для ее концов с внутренней стороны сруба и клали в эти гнезда медные монеты, шерсть и льняную кудель, зерно. Чтоб у хозяев нового дома были деньги, водился скот и хорошо росли посевы» [2, с. 215]. В символическом контексте матица являлась одной из самых знаковых элементов в архитектурно-конструктивной системе «дома-космоса», так как олицетворяла её центральную ось, структурирующую жилое пространство интерьера избы, и связанное с ней традиционное предметное наполнение этноса.

Финальным аккордом возведения «дома-космоса» являлась установка князевой слепи, а также охлупня (коньковое бревно), прикрывающего выше и фиксирующего стык двухскатной тесовой кровли. С фасадной стороны дома комлевой части охлупня и удерживающим потоки под скатами крыш г-образным курицам, используя технологию скульптурной резьбы, придавали стилизованную объемную форму головы орнитоморфного или зооморфного образа. Это мог быть узнаваемый облик водоплавающей птицы, коня или лося — «священного коня» древности [7; 12]. «В символической конструкции дома, соотносимой с трехчленным делением Космоса, верхняя часть дома рассматривалась как сакральная сфера, что подчеркивалось скульптурно оформленными изображениями птиц, коней/лосей на охлупне и курицах» [6]. Все образы были сакрализованы и, обладая протективной знаковостью (семантикой), несли священный статус хранителей всего содержимого возведенного упорядоченного микрокосмоса от всех бед и несчастий, которыми наделялась внешняя, чужая среда — хаос.

Таким образом, семантика вертикальной структурной организации традиционного жилища коми-зырян представляет триединство сакральных сфер, связанных по принципу вселенской оси или составных частей мирового древа: низ — корни, среднее звено — ствол, верх — крона (рис. 1). В объемно-пространственной композиции дома темную, загробную сферу воплощает конструктивная составляющая подклета и пространство подполья (*гöлбöч*), земную сферу мира жизни человека отождествляет жилая среда избы (*керка пытшкöс, оланін*), и светлую, небесную сферу символизирует кровля со сформированным пространством чердачного помещения (*йирк выв*).

Семантико-смысловая структура горизонтальной планировки жилой части коми-зырянского дома также была наделена сакральными составляющими. Наиболее ярко регламентация организации предметно-пространственной среды коснулась жилого интерьера крестьянской избы коми-зырян, горизонтальная, почти квадратная в плане плоскость которой была весьма разработанной. Объемно-пространственная композиция традиционного коми-зырянского интерьера как части финно-угорской культуры формировалась в неразрывной связи с духовной сферой. Такое содержание представляло устойчивую систему, где синтез материального и духовного оказался предельно устойчивым к трансформирующим факторам.

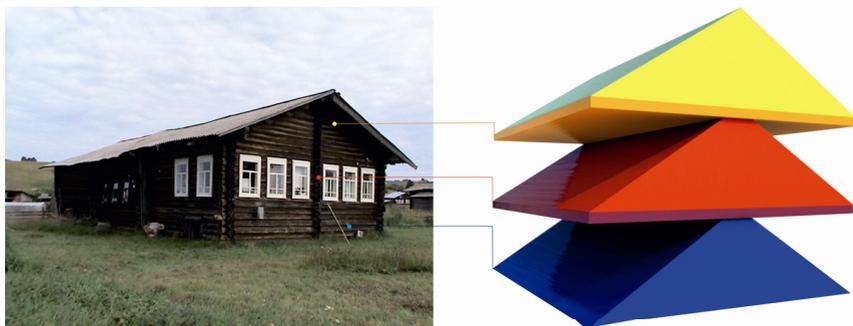

Рис. 1. Семантико-смысловое значение вертикальной структуры дома коми-зырян (▲ — верхний мир, ▲ — средний мир, ▲ — нижний мир).
Разработка автора, 2015 г.

Высокая степень семиотичности особенно показательна для зонирования горизонтального плана жилого пространства (рис. 2). Основными композиционно-смысловыми узлами традиционного интерьера были углы. Каждый угол имел свое название и был наделен определенной функцией. К таким функционально-смысловым углам относились красный, печной, женский, мужской углы. Все они были сакрализованы и несли особый знаковый статус. В ходе исследования было выявлено, что весь ансамбль предметного наполнения традиционного жилого интерьера формировался возле двух базовых композиционных узлов — красного угла и печи. Диагональное расположение красного угла и печи было строго регламентировано и являлось каноном. Материалы научных исследований показывают, что на формирование традиционной моделировки жилого пространства дома коми-зырян оказали влияние три основных фактора: хозяйственно-экономический, социально-половой и ритуально-мифологический.

Главным в топографии мужского пространства (*айпöв*), считался символический центр жилья (почитаемое семейное обрядовое место) — красный угол (*ен ув пельöс*). «Наиболее регламентированным было поведение в красном углу, причем система мотивировок основывалась как раз на том, что это алтарная часть дома» [1, с. 180]. Здесь проходили как будничные трапезы, так и праздничные застолья. Все значимые события в жизни домохозяев отмечались в крас-

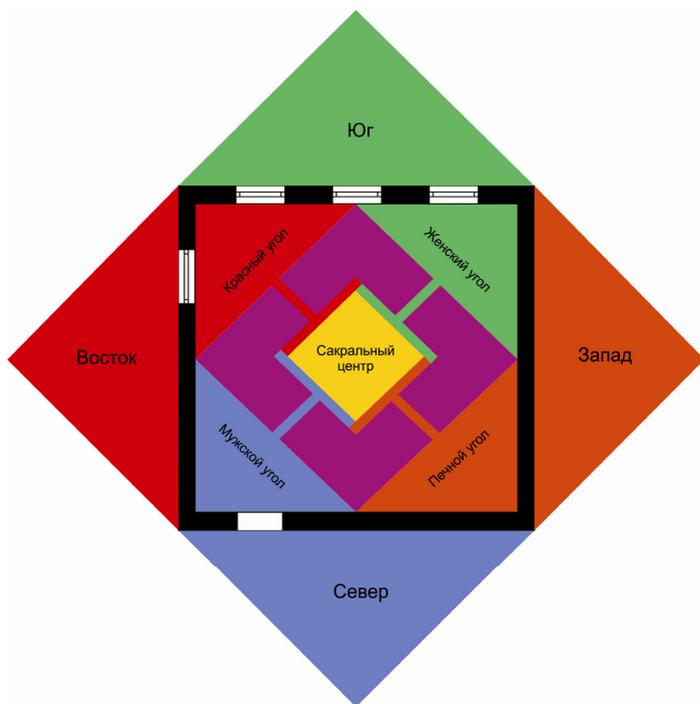

Рис. 2. Семантико-смысловое зонирование горизонтальной структуры коми-зырянского дома. Разработка автора, 2015 год [15, с. 523]

ном углу, возле этого места протекали действия многих календарных обрядов. Здесь вместе с атрибутами христианской веры стояла икона на прикрепленной к углу полке, иногда таких полок было две. Как правило, божницу убирали вышитыми полотенцами. Не исключено, что до христианизации красный угол представлял собой языческий центр, а предметный набор включал культовые элементы, которые, кстати, некогда бытовали вместе с христианскими. Так, традиционным украшением сакрального угла могла быть сделанная из дерева фигурка птицы, размером 10—20 см. Фигурка играла роль оберега и символизировала благополучие рода. Весьма устойчивым является сакральная обереговая подборка, включающая крыло водоплавающей птицы, щучью челюсть, ветку рябины, которые предохраняли от сглаза, порчи и нечистой силы. Соседство христианских и более древних, языческих атрибутов говорит об очевидном на-

слоении, синтезе двух форм религий в мировоззрении коми-зырян. Ученые видят в их взаимном сочетании своеобразную иллюстрацию двоеверия [15, с. 519].

В женской половине (*иньпöв*) находилась одна из наиболее значимых элементов традиционного интерьера — большая печь (*ыджыд пач*). Печь была вторым по значению сакральным центром в доме после красного, а может быть, и первым. В этой связи исследователь народной культуры А. К. Байбурин отмечает: «Хронологически первым центром (и прежде всего в экологическом и ритуальном плане) является печь» [1, с. 187]. Возведенная на деревянном основании, она располагалась в углу, справа или слева от входной двери, устьем обращенная к фасадной стене дома. Являясь полифункциональной, печь производила все важные процессы жизнедеятельности семьи — поддержание необходимого тепла в доме, приготовление и согрев пищи, использование для спанья и пассивного отдыха, сушки и хранения. Существенную роль она играла в традиционных обрядах и обычаях.

Зона перед большой печью являлась исконно женским пространством. Бабий угол или кут (*кывт*) тянулся от устья большой печи до фасадной стены. По ширине «бабий кут» был примерно равен ширине печи и надгольца, вместе взятых, и отделялся от остального помещения занавесом из ситца. Считалось неприличным заходить мужчине в сакральный женский локус внутреннего пространства избы, а чужому человеку даже не допускалось туда заглядывать. «Огороженное пространство осмысливалось как кухня, закрытость которой связывалась с недопущением сглаза, порчи продуктов питания. Именно практика приготовления пищи, связанная с женской сферой деятельности, позволяла соотносить эту часть избы с женским пространством» [19, с. 69].

В жилом пространстве коми-зырян бытовали локусы, символике которых придавался статус рубежей между миром «своим и чужим», так называемые пограничные зоны. «Под своим человек понимал то пространство, которое он ассоциировал с домом, очагом, печью. Своим был и человек из собственного рода, семьи. Чужое пространство представлялось темным, неизведанным миром, населенным злыми духами. Так, по отношению к человеку чужим мыслились: лес, водоем, кладбище, пространство за пределами стен до-

ма, усадьбы, деревни» [4, с. 13]. По представлениям коми-зырян, чем больше человек отдалялся от родного «дома-космоса» в рубежах универсальной (космической) системы координат, тем больше усиливалась чужеродность неокультуренной (неосвоенной) окружающей его среды.

Традиционно считалось, что в процессах жизнедеятельности во внутренней и внешней среде жилое и нежилое пространство были подвижными и взаимопроницаемыми. В таких процессах своеобразными элементами трансляции (зонами контакта) с внешним миром были проемы — оконные и дверные, а так же печные трубы. Так, при установке оконных рам и дверных косяков выполнялись ритуальные действия: топором делался знак в виде косоугольного креста, что, по народным представлениям, позволяло обезопасить внутреннее пространство избы от проникновения нечистой силы. Декорирование окон и крыльца придавало, с одной стороны, красоту жилой постройке в целом, а с другой — символически защищало дом от проникновения недобрых сил через эти открытые локусы. Дом рассматривался как составная часть Космоса, но он обладал автономностью и должен был быть защищенным от соприкосновения с миром иным [6]. Для этого все двери закрывали, в темное время суток окна занавешивали, печные трубы, после отопительного процесса и приготовления горячей пищи закрывали. Бытовала традиция при смерти одного из членов семьи открывать заслонку печной трубы, которая мыслилась как путь души — канал связи с внешним миром [16].

При открывании двери сквозной проем считался одной из уязвимых зон, входом для недоброжелательных начал, поэтому над дверным косяком в качестве дополнительной защиты располагались различные обереги — ветки почитаемых пород деревьев, хвост глухаря (*дозмёр*) или тетерева (*тар*). Например, можжевельник (*тусяпу*) считается мощным универсальным оберегом в среде коми-зырян. «Можжевельник и его ягоды прогнать могут злого духа» [11, с. 50]. Поныне в сельских поселениях бытует устойчивая традиция собирать и устанавливать ветки можжевельника за дверной притолокой входной двери в жилое пространство избы, в баню, хлев, хозяйственные пристройки, а также в божницу (красный угол). По сведениям информантов, такой обряд отпугивал злых духов, а также предупреждал беды и болезни [17, с. 35]. Магические функции обе-

рега были присущи и другим деревьям — «вербе, рябине, ольхе приписывалась способность отпугивать злых духов» [11, с. 50], поэтому ветки рябины (*пелысь пу*) и вербы (*бадь*) часто являлись неизменным атрибутом божницы.

Символические контексты выразались и в противопоставлении параллельного диаметральному. Так, роль «границы» играла матица — сакральная структурная единица объемно-пространственной композиции избы. «Поперечное положение матицы обусловило то обстоятельство, что ей приписывается роль символической границы между «внутренней» («передней») частью дома и «внешней» («задней»), связанной с входом/выходом, которая символически делит пространство свой/чужой. Гость, войдя в избу, садится на лавку у входа и не должен заходить за матицу без приглашения хозяев» [1, с. 180]. Между тем в предметной среде интерьера значительно преобладают параллельные ритмические сочетания, компоновочная комбинаторика которых начинала развиваться от самой входной зоны. В первую очередь это касается протяженно-параллельной композиции теса пола, половиков, лавок, печки, стола и т. д. С проектной точки зрения такой принцип организации стационарных, мобильных и трансформируемых элементов конструкции и предметного наполнения обеспечивал оптимальную компактность функционирования локусов традиционной среды, а с мировоззренческих позиций «продольному обычно придавался положительный смысл» [1, с. 180].

Таким образом, проведенный комплексный анализ показал, что традиционный дом коми-зырян как уникальная форма целостной структуры синкретического единства выступает сакрально-смысловым ядром всей предметно-пространственной среды этноса. Уже с момента возведения дома сакральный контекст строительных ритуалов представляет прочную духовную опору материальному и связанному с ним творческому мастерству, направленному на реализацию благополучия и созидания жизненной деятельности домохозяев в гармонично организованном микрокосме. Мировоззренческие установки этноса регламентировали утилитарно-функциональную и главным образом социально-семантическую сегментацию жилой среды, в которой символические аспекты жизни коми-зырян способствовали оптимальному зонированию традиционной жилой объемно-пространственной структуры на сакральное и профаническое.

В вертикальной структуре зримым олицетворением синтеза материального и духовного являлось древо, смысловая доминанта которой определяла формальную и содержательную организацию универсума, связывающего подземный, земной и небесные миры воедино. При этом семиотика пола несла в себе роль границы между средним (профанным) и нижним (хтоническим) мирами, в то время как потолок был символической границей между миром средним и верхним (божественным). Такой смысловой эмоционально-идеологический контекст закладывался в основу вертикальной организации жилищно-хозяйственного пространства, где наиболее ярко сакральная образность проявлялась в художественной пластике архитектурного декора, в котором семантические орнитозооморфные модели в виде объемных скульптурно обработанных форм воплощали мифологические представления этноса. Внутреннее содержание самобытных материализованных носителей олицетворяло сакральные образы покровителей, стражей и хранителей, гармоничных и светлых начал.

В отличие от трехуровневой вертикальной системы, проявляющей больше динамический аспект, четырехчастная горизонтальная сакрально-образная система традиционной жилой среды коми-зырян образует статически целостную и совершенно устойчивую структуру. Принцип рационального функционального зонирования почти квадратного в плане традиционного интерьерного пространства получил семантическую окраску в знаковой трактовке элементов предметного наполнения и сакральных локусов, противопоставляющихся и в то же время связывающихся между собой такими смысловыми контекстами, как «диагонально-противоположные углы», «мужское и женское», «свое и чужое», «параллельное и диаметрально». В итоге жилое пространство коми-зырянского дома, с его регламентированным, компактно организованным устройством, статичными и динамичными элементами убранства представляло собой единый, целостный сакральный микрокосмос в космизированной сакральной среде вселенского континуума.

* * *

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.

2. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX — начало XX в. // ТИЭ. Новая серия. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 45. 395 с.

3. Бернштейн Б. М. Традиция и социокультурные структуры // Советская этнография. 1981. № 2. С. 107—109.

4. Бортникова Н. В. Семантика женского начала в сакральном пространстве традиционного удмуртского дома : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Саранск, 2014. 18 с.

5. Зыков С. Н. Признаки синтеза проектных культур коми и северных русских на примере усадьбы семьи Гурленовых // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 6. С. 241—250.

6. Зырянский домострой. URL: <http://zb.syktsu.ru/design.php> (дата обращения: 27.08.2017).

7. Из жизни древних коми / Л. Н. Жеребцов, Н. Д. Конаков, К. С. Королев. Коми-зыряне: Историко-этнографический справочник / сост. Н. Д. Конаков. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993. 176 с.

8. Конаков Н. Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир. Пространство и время. Кошаев В. Б. Традиционное жилище народов Западного Приуралья. Культурогенез. Классификация. Искусство. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2001. 370 с.

9. Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск; Сыктывкар, 2010. 336 с.

10. Народное искусство Коми : альбом / авт. текста Л. С. Грибова, Э. А. Савельева. М.: Гермес, 1992. 140 с.

11. Некрасов Р. В., Морохина Е. В. Культурно-стилистические виды сакральной образности в культе предков коми-зырян // Человек. Культура. Образование: науч.-образов. и методич. журн. 2016. № 4 (22). С. 95—103.

12. Некрасов Р. В. Космогенез в мифологии древних коми-зырян // Мир науки, культуры, образования: Международный научный журнал. 2014. № 2 (45). С. 278—280.

13. Некрасов Р. В. Локальные традиции предметно-пространственной организации жилой среды крестьянской избы коми-зырян как регламентированная сакрально-образная система // Молодой ученый. 2015. № 17 (97). С. 518—525.

14. Некрасов Р. В. Материалы анкетирования, проведенные автором в ходе этнографических экспедиций по районам Республики Коми, 2011—2014 гг.

15. Некрасов Р. В., Разалиева А. А. Культ деревьев в предметно-пространственной среде коми-зырян как регламентированный сакральный фе-

номен традиционной культуры // Научные исследования современных ученых: XV Международная научно-практическая конференция [Электронный ресурс]. М.: Олимп, 2016. С. 34—38.

16. Рябов Н. В. Образ мирового древа как опора мироздания финно-угорского народа // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 103—106.

17. Чудова Т. И., Чудов С. И. Традиционная архитектура коми (зырян): доместикация пространства: монография. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государственного ун-та, 2013. 156 с.

18. Шарапов В. Э. Береза, сосна и ель в традиционном мировоззрении коми // Эволюция и взаимодействие культур народов северо-запада европейской части России. Сыктывкар, 1993. С. 126—147.

УДК 008

И. М. Суворова

**Феномен «борьбы» с памятниками культуры:
аксиологический аспект**

Предметом исследования является актуальная проблема уничтожения памятников культуры в истории и современном мире с культурологической и аксиологической точек зрения. Целью исследования ставится выяснение причин вандализма и анализ их мотивационной сущности с применением сравнительно-исторического метода. В контексте культурологических концепций отечественных ученых автором оценивается феномен вандализма как неоднозначное противоречивое, но достаточно устойчивое явление в истории культуры. В ходе работы автором выявляется закономерная зависимость актов вандализма от смены общественных и личных ценностей в периоды смены культурных эпох и значимых исторических событий. С помощью синергетического подхода в исследовании выясняется специфика смены ценностей в переломные эпохи как отражение влияния значимых внешних факторов на аксиосферу культуры. Аксиосфера культуры оценивается автором не только как саморазвивающаяся система с периодами относительно устойчивого пути развития и периодами бифуркации, то есть всевозможных качественных перестроек, но и как источник хаоса в условиях дессипативности самой системы ценностей. В данном контексте феномен хаоса представлен как своеобразный мотиватор вандализма и разрушительной деятельности человека. Однако хаос с точки зрения синергетики является одновременно деструктивным и конструктивным элементом системы, то есть может быть элементом разрушающей и созидающей деятельности человечества. Следовательно, само переосмысление вандализма как хаотичного разрушительного явления порождает оценивание как процесс, а затем оценку как результат и, наконец, ценностный смысл как сущность явления. В результате исследования автор приходит к выводу о непреходящем значении творческого начала в человеке как источнике осмысленного ценностного отношения

к материальным памятникам культуры — живому воплощению духовных ценностей и творческой энергии предков. Представляет интерес для культурологов, искусствоведов, философов, историков, музееведов и других специалистов в области гуманитаристики, озадаченных проблемой сохранения памятников культуры.

Ключевые слова: памятник культуры, вандализм, ценность, аксиология, синергетика, аксиосфера, творчество, культурная эпоха.

I. M. Suvorova. Phenomenon of «fight» against culture monuments: axiological aspect

An object of research is the urgent problem of destruction of monuments of culture in the history and the modern world from the culturological and axiological point of view. An objective of the research is ascertainment of the reasons of vandalism and the analysis of their motivational essence with application of a comparative-historical method. In the context of culturological concepts of domestic scientists the author estimates a vandalism phenomenon as ambiguous contradictory, but rather steady fact in the history of culture. During the work the author detects logical dependence of acts of vandalism on change of social and personal values during the periods of change of cultural epoch and significant historical events. By means of synergetic approach in a research specifics of change of values during critical eras as reflection of influence of significant external factors on an aksiosphere of culture become clear. Aksiosphere of cultures is estimated by the author not only as spontaneous system with the periods of rather steady way of development and the periods of bifurcation, that is various high-quality reorganizations, but also as a chaos source in the conditions of dissipativity of the system of values. In this context the phenomenon of chaos is presented as a peculiar motivator of vandalism and destructive activity of the person. However chaos from the point of view of synergetics is destructive and structural element of system at the same time, that is can be an element of the destroying and creating activity of mankind. Therefore, reconsideration of vandalism as chaotic destructive phenomenon generates estimation as process, and then an assessment as result and, at last, valuable sense as essence of the phenomenon. As a result of a research the author comes to a conclusion about enduring value of the creative beginning in the person as a source of the intelligent valuable relation to material monuments of culture, that is a live embodiment of cultural wealth and creative energy of ancestors. Work is of interest to culturologists, art critics, philosophers, historians,

specialists in museum management and other experts in the humanitarian field puzzled with a problem of preservation of monuments of culture.

Keywords: *culture monument, vandalism, value, axiology, synergetics, aksiosphere, creativity, cultural era.*

В истории мировой и отечественной культуры вопрос о наследовании материальных памятников культуры имеет противоречивый характер: с одной стороны прослеживается устойчивая тенденция к сохранению материальных ценностей прошлого, с другой стороны происходят акты агрессивного их уничтожения. Причем в XXI веке эта агрессия не уменьшилась, что следовало бы ожидать от цивилизованного человечества, а приобрела еще более извращенные и циничные формы (как, например, онлайн-трансляция взрыва Триумфальной арки Пальмиры или продажа на черном интернет-рынке экспонатов месопотамской культуры разграбленного музея Мосула в 2015 году). Что же является причиной такого противоречия и почему в истории разных национальных культур присутствует данный феномен? Анализ этих проблем целесообразно проводить не только с культурологической точки зрения, но также и с аксиологической, исторической, психологической и феноменологической, т. е. комплексно.

Само явление разрушения материального памятника культуры, именуемое вандализмом, известно с незапамятных времен и присутствует в истории любой национальной культуры на разных этапах развития. Причины вандального отношения к памятникам старины имеют также различный характер.

Так, ради материальной наживы крушились древнеегипетские гробницы и королевские дворцы, несмотря на их высокую художественную и историческую ценность. В принципе, материальное обогащение за счет памятников старины встречается в большинстве случаев вандализма, а сам хищнический интерес больше характеризует «животную» сущность человека, нежели собственно человеческую. Однако исключить хищнические наклонности человека окончательно не представляется возможным, так как по определению в нем это заложено природой, и дилемма заключается в извечной проблеме выбора между собственно человеческим и животным началом.

Борьба религиозных убеждений также не раз становилась причиной разрушения памятников. Например, высечение монахами XV ве-

ка православного креста на изображении так называемой неолитической «Беси́хи» на Бесовом Носу (мысу) Онежского озера Карелии было свидетельством смены религиозных убеждений местного населения в виде христианского «обезоруживания» бесовской силы [10]. «Расстрел» буддийских скульптур в Бамиане персидскими шахами в XVIII веке и окончательное их уничтожение афганскими талибами в 2001 году также является примером агрессивного отношения к символам иноверцев. Здесь очевидна борьба за религиозное превосходство на конкретной территории и в определенное время, но все же она отражает традиционную историю соперничества разных религий за души людей, выраженную в уничтожении памятников культуры.

Не менее варварскими были акты уничтожения религиозных памятников культуры атеистами. Так, в СССР «в 1927 году по стране разрушено 134 культовых здания, в 1928 — 582, в начале 1929 — 27, а намечено к разрушению — 317 (154 в городах, 163 в деревнях) [7, с.138]. С революционным энтузиазмом об этом писал пролетарский поэт Маяковский, буквально воспевая «ненависть к искусству вчерашнего дня» [8, с. 2]:

Громили Василия Блаженного

Я не стал теряться —

Радостный

Вышел на пущечный зов [9, с.107].

Таким образом, «в годы революции памятники культуры не только оказались под угрозой гибели в результате действий корыстных людей и тех, кто по невежеству «не ведал, что творил», но тогда получили развитие и очень опасные идеи, ставившие под сомнение необходимость охраны памятников» [13, с. 256]. Ведь еще одной причиной разрушения памятников в Советском Союзе была идеологическая борьба со всем старинным, ассоциировавшимся с пережитками «буржуазного строя», «царской России», «отсталого прошлого». «К судьбе памятников старины в СССР это имело самое непосредственное отношение. Были репрессированы многие члены краеведческих обществ, активно занимавшиеся охраной остатков старины на местах. Им это прямо ставилось в вину. Вот что писалось в журнале «Советское краеведение» о профессоре ЛГУ И. М. Гревсе — члене Центрального бюро краеведения: «Гревс идеализировал буржуазно-помещичий строй, проводя эту идеологию под флагом сохранения памятников стари-

ны... Гревс... откровенно заявляет, что всеми памятниками старины «должны дорожить» и следует «оберегать их от разрушения и порчи»... Следовательно, по Гревсу, самодержавием тоже надо дорожить и охранять его. Совершенно очевидно, что разрушение памятников — это не следствие реконструкции городов, а составная часть специальной кампании, направленной на борьбу и разрыв со старой русской культурой» [13, с. 289]. Примечательно, что эта «борьба» охватывала, как правило, культурные памятники прошлого, а не настоящего. Вероятно, что «при переходе от одной исторической эпохи к другой в духовной жизни общества... всегда существуют такие отношения, которые не соответствуют, а то и враждебны потребностям новой эпохи» [1, с. 48], что, в свою очередь, заставляет людей уничтожать материальные носители устаревших ценностей, ведь в данном контексте материальные памятники культуры выступают воплощением духовных ценностей устаревшего прошлого.

Если же этот феномен рассматривать с культурологической точки зрения, то, по мысли М. М. Бахтина [3], становится ясным, что это не просто конфликт ценностей прошлого и настоящего, а неоднозначный результат рефлексивного осмысления противоречивого диалога сменяющих друг друга культур. Однако сам агрессивный характер вандализма не позволяет назвать это явление диалогом, тем более культурным, что наталкивает исследователя на новый поиск причин вандализма.

Если же рассматривать «борьбу» с памятниками в контексте теории Б. Л. Губмана [5], то сам акт разрушения памятника культуры будет противоположен естественной культурсозидающей деятельности человека. Следовательно, этот факт свидетельствует о так называемом «расчеловечивании человека» в акте агрессии против своего естества, что выглядит противоречивым моментом культурогенеза, поскольку сам культурогенез предполагает не только выработку новых форм, но и интеграцию со старыми формами в существующие культурные системы. В контексте теории эволюции феномен разрушения памятников культуры противоречит и адаптации человеческих сообществ к меняющимся условиям их существования, поскольку также не содержит интеграционных механизмов культурного опыта прошлого и настоящего, что закономерно вызывает негативную эмоциональную оценку.

Руководствуясь позицией А. Я. Гуревича [6] относительно ценности как нормативного компонента сознания человека, можно предположить, что, вероятно, в общественном и личном сознании периодически происходят столь значительные перемены, что они заставляют людей «крушить» памятники, напоминающие им неактуальные нормы. В этом отношении мнение Гуревича созвучно идее Э. Баллера: «Наследование культурных ценностей предполагает борьбу со всеми пережитками идеологических форм как с нежелательными проявлениями исторической преемственности» [1, с. 62]. Следовательно, ценностно-нормативные «переломы» в культуры отчасти опосредованы сменой идеологий, личностных и общественных, в ходе значимых исторических событий.

Статистика свидетельствует о том, что значительный урон материальным памятникам культуры наносился именно в период общественных катаклизмов: войн, революций, восстаний и т. п. Так, например, «разрушения памятников архитектуры во время Великой французской революции носили антимонархический, антифеодальный и антикатолический характер. Именно эти символы уничтожались особенно интенсивно. Так была разрушена Бастилия, бывшая символом королевского суда. На королевском кладбище Сен-Дени за 3 дня был уничтожен 51 памятник. Всего же за 1789—1800 гг. во Франции были разрушены 168 памятников искусства и архитектуры» [11].

Или другое историческое свидетельство: «После обстрела Московского Кремля в 1917 году он являл картину невиданного разрушения (был поврежден Успенский собор, Чудов монастырь, Колокольня Ивана Великого), а Ярославль после восстания 1918 г. представлял собой груды развалин» [4, с. 382]. «Всего же «за период с 1917 г. разрушено 25—30 тыс. церквей и соборов, около 500 монастырей, уничтожено не менее 20 млн. икон, около 400 тыс. колоколов» [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что в периоды значимых исторических потрясений и смены эпох происходит наиболее острая борьба ценностей всех видов: этических, экзистенциальных, эстетических, религиозных, политических, правовых, что в буквальном смысле отражается в актах вандализма против материальных носителей этих ценностей. И если представить аксиосферу культуры (ценностную сферу) как саморазвивающуюся систему с относительно устойчивыми периодами развития (аттракторами) и периодами дис-

сипации (неустойчивости) под влиянием различных флуктуаций — внешних и внутренних колебаний, то очевидным становится закономерность смены ценностей в периоды значимых исторических событий, выступающих в роли мотиваторов колебаний системы.

Так, к примеру, с падением «вечного города» Рима не только закончилась эпоха античной культуры, но и качественно изменилась аксиосфера самой культуры: с распространением христианства в последующие века доминирующие позиции в ней заняли религиозные ценности по отношению ко всем другим группам ценностей. Вот как об этом пишет А. Я. Гуревич: «В этот период происходит трансформация всей системы ценностей — экономических, социальных, интеллектуальных, художественных, религиозных, политических, — ценностей, взаимосвязанных и взаимодействовавших между собой. На их формирование оказали влияние факторы духовной и церковной жизни» [6, с. 214].

Таким образом, в истории западно-европейской и отечественной культуры на определенных этапах развития в аксиосфере каждый раз выстраивалась своеобразная иерархия ценностей, соответствующая духу времени. Следовательно, в каждом переломном моменте истории «на обочину» иерархии выдвигались неактуальные, «устаревшие» ценности, которые имели свое материальное воплощение в памятниках культуры, а значит, могли подвергаться актам вандализма. Поскольку в развитии любой синергетической системы присутствует элемент хаоса, когда рушатся привычные конструкции, то вандализм по отношению к культурному наследию может расцениваться в данном контексте как проявление деструктивного хаоса, особенно если он носит массовый характер. Но с точки зрения синергетики хаос не только противопоставлен порядку, но и содержит в себе потенцию к упорядочиванию. В этом отношении важен рефлексивный эффект: оценивание и оценка феномена вандализма, выявление его антинормативной сущности, установление иных культурных норм и утверждение новых доминантных ценностей.

Сам феномен вандализма, достаточно изученный психологами и социологами, по отношению к материальным памятникам культуры помимо названных ранее имеет и другие причины: мести, эстетического переживания, экзистенциального исследования [11], но однозначно оценивается как асоциальное и негативное явление. Ведь

«каждое новое поколение никогда не начинается с пустого места, оно осваивает культурные ценности (материальные и духовные), которые накоплены предшествующим поколением. В акте усвоения и овладения творческим трудом предшествующих поколений сконцентрированном, «опредмеченном» в культурных ценностях, и выражается преемственность в развитии культуры. Извлекая из культурных ценностей прошлых эпох сконцентрированную в них творческую энергию человеческой мысли и труда, люди имеют возможность превратить ее в свое сегодняшнее достояние и, более того, сделать активной силой для новых шагов вперед» [1, с.153]. Можно сказать, что в творениях прошлого каждое новое поколение имеет своего рода «сырой материал» для производства будущего. И что более важно, в осмыслении значимости памятников прошлых культурных эпох человечество давно пришло к выводу, что помимо ценностей приходящих налицу абсолютные непреходящие ценности добра, красоты, истины и т. д., которые имеют право на разные варианты воплощения.

«Спора нет, современный город должен иметь современный облик. Но он отнюдь не достигается ценой разрушения исторических зданий и памятников. Наоборот, сохраняя ценные архитектурные сооружения прошлых эпох, современный город становится еще «современнее»: исторические контрасты старого и нового подчеркивают, усиливают эстетическое воздействие нового» [2, с. 144]. Так, материализованная в камне, дереве и красках красота разных эпох формирует не только эстетический вкус, но и представление об историческом прошлом, культивируя живую связь времен в памятниках архитектуры. В подобной ситуации возникает чувство сопричастности, приобщенности, равнодушия к историческому прошлому, что с психологической точки зрения усиливает в человеке личную ответственность перед потомками. Подобная ответственность нацеливает человека на принципиально иную по сравнению с нигилизмом оценку памятников культуры — конструктивную: что полезное можно заимствовать из прошлого для будущего; как продлить творческий акт созидания вопреки агрессивному разрушению.

Следовательно, в противоречивом двуедином процессе культурного развития общества момент преемственности культурных ценностей (материальных, духовных, художественных) нельзя рассматривать как исключительно консервативную сторону, как нельзя

момент создания новых ценностей рассматривать как сторону, только отрицающую старые достижения. По сути, превратить нашу планету в один исторический музей и сохранить все материальные памятники культуры не представляется возможным из-за брэнности их существования, несмотря на все современные методы и технологии. Но именно необходимость сохранить достигнутое заставляет человечество одновременно отбрасывать другие элементы и достижения культуры прошлого, как бы отфильтровывая их в актуальном контексте бытия, оставаясь человечеством разумным.

* * *

1. Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. М.: Наука, 1969. 294 с.
2. Баллер Э. А. Социальный прогресс и культурное наследие. М.: Наука, 1987. 225 с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики // Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Грабарь И. Э. О русской архитектуре исследования. Охрана памятников. М.: Наука, 1969. 425 с.
5. Губман Б. Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. 536 с.
6. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.
7. Козлов В. Ф. Судьба мощей русских святых // Отечество. М., 1991. Вып. 2. С. 136—159.
8. Маяковский В. В. Театр, кинематограф, футуризм // Полн. собр. соч. Т. 1. М. Гос. изд-во худож. лит. 1955. 464 с.
9. Маяковский В. В. Пятый интернационал // Полн. собр. соч. Т. 4. М.: Худож. лит., 1957. 452 с.
10. Савватеев Ю. А. Каменная летопись Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1990. 118 с.
11. Скороходова С. Вандализм. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-4-99skoro.html>
12. Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. М.: Советская Россия, 1990. 112 с.
13. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.032

В. А. Сулимов, Г. В. Китайгородская

Человек современного Севера России: опыт регионального когнитивного моделирования¹

В современной культуре главную роль играет интеллектуальная трансформация человека. Под воздействием информации человек испытывает внутренний интеллектуальный разрыв. Авторы предлагают модель интеграции человека на базе единой платформы «человека-в-культуре». Задача интеграции может быть решена при помощи новой региональной модели образования.

Ключевые слова: современная культура, информация, модель образования.

V. A. Sulimov, G. V. Kitaigorodskaya. The man of the modern North of Russia: the experience of regional cognitive modeling

In modern culture, the main role play the intellectual transformation of man. Under the influence of information, a person experiences an internal intellectual gap. The authors propose a model of human integration based on a

© Сулимов В. А., Китайгородская Г. В., 2017

¹ Статья написана в рамках проекта № 17-13-1103 а/р РФФИ при поддержке РФФИ и Республики Коми.

single «human-in-culture» platform. The task of integration can be solved with the help of a new regional model of education.

Keywords: *modern culture, information, model of education.*

Современная культура — результат двух достаточно зримых и очевидных процессов: текстуализации личности и одновременно сетевой трансформации социума. Таков общий итог «переориентации» мира из мира индустриального в мир постиндустриальный, информационный, тезаурусный и потому — виртуальный, построенный на презентации текстово-ассоциативных интерпретаций. Эта система интерпретаций может быть специально организована (как научная парадигма, историческая концепция, политическая система, система искусства), либо существовать в виде мозаичных полотен или информационно-тематических сгущений, не имеющих внутренних структурных связей и очевидных границ. Чаще всего в современной культуре она существует (под воздействием распространенных научных и образовательных практик) в виде смешанного мозаично-парадигмального полотна, характеризующего также типичное сознание современного человека. Предельной характеристикой таких аморфных и подвижных информационно-текстовых образований является *пространство коммуникации* как окончательное и неизменное пространство бытия человека. Язык как основная коммуникативная система как бы «вспухает», вбирая в себя не только наличествующие, но и возможные значения и смыслы, возникающие, как правило, на фронтире наблюдаемых и регистрируемых культур и информационно-текстовых парадигм, в ходе постоянных столкновений смысловых единств и одновременно попыток понимания (часто противоречащих и логически непоследовательных).

Важнейшим следствием трансформации современной культуры в сторону текстовой личности (как особого смыслопорождающего субъекта культуры) и информационно-коммуникативной сети (как единственной развивающейся формы социальности) является падение различия между *текстом и фактом*, прекращающим постепенность исторического тезауруса — базового тезауруса культуры¹.

¹ Это вполне относится и к европейскому, и к азиатскому типам культуры.

У. Эко на большом историко-культурном материале показал, что «с точки зрения диалектики между объектом и его интерпретациями исчезает какая-либо разница между фактами и текстами. Это не значит (в чем некоторые американские аналитики обвиняют континентальную философию), что факты также являются текстами или могут рассматриваться в качестве таковых (это положение, кстати, принимается в некоторых течениях постструктурализма), напротив, это значит, что тексты являются фактами, представляя собой нечто, предшествующее своим интерпретациям, то, чьи преимущественные права не ставятся под сомнение» [6, с. 541]. Выдвижение текста в качестве принципиально главного элемента истории и культуры предполагает, несмотря на ряд оговорок о сохранении некоторой «фактической картины мира», решительный отказ от тезаурусного (традиционного) типа личности и перехода к смешанному тезаурусно-креативному типу личности, отличающегося способностью творчески переосмыслять «предельно понятное» и предлагать систему новых интерпретаций и целых «интерпретационных зеркал» для осмысленного восприятия большого количества мозаичной и смешанной (мозаично-парадигмальной) информации. Этот тип личности — неомифологический, создающий картину мира на основании виртуализированных информационных блоков. Это миф, но миф, построенный на современном интеллектуально-образном уровне, определяемом в первую очередь глобальной информационной революцией: «История и миф в данный момент сливаются, а страхи и ожидания растут. По мере того, как скорость изменений возрастает, становится очевидным, что никто, даже те, кто обладает компьютерами, имеющими доступ в самые быстрые сети, не может фиксировать мириады проходящих событий, ни тем более в одиночку управлять ими» [5, с. 22]. Информационный взрыв разрушает информационное пространство индивидуума, делая человека «разорванным», всегда частичным, дезинтегрированным существом.

Противоречивый и разорванный информационный мир современного человека препятствует не только осуществлению научно-технологических или социальных действий (обязательных для существования современного общества), но и системе познавательной деятельности, в институциональном смысле представляющей собой интеллектуально-образовательную область социального про-

странства. Отдельное научно-образовательное сообщество, институционализированное в виде *образовательной организации*, практически не способно сформулировать цели и правила познавательных действий, исчерпывающе обеспечивающих поступательное развитие личности. Общий парадокс истории повторяется в пределах отдельной познающей личности, по определению включающейся в общее смешанное парадигмально-мозаичное полотно, на фоне которого невозможно формирование устойчивой и эффективной тезаурусной (знаниевой) личности. Противопоставить тезаурусной (и + мировоззренческой) разорванности можно только систему интеллектуальных практик, овозможнивающих сам процесс социального становления современной личности. Эта система практик включает в себя практики креативные (порождающие), понимающие (воспроизводящие, приписывающие смыслы), критические (отвергающие, аналитические), сенситивные (чувствующие, художественные). Такая система практик означает переход в другую плоскость: от научения и обучения в познание и самопознание, означающее переход в область Другого: другой мотивации, другой (текстовой) реальности, другой (символической, сетевой коммуникации), другой (внутренней, логико-эмоциональной) оценки, другой (подвижной, деятельностной, динамической) картины мира, другой (осмысленной, усвоенной и освоенной — интериоризированной) картины мира. Вслед за П. Сорокиным невозможно не понимать, что Другая картина мира и связанное с ней Другое мировоззрение должно быть креативно-альтруистическим [4, с. 35].

Плодотворным переходом к новой (интегральной) платформе сознания является использование одной из глубинных матриц существования человеческой культуры (и = общества как одной из ее форм) — матрицы эстетисно-этической, обнимающей практически все способы проявления человеческого Я, где эстетизм занимает место абсолютного мотиватора действия, а этос — абсолютного архитектора (и одновременно формовщика, конструктора) действия. Двумерная система «эстетизм — этос» является при этом достаточно прочной и пластичной для того, чтобы определять действие субъекта в любом (даже абсолютно новом) контексте. А. П. Валицкая дает очень точное определение двум составляющим эстетисно-этического единства: «Эстетизм — поле субъективного интуитивно-чувственного вос-

приятия и конструирования мира, это начало и завершение любого творческого процесса, будь то искусство, социальная среда, научный текст, пространство города или интерьер собственного дома. Соответственно, это тоже не что иное, как интеллектуально-чувственное переживание актуальных смыслов существования субъекта среди людей (субъект-субъектное отношение) в алгоритмах доверия/недоверия, притяжения/отталкивания, любви/вражды, свободы/принуждения и т. д., предшествующее и рациональному осмыслению, вербализации формулы норм и правил» [1, с. 57].

Эстезисно-этическое единство как антропологическая платформа личности основывается на мифологических представлениях индивидуумов, как бы далеко от мифологической обрядности не находилась повседневность. Эта повседневность предстает как место формирования и разрушения социально-культурного мифа, представляющего в своей свернутой архетипической форме. При этом разрушение ряда мифологических социокультурных констант проходит по линии свертывания памяти о мифологических текстах (например, эстезисно-этическая платформа «человека Севера» как одна из основных в эпоху советской романтики 20—60-х годов, по данным нашего исследования, практически свернулась — не более 25 % упоминаний о ней в опросах молодежной аудитории и 30 % в опросах экспертов). Сохранение идеи мифологического субъекта «человек Севера», лишённого текстового сопровождения, носит рамочный характер «человека без свойств» и отмечается в 67 % случаев опроса молодежной аудитории и 72 % случаев опроса экспертов). Этому есть несколько объяснений и прежде всего — изменение коммуникативных функций, формирующих эстезисно-этическое пространство культуры, применение глобальных интеллектуальных и информационно-коммуникативных практик, не мотивированных и не ассоциированных с национально-региональным типом научной или общественной мысли. Разорванный человек начала XXI века «выпал» из историко-культурной традиции и не нашел моральных оснований для преодоления этой разорванности, перехода к интенсивным способам самообоснования в качестве «человека-в-культуре». Такая задача невыполнима без соединения *интеллектуального и чувственно-эстетического состояний сознания в одну когнитивную платформу* — интеллектуально-художественную, построенную на основании особого способа раз-

вития индивидуального интеллекта. Этот способ — интеграция, соединение различных интеллектуально-художественных практик в одном сознании.

На указанной платформе личностного интеллекта может быть построена (точнее — только и может быть построена) современная модель образования (в т. ч. регионального), определяющая не только качества человека (интегрированного, профессионально и чувственно компетентного), но и перспективу социального развития региона («качество региона»). При этом, по мнению Л. К. Кругловой, именно «ориентация на целостного человека должна определять в качестве главного методологического принципа реформ принцип единства воспитания и образования. Более того, можно говорить о том, что реформы должны узаконить явный примат воспитательных целей над образовательными...» [2, с. 369]. Основываясь на интегрирующей знаниево-воспитательной модели Л. К. Кругловой, можно предложить следующий ряд интеллектуальных практик, суммарно приводящий к эффекту *преодоления* или *становления* интегрированной личности: практики получения знаний (в т. ч. мировоззренческих), практики освоения технологий получения знаний (в т. ч. компьютерных, информационных), когнитивные практики (в т. ч. эффективные технологии мысли), практики мироощущения и миропостроения (в т. ч. художественного мышления), практики аксиологических построений и интерпретаций, чувственные практики (сочувствие, любовь, сопереживание) [2, с. 369—371]. Освоение этих практик требует привлечения громадного спектра текстов культуры, интеллектуальных и художественных обучающих действий, предметной интеграции, и поэтому изменения всей структуры педагогической деятельности. С этими задачами связаны и те педагогические процессы, те элементы отечественной педагогической модернизации, свидетелями которых мы являемся.

В соответствии с утверждённым президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам паспортом проекта «Создание современной образовательной среды для школьников» в ближайшие годы планируется формирование и последовательная реализация национальной системы *учительского роста*. Одним из целевых показателей результата реализации приоритетного проекта является увели-

чение доли общеобразовательных организаций и сетевых профессиональных сообществ, которые обеспечивают дополнительные условия для непрерывного профессионального развития учителей (введение в профессию, наставничество, индивидуальные планы профессионального развития). К 2020 году доля таких организаций должна составить 50 %¹. Таким образом, профессиональное развитие педагога становится одной из основных задач государственной политики Российской Федерации, регулируемой на уровне каждого региона в зависимости от территориальных, социокультурных и образовательных особенностей и потребностей.

В основе оценочных процедур, направленных на педагога при подготовке к аттестации, на уровне республики должны закладываться элементы федеральной повестки: знание преподаваемого предмета и методики обучения этому предмету, включая представления о проблемных местах курса, типичных ошибках и затруднениях обучающихся; понимание особенностей возрастного развития учащихся, умение изучать индивидуальные особенности детей и учитывать их в организации учебного процесса; владение современными методами и способами организации учебной деятельности, обязательный высокий уровень коммуникативной компетенции, отраженные в нескольких трудовых действиях в Профессиональном стандарте педагога (ведущий учитель (высшая категория). Там указывается, что педагог проводит занятия в соответствии с целями основной образовательной программы (в том числе адаптированной) с использованием инновационных методик обучения и воспитания обучающихся, направленных на максимальную индивидуализацию в организации учебной деятельности всех обучающихся (в том числе обучающихся с особыми образовательными потребностями) и создания зоны их ближайшего развития; демонстрирует образцы лучшей практики формирования личностных образовательных результатов обучающихся, используя для этого все ресурсы образования и социума и прежде всего свои собственные личностные качества, выполняя требования ФГОС ОО (например, становление личностных

¹ См. Паспорт приоритетного проекта «Создание современной образовательной среды для школьников»: утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 25 октября 2016 г. № 9).

характеристик выпускника). «Портрет выпускника основной школы» ФГОС ОО приводит качества выпускника: любящий свой край и свое Отечество, знающий русский и родной язык, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции; осознающий и принимающий ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества, многонационального российского народа, человечества; активно и заинтересованно познающий мир, осознающий ценность труда, науки и творчества и т. д.

Такую комплексную социокультурную задачу невозможно решить без организации серьезной дополнительной подготовки учителей и сетевого взаимодействия. Так, пока еще не создана система изучения и обобщения опыта работы по вопросам взаимодействия различных образовательных систем, в том числе профессиональных образовательных организаций, организаций высшего образования, научных институтов, других заинтересованных субъектов с общеобразовательными организациями. Мы понимаем, что управление профессиональным развитием педагога происходит на трех уровнях. Первый — республиканский. Центральное звено этого уровня — деятельность республиканского образовательного кластера по формированию республиканской модели качества образования, в центре которой — профессиональное развитие педагога как один из факторов повышения качества образования. На муниципальном уровне внедряются механизмы совершенствования методической работы, создается методический ресурс, проводится методический аудит, сопровождается развитие межшкольного сетевого взаимодействия, развивается система тьюторства (сетевых консультантов) и наставничества. Третий уровень — уровень образовательной организации. Главный механизм поддержания профессионального развития педагога на данном уровне — включение всех образовательных организаций (общего, дополнительного, профессионального образования) в сетевое взаимодействие. Вырастить общеобразовательную организацию до демонстрационной площадки открытой модульной системы дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) — задача, достойная эффективного руководителя, команды развивающейся школы. Актуальность сетевой модели профессионального развития педагогов обусловлена необходимостью изменения подходов к управлению профессиональным разви-

тием педагогов именно на республиканском уровне. С одной стороны, модель учитывает имеющийся в Республике Коми опыт организации взаимодействия между образовательными организациями и реализации дополнительных профессиональных программ на основе сетевого взаимодействия с образовательными организациями, имеющими статус стажировочных площадок, сохраняет уровень характер методического сопровождения. С другой — включает в себя два новых принципа её реализации: адресный и персонифицированный характер (направленность на решение затруднений и развитие недостающих компетенций педагога на основе их объективной оценки) и расширение круга участников (образовательных и иных структур республики) на основе согласованной системы государственно-общественного взаимодействия. Комплекс условий реализации сетевой модели обеспечения профессионального развития педагогов, на наш взгляд, включает:

— наличие преемственных (или сетевых) образовательных программ и проектов общего, профессионального и дополнительного образования;

— формирование сети реализующих их образовательных организаций, имеющих статус республиканских инновационных площадок, профессиональных образовательных организаций, организаций высшего образования, некоммерческих организаций различных форм собственности и ведомственной принадлежности; определение базовой организации, осуществляющей управление сетевым образовательным кластером.

Возникновение новых тенденций в образовании приводит к необходимости инновационной организации процесса профессионального развития педагогов. В отличие от традиционной практики повышения квалификации педагогов, современная система повышения квалификации — это модель персонифицированного обеспечения развития каждого педагога, нацеленная в первую очередь на учет профессиональных потребностей педагогов и достижение ими определенных профессиональных компетенций.

Идеология региональной модели профессионального развития педагога определена государственным заказом Правительства Российской Федерации на удовлетворение запроса социально-экономической сферы в квалифицированных педагогических кадрах опре-

деленного уровня и профиля подготовки. В центре целеполагания проекта — обновление жизненного цикла педагогической профессии, основных профессиональных образовательных программ УГСН «Образование и педагогические науки», профессиональных стандартов сферы образования. На уровне Республики Коми уже началась работа по реализации механизмов формирования и внедрения национальной системы учительского роста. Но для качественной деятельности всех заинтересованных субъектов необходимо обратить внимание на характеристики кадрового состава педагогов республики. В 2017 г. численность персонала (физические лица) без учета внешних совместителей в республике — 7702, из них высшее образование имеют — 89,8 %, среднее профессиональное образование — 15 %; возрастной срез: от 30 до 55 лет — 56,8 %; до 30 лет — 16,7 % и более 55 лет 26,5 %. От общего количества педагогов высшую категорию (в соотношении с общим количеством педагогов) имеют 19,2 % (1859 человек); первую категорию — 27,5 % (2661) и не имеют категории — 53,4 % (3182). Особое интеллекто-порождающее значение имеет количество педагогов, имеющих высшую категорию в разрезе муниципальных образований в процентном соотношении с количеством педагогов в каждом муниципальном образовании. На территории Республики Коми лидирующие позиции в квалификационном уровне педагогов занимают муниципальные образования городских округов: Усинска — 32 %, Сыктывкара — 27 %, Воркуты — 23 %, на последних позициях муниципальные районы: Сыктывдинский — 10 %, Усть-Цилемский — 9 %, Сысольский — 5 %. Предметная характеристика педагогов, имеющих высшую категорию в соотношении с общим количеством педагогов по данным предметам показывает, что по республике педагогов с высшей категорией: 3 % — по химии, 31 % — по французскому языку, от 20 до 25 % — учителя гуманитарных дисциплин, 16 % — по английскому языку и 14 % — по основам безопасности жизнедеятельности. Недостаточное количество педагогов высшей (наиболее интеллектоемкой) квалификации, «срединное положение» учителей гуманитарных дисциплин в процентном рейтинге учителей в Республике Коми говорит о том, что сегодня практически некому реализовывать модель интеллектуально-ориентированной интегрированной школы в регионе, стимулируя процесс самообоснования выпускника как человека-в-культуре, фор-

мируя этого человека как активную гражданскую, интеллектуальную и художественную личность. Массово существующий разорванный (частичный) человек становится все более и более опасным для культурного и социального прогресса, все более агрессивным и препятствующим творческому переустройству мира, совершенство которого, в конечном случае, все более зависит от повседневной творческой деятельности человека.

Человек Севера — это мифологизированная, стертая временем, но «становящаяся» фигура мастера, деятеля-креативиста, основателя и строителя эффективного социума, способного решать все более сложные задачи индивидуального и социального развития. Эта фигура все еще живет и складывается как «пазл» многих качеств. Она обязательно сложится в новых условиях — условиях общества знаний на основании новой модели школы, производящей человеческий интеллект.

* * *

1. Валицкая А. П. Эстетизм и этос в социокультурных практиках современности // Картина человека: философия, культурология, коммуникация: Коллективная монография. СПб.: Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2016. 560 с.

2. Круглова Л. К. Человек и культура. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 397 с.

3. Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004. 520 с.

4. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 224 с.

5. Стайн М. Трансформация: Проявление самости / пер. с англ. М.: Когито-центр, 2017. 221 с.

6. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М.: Академический проект, 2016. 559 с.

УДК 614.8.01

А. М. Попова, О. С. Залевская, Н. И. Романчук

Формирование культуры безопасности жизнедеятельности молодежи на индивидуальном уровне посредством добровольческой деятельности

В статье представлены возможности формирования культуры безопасности жизнедеятельности молодежи на индивидуальном уровне посредством добровольческой деятельности. Раскрыты понятия «добровольчество», «волонтерство» и «культура безопасности жизнедеятельности». Сопоставлены методы формирования идеала и ценностей в области безопасности жизнедеятельности с направлениями добровольческой деятельности. Описаны преимущества добровольчества как площадки для получения практического опыта и неформального образовательного процесса.

Ключевые слова: культура безопасности жизнедеятельности, молодежь, добровольчество.

A. M. Popova, O. S. Zalevskaya, N. I. Romanchuk. Shape of culture of safety of life of young people at the individual level by means of voluntary activity.

Possibilities of formation of culture of safety of life of young people at the individual level by means of voluntary activity are presented in article. The concepts «voluntary activity», «volunteering» and «culture of safety of life» are opened. Methods of formation of an ideal and values in the field of health and safety are compared with the directions of voluntary activity. Advantages of volunteering as platforms for obtaining practical experience and informal educational process are described.

Keywords: culture of safety of life, young people, volunteering.

Ключевыми целями государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [12] стали совершенствование правовых, социально-экономических и организационных

условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны. Для их достижения планируется реализовать шесть групп задач:

1) формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы государства;

2) развитие просветительской работы с молодежью, инновационных образовательных и воспитательных технологий, а также создание условий для самообразования молодежи;

3) формирование ценностей здорового образа жизни, создание условий для физического развития молодежи, формирование экологической культуры, повышение уровня культуры безопасности жизнедеятельности молодежи;

4) создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, а также внедрение технологии «социального лифта» (как способа изменения социального статуса);

5) создание благоприятных условий для молодых семей, направленных на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи, всестороннюю поддержку молодых семей;

6) формирование информационного поля, благоприятного для развития молодежи, интенсификация механизмов обратной связи между госструктурами, общественными объединениями и молодежью, повышение эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах патриотического и гражданского воспитания молодежи.

Очевидно, что повышение уровня культуры безопасности жизнедеятельности молодежи стоит в приоритете государственной молодежной политики Российской Федерации. Одним из способов формирования и повышения культуры безопасности жизнедеятельности молодежи на современном этапе развития российского общества может стать активное ее вовлечение в добровольческую деятельность.

Добровольчество — фундамент гражданского общества. Без добровольцев не существуют общественные организации и благотворительность, отсутствует общественный контроль над действиями власти и бизнеса, снижаются возможности решения социальных проблем.

Действующее законодательство использует термины «добровольцы» и «волонтеры», вкладывая в них не совсем идентичное содержание. Добровольцы, согласно статье 5 Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» — это физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности) [7].

Волонтеры, согласно статье 2 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», — граждане Российской Федерации и иностранные граждане, участвующие на основании гражданско-правовых договоров в организации и(или) проведении физкультурных мероприятий, спортивных мероприятий без предоставления указанным гражданам денежного вознаграждения за осуществляемую ими деятельность [9]. Этим термином оперирует также Федеральный закон от 01 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11]. Исходя из указанных определений, можно сделать вывод, что законодатель рассматривает волонтерство как разновидность добровольчества в строго определенной сфере.

В работе А. Б. Елеевой проведен сравнительный анализ понятий «добровольчество» и «волонтерство». После проведенного сравнения и анализа существующих определений автор делает вывод «об отсутствии общепризнанного и единого определения добровольчества. Сложившаяся ситуация обусловлена разницей понимания добровольчества в исторической перспективе, методологическими подходами и акцентированием одного из социальных аспектов добровольчества. Для определения сути добровольчества следует выявить общие сущностные признаки разнообразных подходов к анализу добровольчества. Во всех существующих вариантах и интерпретациях добровольчества выявляется два смысловых ядра этого слова: «добро» и «воля». Следовательно, первым и обязательным признаком является отсутствие внешнего принуждения к осуществлению конкретного вида добровольческой деятельности. Мотивация добровольческой деятельности формируется на основе внутренних по-

требностей, системы ценностей и жизненных ориентиров человека. Вторым признаком добровольческой деятельности является ее социально-значимый характер, полезный для общества, отдельных его представителей. Деятельность, приносящая вред социуму, отдельным его представителям и природному окружению, не является добровольческой деятельностью, хотя она может осуществляться по собственному желанию и без принуждения извне. Другими словами, она может соответствовать первому признаку, но не соответствовать второму» [3].

В законодательной базе в 2003 году впервые появилась статья, наделившая органы местного поселения правом использовать труд добровольцев на социально-значимых работах [10]. Расширение правовой базы добровольческой деятельности является необходимым условием эффективного взаимодействия гражданского общества и государства, что способствует эффективному и экономичному решению социальных проблем.

В Конституции Российской Федерации закреплена основа, фундамент законодательного обеспечения права третьего сектора на участие в решении государством проблем, связанных с целями деятельности некоммерческих организаций. Согласно ее нормам, Россия — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Каждый имеет право на объединение. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, обращаться лично, а также направлять коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [4]. Нормы, регламентирующие взаимодействие власти и некоммерческих организаций, содержатся и в специальных законах, регулирующих отдельные сферы общественной жизни, виды деятельности или деятельность отдельных видов организаций. К ним, в частности, относится ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», определяющий принципы, формы и порядок поддержки этого вида некоммерческих организаций [8]. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержит нормы о взаимодействии власти и некоммерческих организаций [10].

Развитие добровольчества учитывается в стратегиях социального и экономического развития России на долгосрочную перспективу, стратегиях государственной молодежной политики. Решением Правительства Российской Федерации принята Концепция содействия развития благотворительной деятельности и добровольчества [5], разработанная на основе сотрудничества правительственных структур и некоммерческих организаций (далее — НКО). В России проводятся национальные конференции по добровольчеству и конкурсы, победителям присуждается Национальная общественная награда в области добровольчества. Государственной думой Российской Федерации начата разработка проекта Федерального закона о добровольчестве. Однако эффективность всех действий и перспективы развития добровольчества связаны, прежде всего, с развитием сотрудничества общества и государства, а также качеством этого сотрудничества, с использованием накопленного опыта и внедрением инновационных социальных технологий.

Деятельность добровольческих объединений также регулируется международными нормативно-правовыми актами. Так, во Всеобщей декларации добровольчества определяется, что «в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. и Международной конвенцией о правах ребенка 1989 г., исходя из принципа, что «любое лицо имеет право свободного объединения в мирные ассоциации», волонтеры рассматривают свою деятельность как инструмент социального, культурного, экономического и экологического развития» [2]. Декларация призывает добровольцев и лидеров всех секторов во всем мире объединиться как партнеров в продвижении и поддержке эффективного добровольчества, доступного всем, как символ солидарности всех людей и всех наций.

Основы государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года одной из приоритетных задач определяют создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, а также внедрение технологии «социального лифта». Реализация этого предусматривает формирование системы поддержки молодежной добровольческой (волонтерской) деятельности. В свою очередь, данный нормативно-правовой акт дает следующее определение: «молодежная добровольческая (волонтерская) деятельность» — добровольная социально направленная и об-

щественно полезная деятельность молодых граждан, осуществляемая путем выполнения работ, оказания услуг без получения денежного или материального вознаграждения (кроме случаев возможного возмещения связанных с осуществлением добровольческой (волонтерской) деятельности затрат) [13].

Вопросы современного состояния и перспектив развития добровольчества в современной России раскрыты в работе Е. А. Луговой [6]. Автор делает вывод, что «Современный феномен отечественного добровольчества как социальный опыт коллективной жизнедеятельности людей является источником социокультурных инноваций и обладает большим потенциалом. Как один из видов социальной практики благотворительности, добровольчество в различных масштабах представлено практически во всех регионах России и выступает в качестве одной из движущих сил прогрессивного развития культуры, отражающей ее креативно-деятельностную природу и выступающей в качестве нормативной основы коллективного существования и жизнедеятельности людей». Исследователь описывает добровольчество как культурный капитал и считает, что в этом качестве оно выполняет три основные функции: 1) неформального образовательного процесса; 2) знакомства с другой культурой, страной, языком; 3) социализации.

Между тем, действительно, добровольческую деятельность можно использовать как неформальный образовательный процесс с целью формирования и повышения культуры безопасности жизнедеятельности молодежи и населения в целом.

Мало знать закономерности развития той или иной болезни, закономерности развития катастрофических процессов и их прогнозы, разрабатывать и внедрять механизмы предупреждения болезней, травматизма или бедствий. Надо добиться, чтобы эти меры были приняты детьми и подростками, их родителями и педагогами, востребованы ими, перешли бы в их повседневную жизнь, находя отражение в психологических установках и ценностях. Отсюда вытекает масштабная задача развития образования и обеспечения безопасности образовательного пространства — формирование массовой культуры безопасности.

Культура безопасности жизнедеятельности — уровень развития человека и общества, характеризующийся значимостью задачи обеспе-

чения безопасности жизнедеятельности в системе личных и социальных ценностей, распространенностью стереотипов безопасного поведения в повседневной жизни и в условиях опасных и чрезвычайных ситуаций, степенью защищенности.

Поэтому основной целью формирования культуры безопасности жизнедеятельности должно являться достижение такого состояния людей, трудовых коллективов, общества в целом, когда обеспечение безопасности жизнедеятельности является основной внутренней потребностью, и для реализации этой потребности существуют необходимые условия.

Культура безопасности жизнедеятельности как социально-культурное явление существует на трех уровнях: индивидуальном, корпоративном и общественно-государственном [1]. Индивидуальный уровень достигается через формирование личности — носителя специфичных качеств (личности безопасного типа поведения) (табл. 1). Для достижения указанной цели необходимо решение следующих задач:

- развитие таких качеств и свойств объектов культуры безопасности жизнедеятельности, которые способствуют формированию внутренней целевой установки на обеспечение безопасности жизнедеятельности, это система личных и общественных идеалов и ценностей, мотивация действий;

- привитие знаний о безопасном существовании, соразвитии с окружающим миром, социумом;

- формирование устойчивых индивидуальных и социальных поведенческих паттернов в области безопасности жизнедеятельности — традиций, стереотипов, норм поведения;

- создание условий для отдельных людей, их коллективов и сообществ, необходимых для формирования культуры безопасности жизнедеятельности.

Для формирования личности безопасного типа поведения (индивидуальный уровень культуры безопасности жизнедеятельности), как и для формирования любой компетенции, необходимо пройти через три уровня: получение знаний, формирование умений и отработку навыков (табл. 2). Добровольческая деятельность на третьем уровне является удобной и доступной формой получения практического опыта в любой сфере и виде деятельности.

Самая незащищенная и уязвимая часть нашего населения — дети, подростки. Познавая окружающий мир, они часто сталкиваются с опасностями и становятся жертвами своего незнания, беспечности и легкомыслия. У них нет опыта, знаний и сформированных навыков безопасного обращения с предметами и общения с людьми.

Формирование умений и навыков безопасного поведения — сложный, непрерывный, систематический и последовательный процесс, который должен начинаться в раннем возрасте. От того, насколько успешно осуществляется этот процесс, во многом зависит дальнейшее безопасное существование детей в окружающей среде. Привитые с детства знания и навыки безопасного поведения становятся естественными в поведении взрослого человека.

Таблица 1

**Уровни формирования личности безопасного типа поведения
(индивидуальный уровень культуры
безопасности жизнедеятельности)**

1 уровень — получение знаний
2 уровень — формирование умений
3 уровень — отработка навыков (добровольческая деятельность как площадка для получения практического опыта)

Одним из способов формирования и повышения культуры безопасности молодежи на индивидуальном уровне может быть их вовлечение в добровольческую деятельность.

Добровольческая деятельность выполняет функцию нравственного воспитания, возрождение в молодежной среде фундаментальных ценностей, таких как гражданственность, милосердие, справедливость, гуманность, отзывчивость и других.

Добровольчество как неформальный образовательный процесс имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционным обучением:

— развитие коммуникативных качеств участников (опыт общения со сверстниками, различными социальными группами, представителями власти и бизнеса);

— получение специальных навыков (участие в тренингах личностного роста, курсах, проведении экспериментальной работы и других видах профессиональной подготовки);

Таблица 2

Направления формирования культуры безопасности жизнедеятельности молодежи на индивидуальном уровне с примерами добровольческой деятельности (1—2 столбцы — по Ю. Л. Воробьеву [1], 3 столбец — видение авторов)

1 Формирование культуры безопасности жизнедеятельности на индивидуальном уровне	2 Методы формирования идеала и ценностей в области безопасности жизнедеятельности	3 Направления деятельности добровольческой деятельности
<p>формирование идеала и ценностей в области безопасности жизнедеятельности (основу идеала в области безопасности жизнедеятельности составляют: личная безопасность, честность и порядочность, чистая совесть, ощущение своей необходимости людям, гордость за свой народ, свою страну, духовность)</p> <p>развитие качеств личности, влияющих на обеспечение безопасности жизнедеятельности</p>	<ul style="list-style-type: none"> — семейное воспитание — воспитание в учреждениях дошкольного образования — обучение и воспитание в учреждениях общего образования — воздействие современных средств массовой коммуникации — самовоспитание — самообразование — воздействие средств пропаганды — посещение учреждений культуры — семейное воспитание — воспитание в учреждениях дошкольного, общего и профессионального образования — духовно-нравственное воспитание — самовоспитание — участие в учениях и тренировках — морально-психологическая подготовка — пропаганда в области безопасности жизнедеятельности 	<ul style="list-style-type: none"> — поддержка семьи, материнства, отцовства и детства; — социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан. — проекты в области науки, образования, просвещения; — сохранение исторической памяти; — проекты в области культуры и искусства — поддержка семьи, материнства, отцовства и детства; — охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни; — сохранение исторической памяти; — охрана окружающей среды и защита животных

Продолжение таблицы 2

<p>привитие знаний, умений и навыков обеспечения безопасности во всех сферах жизнедеятельности</p>	<p>— самообразование — участие в учениях и тренировках — проведение бесед и лекций</p>	<p>— проекты в области науки, образования, просвещения</p>
<p>мотивирование безопасной жизнедеятельности</p>	<p>— семейное воспитание — использование социальной рекламы — использование средств массовой коммуникации — участие в общественных движениях — самовоспитание — самообразование</p>	<p>— поддержка семьи, материнства, отцовства и детства; — молодежные проекты, реализация которых охватывает виды деятельности, предусмотренные ст. 31(1) Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»; — защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе защита прав заключенных; — укрепление межнационального и межрелигиозного согласия; — развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников; — развитие институтов гражданского общества</p>

— организация личностно-значимого общения и взаимодействия добровольцев (клубные встречи, экскурсии, форумы);

— возможности для личностного и творческого развития (участие в творческих конкурсах, работа в творческих мастерских и проектах, организация мероприятий, социальных акций, проектов, способствующих личностному росту и развитию);

— реализация личностного потенциала в рамках своих возможностей и интересов;

— общественное признание, чувство социальной значимости (получение благодарностей, грамот, знаков отличия, публикации в СМИ);

— профессиональное ориентирование (в процессе занятий добровольческой деятельностью углубляются знания по основной профессии и осваиваются новые навыки и компетенции);

— приобретение опыта ответственного лидерства и социального взаимодействия;

— отсутствие оплаты за получение знаний, умений и навыков.

Таким образом, индивидуальный уровень культуры безопасности жизнедеятельности достигается через формирование личности — носителя специфичных качеств, идеалов и ценностей (личности безопасного типа поведения). Одним из методов формирования идеала и ценностей в области безопасности жизнедеятельности у молодежи на данном уровне может выступать добровольческая деятельность как неформальный образовательный процесс и качественная площадка для получения практического опыта.

* * *

1. Воробьев Ю. Л. Пучков В. А., Дурнев Р. А. Основы формирования культуры безопасности жизнедеятельности населения / под общ. ред. Ю. Л. Воробьева / МЧС России. М.: Деловой экспресс, 2006. 316 с.

2. Всеобщая декларация добровольчества, принятая на XVI Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий URL: <http://www.social.jaba.ru//475690.html> (дата обращения: 28.09.2017).

3. Елеева А. Б. Сравнительный анализ понятий «добровольчество» и «волонтерство» // Молодой ученый. 2010. № 1—2. Т. 1. С. 294—297.

4. Конституция Российской Федерации: принята всеобщим голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

5. Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации от 30 июля 2009 г. № 1054-р // Собрание законодательства РФ. 10.08.2009. № 32. Ст. 4052.

6. Луговая Е. А. Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России : дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2012. 184 с.

7. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный закон Российской Федерации № 135-ФЗ от 11.08.1995 г.

8. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: Федеральный закон Российской Федерации № 98-ФЗ от 28.06.1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 27. Ст. 2503.

9. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ // Российская газета. № 276. 08.12.2007.

10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ // Российская газета. 2003. № 202. С. 5—7.

11. Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01 декабря 2007 г. № 310-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.12.2007 г. № 49. Ст. 6071.

12. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. № 2403-р.

13. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года от 29.11.2014 г. № 2403-р. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/39133.html> (дата обращения: 28.09. 2017).

ЗАМЕТКИ, МАТЕРИАЛЫ, СООБЩЕНИЯ

УДК 008 (091)

В. П. Золотарев

Страничка из жизни И. Е. Фадеевой

Автор рассказывает о своих встречах с профессором И. Е. Фадеевой. В статье показан путь становления выдающегося ученого, педагога и редактора.

Ключевые слова: *И. Е. Фадеева, встречи, наблюдения, воспоминания.*

V. P. Zolotarev. A page from the life of I. E. Fadeeva

The author tells about his meetings with Professor I. E. Fadeyeva. The article shows the way of becoming an outstanding scientist, teacher and editor.

Keywords: *meetings, observations, memories*

Никто не станет перечить — студенческие годы самые счастливые в жизни каждого, кто в школьное время набрался мужества и ума, дерзнул (не спотыкаясь) переступить порог высшего учебного заведения и достойно окончить его. Именно таким человеком является И. Е. Фадеева.

И. Е. Фадеева училась на историко-филологическом факультете Коми государственного педагогического института в то время, когда мне выпала честь руководить названным факультетом в качестве его

декана. Я узнал ее более, чем кто-либо. Вот как раз в этом месте моих раздумий строгая Клио требует хотя бы кратко очертить по отношению к И. Е. Фадеевой то время, когда она усердно набиралась гуманитарных знаний. Конец 60-х — начало 70-х годов ушедшего столетия было временем признания международным сообществом советского образования — среднего и высшего — лучшим в мире. И. Е. Фадеева сполна воспользовалась такой возможностью, предоставленной ей судьбою. Филологическое отделение историко-филологического факультета Коми педагогического института было одним из лучших среди региональных вузов СССР. Об этом свидетельствуют его выпускники и преподаватели. Упомяну о последних. Среди литераторов блистали доценты Б. П. Тентюков, Н. В. Шуктомов, у языковедов — М. С. Михеева, В. Т. Азарова, В. Н. Семичев, Э. Е. Хозяинова. Названные доценты читали лекции на профессорском уровне.

Они же вовлекали студентов в научно-исследовательскую работу, которая совершалась в форме самых разнообразных кружков. Ежегодно проводились студенческие конференции, на которых выступали студенты, успешно проявившие себя в работе кружков. Тон задавали старшекурсники. Им подражали и новички — первокурсники. Ирина активно включилась в эту интересную сферу студенческой жизни. Причем ее особо интересовали литературные проблемы, имевшие (если можно так сказать) теоретическую подоплеку, что ярко проявилось в ее последующих научных исследованиях.

Как видим, И. Е. Фадеева должна была быть удовлетворена качеством — и фактическим и методологическим — проводимых занятий. Но это было не совсем так. Привожу в подтверждение никому (кроме меня и И. Е.) неизвестный факт. Однажды И. Е. Фадеева заходит в деканат, чем-то весьма озабочена. «Василий Павлович, — говорит, — переведите меня в Пермский университет. Я надеюсь в нем получить более качественное образование, чем в нашем пединституте». Университет есть университет, подумал я. Тем более для одаренных студентов. Даю Ирине чистый лист бумаги и ручку. Говорю: «Обдумайте все. Напишите заявление на имя ректора Н. П. Безносикова. Я иду читать лекцию, через 45 минут буду в деканате. Ждите меня». Возвращаюсь. Написано убедительно. Пишу резолюцию: «Прошу разрешить продолжить обучение И. Е. Фадеевой в Пермском университете». Через два дня Ира уехала. Однако через

В Доме-музее Сальвадора Дали. Париж, Монмартр, 2012

короткое время вернулась в Сыктывкар и окончила с отличием свою alma-mater. Я к моменту возвращения Ирины в Сыктывкар уже не работал деканом факультета, и мне как-то не пришлось спросить ее о причинах возвращения в педагогический институт. Но я по мере возможностей интересовался ее жизненной стезей. В сентябре 1972 г. в Сыктывкаре был открыт университет. А в 1973 г. Ирина окончила институт. Она пришла ко мне в деканат историко-филологического факультета СГУ и была принята на должность лаборанта кафедры русского языка и литературы. Я видел, что техническая работа лаборанта ей не по душе, и думал о том, чтобы помочь ей поступить в аспирантуру. В 1975 г. такая возможность появилась: в Коми филиале

АН СССР была открыта аспирантура. Без особого труда И. Е. Фадеева стала аспирантом и в 1982 г. защитила кандидатскую диссертацию. Дверь в большую науку была открыта.

Эта маленькая картинка о студенческой жизни И. Е. Фадеевой получилась, выражаясь немецким языком, *aus einem Guss*, потому что писал я о незаурядном человеке, к ранней и счастливой судьбе которого был причастен. Эта картинка, надеюсь, является поучительной для современной студенческой молодежи.

УДК 008

Л. А. Максимова

Х Международная научная конференция «История сталинизма»

В статье рассказывается о международной научной конференции, посвященной сталинизму. Особое место уделяется краткому изложению актуальных мыслей докладчиков.

Ключевые слова: конференция, события, изложение.

L. A. Maksimova. X International Scientific Conference «History of Stalinism».

The article describes an international scientific conference devoted to Stalinism. A special place is given to a brief presentation of the current thoughts of the speakers.

Keywords: Conference, events, presentation.

5—7 декабря 2017 года состоялась X Международная научная конференция «История сталинизма», посвященная урокам Октября и практике советской системы в 1920—1950-е годы.

Мероприятие было организовано Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Государственным архивом РФ, Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ), Президентским центром Б. Н. Ельцина, издательством «Политическая энциклопедия» (РОССПЭН) и Международным историко-просветительским благотворительным и правозащитным обществом «Мемориал». Такая традиционно авторитетная поддержка научного мероприятия привела к оформлению устойчивого научного сообщества, занимающегося историей сталинизма.

А. К. Сорокин, директор РГАСПИ, заверил, что, несмотря на попытки дискредитации истории как науки в последнее время, достоверное средство познания истории существует. Современная наука может быть научным инструментом познания истины. Только наука может ограничить произвольную интерпретацию исторических фак-

тов. «Принципы работы с исторической памятью особенно важны в связи со 100-летием революции. В 1917 году российский социум сделал выбор в пользу первоначально навязанных форм государственного устройства. Цена этого выбора оказалась очень высокой. Через 20 лет произошли события, которые мы называем “Большим террором». Эта дата также связана с первым юбилеем. Монументальное произведение “Стена скорби”, открытая Президентом РФ заставила общество вспомнить и эту дату». В рамках конференции состоялось открытие историко-документальной выставки «Большой террор. 1937—1938», подготовленной РГАСПИ.

В. П. Лукин, бывший омбудсмен, Президент Параолимпийского комитета РФ, член Совета Федерации Федерального собрания РФ, в выступлении подчеркнул, что человечество определяет соотношение между гуманизмом и прогрессом. Какие базовые ценности мы должны отстаивать? Тема конференции заставляет глубоко задуматься над этим вопросом.

Карнер Стефан, профессор университета Граца из Австрии, сопредседатель российско-австрийской комиссии историков, свой пленарный доклад посвятил влиянию революции 1917 года в России на события 1918—1923 годов в Австрии. И хотя «революционного переворота по русскому образцу не произошло», начавшиеся национальные движения, требования народа «верните нам мир!» «взорвали» ситуацию. Уроки революции воплотились в судьбах австрийских коммунистов, которые, переехав в СССР, попадают в ГУЛАГ, затем их выменивают на советских шпионов и помещают в концлагерь собственные власти, и снова ГУЛАГ после того, как место их пребывания вошло в зону советского контроля в годы войны.

На конференции была поднята и проблема личности Сталина. Несмотря на то что моральный приговор очевиден, он иногда заслоняется определенными фактами. И не все тут однозначно. Дэвид Ширер, профессор истории Делаверского университета из США, исследующий отражение Гражданской войны в политике Сталина, убежден, что все витки репрессий в СССР были вызваны искренним убеждением Сталина в угрозе войны. Ученый считает, что три явления всегда сопровождали ситуации, когда Сталин, на его взгляд, сталкивался с неизбежностью войны: репрессии, мобилизация промышленности, международные переговоры. «Насилие сталинизма

На выставке «Большой террор. 1937—1936»

было цикличным, — считает Ширер, — Сталин не отделял последствия борьбы с военной угрозой во внешней политике с внутренней политикой. И его истоки исходят из Гражданской войны. Сталин начал свою карьеру на войне, и он остался на войне. Практику Сталина надо воспринимать как практику человека на войне. Его и похоронили в маршальском мундире как военного человека». Ученый уверен, у Сталина был не просто страх войны, Сталин использовал информацию разведки, которая поддерживала его убеждения. Не все из его окружения верили в угрозу войны, но Сталин считал, что ему известно больше, чем остальным. И, с его точки зрения, он каждый раз поступал рационально.

Свою оценку Сталина дал В. П. Булдаков — известный автор «Красной смуты». Ключевой идеей исследования у историка стал

«инстинкт власти» Сталина, который в сочетании с другими факторами привел его к руководству страной: «Сталин обладал инстинктом власти, который сомкнулся с инстинктом масс, ожидавших хозяина». В развернувшейся дискуссии, сравнивая Сталина с другими лидерами, В. П. Булдаков отметил: Ленин и Троцкий намного грамотнее Сталина. Им нужна была мировая революция. Ленин считал, что он может все. «Сталину мировая революция была не нужна. Он не был утопистом. Ему нужна была власть. Но он всего боялся». «Троцкий и Ленин могли выступать в цирке Модерн, а Сталин нет». «Сталин — ущербный человек. У него была жестокая форма патернализма, он хотел быть отцом народов». Сталин следил за настроениями народа, читал письма крестьян, адресованные власти. «В годы НЭПа наблюдались всеобщая ненависть и недовольство. Все ненавидели рядовых коммунистов, город не любил деревню, деревня не любила город, все ненавидели бурспецов. Ждали поводыря. Он появился в лице Сталина. Личность Сталина была адекватна ожиданиям масс. Он не мог сразу реализовать свою власть, как хотел. Он выждал. Его власть началась намного раньше, чем произошло убийство Кирова».

Возвращаясь к теме конференции, историк утверждает: «Сами большевики уроков Октября не усвоили. Исключение составляет Троцкий и, может быть, Ленин с его теорией многоукладности». После многочисленных научных дискуссий утвердился вывод о том, что революция была крестьянской. В. П. Булдаков считает, что это очень важно. «Можно говорить о том, что мы имели крестьянскую революцию, она “накрыла” все. И марксизм-ленинизм, с которым мы жили, остался пустой фикцией».

Вопросам действия механизмов власти и эволюции ее аппарата в 1917—1930-х годах посвятили свои сообщения М. А. Безнин и Т. М. Димони из Вологды, К. А. Болдовский из Санкт-Петербурга, М. В. Зеленев и И. А. Концевой из Москвы. Профессор М. А. Фельдман из Екатеринбурга акцентировал внимание на том, что политика НЭПа являлась одной из самых оптимальных моделей экономики. Это почувствовала региональная элита. «Но советскую историю можно понять, если ее рассматривать в рамках двух проектов — рационального и мифологического», — утверждает исследователь. «Несоциалистическое» содержание из НЭПа исключили. Когда при-

шла пора определяться, многим пришлось выбирать. Рыков сказал Сталину: «Вы хотите НЭП без кооператоров — такого НЭПа не бывает». «...А китайцы пошли по пути нашего НЭПа и доказали его правоту». И это тоже уроки советской системы.

В ходе конференции работало 8 тематических секций, на которых были обсуждены проблемы исторической памяти, трансформации идеологии и массовых представлений, вопросы конфессиональной политики революционного государства, практики решения национального вопроса, развитие революционной культуры, вопросы террора от «красного» до «сталинского». В секции «Послереволюционное социально-экономическое развитие и новая повседневность» профессор О. С. Поршнева из Екатеринбурга акцентировала внимание на том, что военная угроза искусственно не культивировалась. «Сталин боялся провокации — страна была не готова к войне». Но военная угроза превратила повседневную жизнь в перманентную мобилизацию. Можно ли этим оправдать методы принуждения?

Несколько докладов было посвящено процессам урбанизации и строительства в 1930-е годы. Профессор М. Г. Меерович из Иркутска дал анализ советской доктрине урбанизации, отметив, что она вполне укладывается в марксистскую теорию. Л. А. Максимова из Сыктывкара указала, что в регионах процессы градообразования далеко не всегда соответствовали официальным установкам власти.

Итоги мероприятия были подведены на заключительном заседании. Разброс рассмотренной тематики был велик — от 1917 года до наших дней. На мероприятии присутствовали исследователи из 14 стран, заслушано 99 докладов, 170 историков приняли участие в обсуждении. Состоялись презентации баз данных «Жертвы политического террора в СССР» и «История сталинизма». Были обсуждены новые возможные форматы работы над темой, роль региональных центров изучения проблем сталинизма.

Профессор С. А. Красильников из Новосибирска отметил, что основные споры участников касались терминологии: люди произносят одни и те же слова и вкладывают в них разные смыслы. «Мы должны более точно использовать терминологию», — заключил профессор. Причем было замечено, что старая терминология иногда не подходит при описании новых сюжетов. Ученый поставил задачу: «Нам

предстоит гигантская работа по переводу сталинского новояза на научный язык».

Выступавшими было отмечено, что основные доклады, представленные на конференции, были в духе позитивизма, как первые описания поднятых проблем. «Есть институциональные вещи — они виднее, гораздо сложнее и интереснее анализировать атрибутивные вещи», — заметил С. А. Красильников. А. К. Сорокин разделяет это мнение: «Больше всего мы получаем исследования на основе case-study, актуальными остаются обобщающие теоретические труды и концептуальные обобщения». Поскольку историками-архивистами решен большой комплекс задач по обнаружению документов изучаемой эпохи, А. К. Сорокин поставил перед научным сообществом задачу создания обобщающего труда по истории сталинизма.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Вокуев Николай Евгеньевич, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Герасимов Сергей Викторович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Россия, Санкт-Петербург).

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, директор института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Залевская Ольга Сергеевна, руководитель центра развития волонтерства в Республике Коми ГАУ РК «Республиканский центр поддержки молодежных инициатив» (Россия, Сыктывкар).

Золотарев Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Золотарев Олег Васильевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Измайлова Эмма Вячеславовна, аспирант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Россия, Санкт-Петербург).

Китайгородская Галина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, ректор Коми республиканского института развития образования и переподготовки кадров (Россия, Сыктывкар).

Коробко Ксения Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права и процесса Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Круглова Лариса Константиновна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Россия, Санкт-Петербург).

Лапатин Вадим Альбертович, кандидат философских наук, преподаватель Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского, 107 кафедра (Россия, Санкт-Петербург)

Лисенкова Анастасия Алексеевна, кандидат культурологии, доцент, проректор по научной и международной деятельности Пермского государственного института культуры (Россия, Пермь).

Максимова Любовь Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, директор института истории и права Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Некрасов Руслан Валерьевич, старший преподаватель кафедры дизайна института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Попова Анна Михайловна, кандидат биологических наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Романчук Надежда Ивановна, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Суворова Ирина Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск).

Сулимов Владимир Александрович, доктор культурологии, доцент, зав. кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор Высшей школы экономики — Санкт-Петербург, Заслуженный деятель науки РФ (Россия, Санкт-Петербург).

Юдин Егор Витальевич, магистрант юридического института Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар).

Периодическое издание

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-образовательный и методический журнал

№ 4(26) 2017

Редактор *Л. В. Гудырева*

Корректор *Л. Н. Руденко*

Верстка и компьютерный макет *Т. В. Матвеевой*

Тех. редактор *Н. Е. Чаркова*

Выпускающий редактор *Р. П. Попова*

Подписано в печать 26.12.2017. Дата выхода в свет 15.01.2018.

Печать ризографическая. Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 9,8. Уч.-изд. л. 9,3.

Заказ № 254. Тираж 500 экз.

Адрес типографии:

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина

167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25